

**ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ ГАТЧИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
Муниципальное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»**

**65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

“СКВОЗЬ ГОДЫ ПАМЯТИ И СУДЬБЫ ПОКОЛЕНИЙ”

Санкт-Петербург
Издательство “ЛЕТОПИСЬ”
2010

Сквозь годы памяти и судьбы поколений / Куратор проекта Е.Л. Бабий; Сост. С.А. Топорикова, О.Л. Соколова, Л.Н. Вавулина.— СПб.: «Летопись, 2010.— 254 с.ил.: 9 л.цв.ил. — (65-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается)

ISBN 978-5-904545-09-3

ISBN 978-5-904545-09-3

© Муниципальное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная районная
библиотека им. А.С. Пушкина»
© Редакционная подготовка, макет.
Издательство «ЛЕТОПИСЬ», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«... На старой, милой земле
Есть много мужества...»*

Константин Симонов

Память, мужество, стойкость, героизм, самопожертвование..., этот ряд можно продолжать и продолжать. Великий русский язык позволяет свободно выразить чувства и особые человеческие качества, которыми определяется понятие и смысл патриотизма, истинной любви к своей Родине.

К 65-летию Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г. в рамках проекта «Войны и памяти приказ...» муниципальным учреждением культуры «Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина» проведен конкурс литературно-художественных работ среди читателей библиотек нашего района. В канун знаменательной даты итоги были подведены. Часть работ победителей конкурса вошла в сборник «Сквозь годы памяти и судьбы поколений». Разделы книги: **«О войне от первого лица»** – воспоминания жителей Гатчинского муниципального района о Великой Отечественной войне, **«Светлый образ солдата – победителя»** в воспоминаниях потомков, **«Цветут незабудки у мраморных плит...»** – творческие работы читателей, объединяют воспоминания и восприятие прошлого, взгляд из сегодняшнего дня на подвиг и великую стойкость военного поколения, определяют и подчеркивают глубину памяти, ответственности и самосознания поколений.

Для нас было очень важно подчеркнуть особую культуру отношения к ветеранам Великой Отечественной войны, блокадникам, труженикам тыла, детям войны – всем, кому выпало жить в те суровые годы. Сейчас, к сожалению, мало в нашей жизни жертвенности. Превалирует другая позиция, к себе обращенная. Поэтому обратиться к преемственности исторических традиций, исторической памяти военного поколения, к

памяти очевидцев тех событий, их чувствам, восприятию и переосмыслению пережитого, когда каждый день мог стать последним — это значит узнать и научиться понимать предназначение и смысл жизни человеческой.

Благодарим всех, кто принял участие в этом проекте: библиотекарей, педагогов, родителей и всех читателей, и самых юных, и мудрых.

Откройте книгу, почитайте, мы будем рады, если она вызовет у вас желание больше узнать об истории Великой Отечественной войны и судьбах своих близких, соседей, односельчан.

Надеемся, что этот сборник передаст искренность, неповторимость и доверительность авторов будущим поколениям наших читателей.

Помните!

Через века,

через года,—

помните!

О тех,

кто уже не придет

никогда,—

помните!

Р. Рождественский

БАБИЙ Елена Леонидовна,
*директор Межпоселенческой центральной районной
библиотеки им. А.С. Пушкина*

О ВОЙНЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ЧЕТЫРЕ ГОДА ПО КОМАНДЕ «К БОЮ»...

АНИСИМОВА
Ульяна
Михайловна,
д. Батово

Родилась в 1920 г. Инвалид войны и труда. Всю войну находилась на фронте, оказывая медицинскую помощь раненым. После прорыва блокады Ленинграда ее полк освободил Рождествено, а также д. Сорочкино, г. Лугу. Награждена орденом Славы III степени, медалью «За оборону Ленинграда».

Начало войны встретила в г. Сортавала, который находится в 17 км от границы, где я работала на фабрике. До начала войны вместе со многими девушками успела закончить курсы медсестер. Очень быстро наш городок буквально наводнился отступающими частями. Шли долгие, изнурительные бои, в городке скапливалось множество раненых, которым нужна была медицинская помощь. Так я оказалась в 47-ом минном батальоне, с которым отступала до Финского залива.

После было окружение, с остатками батальона я оказалась на острове Валаам. Оттуда нас вывозили на баржах через Кронштадт в Ленинград. Во время посадки на баржи была жесточайшая бомбежка, в результате которой 8 барж пошло

ко дну. Уцелевшим людям после бомбежки удалось добраться до Ленинграда, в том числе и мне.

К этому времени от батальона осталось не больше 16–18 человек. В сентябре 1941 года наш батальон был переформирован, получил отдельный армейский полк, которому после освобождения города Луга присвоили почетное наименование – Лужский.

Всю блокаду я была на фронте в своем полку. Потом был прорыв блокады. Наш полк двигался с боями от Ленинграда на Вырицу – через Сиверскую на Выру, Рождествено, Лугу. Мосты через речки были взорваны, минометы мы переносили на руках. При освобождении села Рождествено минометы были установлены на старом кладбище на Вознесенке. Погибло много солдат. После освобождения села Рождествено полк пошел дальше – на Сорочкино, где все горело, и Лугу. После освобождения Луги я была награждена орденом Славы III степени, медалью «За оборону Ленинграда» и другими. Инвалид войны и труда.

ВОРОНЦОВ
Александр
Александрович,
п. Дивенский

В 2005 году 17 марта в Рождественской средней школе в торжественной обстановке, в присутствии руководителей района, военным комиссаром г. Гатчины полковником Филоненко В.А. участнику войны, читателю библиотеки п. Дивенский, Воронцову Александру Алек-

сандровичу была вручена медаль «За отвагу», к которой он был представлен еще 6 августа 1944 года. Вот его воспоминания о том бое, за который его наградили.

В начале августа 1944 года в 40 км от Нарвы шло наступление наших войск. Благодаря отваге наших солдат противник был выбит с занимаемой позиции. В конце этого боя старшина роты внес Александра Александровича в списки достойных медали «За отвагу». Список этот он написал в своей записной книжке. На следующий день предстояло выбить неприятеля с хутора. Старшина повел роту в бой. Немцы располагались в противотанковых окопах и не ожидали наступления, наши войска их обстреляли и взяли в плен.

Вот рассказ А.А. Воронцова: «Я бежал вперед и не видел, что меня преследует немец, а позади немца бежал наш солдат, у него в руках был ручной пулемет Дягтерева, в нем заело патрон. Он крикнул мне: «Сашка, Сашка!» Я оглянулся и увидел немца. Этот оклик спас мне жизнь. Немец был молодой, высокий. Он споткнулся, и винтовка вылетела у него из рук под ноги. Я схватил ее и повесил на плечо, а немец поднял руки и взял его в плен. Тем временем старшина с другими солдатами ушел вперед, там двигался немецкий обоз с награбленными вещами, которые они хотели вывезти. Немцы из этих обозов убили нашего старшину роты. Записная книжка так и была с ним.

ЖИЛЯЕВ

Михаил

Митрофанович,

д. Батово

Записки из личного дневника

6 мая 2006 г.

«Январь 1944 г. На Украине в районе Кировограда погода была плохая: снежный покров 20–25 см. Небольшой мороз 8–10 градусов, безветрие. 7 января 1944 г. личный состав 46

отдельного инженерного саперного батальона был собран в школе, где была поставлена командованием боевая задача. Войска 2 Украинского фронта после артподготовки должны прорвать хорошо укрепленную оборону немцев, развить наступление и взять Кировоград. Нашему батальону была поставлена задача: по 3 человека сесть на танки (Т-34) в качестве десанта и одновременно сделать проходы в минных полях.

И вот утром 8 января 1944 года к 6.00 все разместились по 3 человека на танках. Генерал Ротмистров отдал приказ, и после артподготовки сотни танков пошли на прорыв. Немцы упорно сопротивлялись, но такую силу не могли сломить и сдержать. При прорыве обороны под Кировоградом наш батальон потерял более 100 человек. Были большие потери в танках.

Где-то в обороне в районе Федоровки разведчикам батальона под моим командованием (7 человек) было дано задание пройти линию фронта и в глубине 15–20 км от обороны подрубать мосты и другие военные объекты немцев. Все было получено, сдали ордена, документы, вооружились хорошо. Нашли хорошее место для перехода. Назначено время 12.00. И вдруг в 10.00 приходит связной и приносит новый приказ: окружить Корсунь-Шевченковскую группировку. Сразу же начали выполнять задание. Шли день, ночью больше, чтобы противник не замечал. А погода к концу января была невыносимая, то снег, то оттепель, очень трудно ставить мины. Много пришлось вынести тяжести и ужасов в период окружения и уничтожения группировки».

9 мая 2007 г.

«Для потомков хочется написать о реальном событии на фронте Отечественной войны. Это было в июне 1944 года на Тургус-Фрумском направлении (Румыния, восточнее Ясс). Пишу, что осталось в памяти.

Погода ясная, жаркая, без дождей. Мы, разведчики, 7 человек 46 отделения инженерно-саперного батальона, по заданию командования (командир-майор Твердала) должны выйти на высоту 356 м и вести наблюдение за огневыми точками про-

тивника. Ежедневно давать в штаб батальона сведения о замеченных фактах противника. Внизу высоты небольшая деревня. Мы нашли хороший подвал кирпичный, сводчатый. Любая мина или снаряд нам не угрожали. И вот по 2 человека со стереотрубой, установленной на высоте, хорошо замаскированной, в хорошей траншее вели наблюдение. Менялись 2 раза в сутки, день одни, ночью другие. Высота 356 имела большое стратегическое назначение. Мы могли до 25 км наблюдать за противником, и немцы, если б они ее занимали, так же на такое же расстояние могли наблюдать наши позиции. Поэтому высота по несколько раз переходила то к немцам, то к нам.

Утро, где-то 7.00 часов. Немцы подтянули свою пехоту и открыли ураганный артострел. После налета самолетов Ю-88 немцы пошли в наступление, имея превосходство, наши, не выдержав натиска немцев, стали отходить.

Я с Ведехиным вначале не думали сниматься, но увидели, что армейские, дивизионные и другие разведчики покинули свои места, а одни даже забыли стереотрубу, мы ее взяли и решили отходить к месту нашего подвала, а в деревню уже просились немцы — автоматчики. У нас был единственный выход через овраг, заросший терновником. И мы пошли по оврагу, а длина его 600—700 м. Некоторые не были согласны, но я как командир сказал, что другого выхода нет, иначе все мы погибнем.

Прошли несколько метров все исцарапанные терновником — вдруг взрыв. Губареву оторвало ногу, перевязав, на плащпалатке понесли его дальше по оврагу. Благополучно вышли на дорогу. Остановив двуколку, отправили раненого Губарева из Курской области в медсанбат. А мы пошли по направлению к штабу нашего батальона. Не дойдя 200 метров до места назначения, попали в нашу дивизию. Капитан приказал нам окопаться и вести бой. Впереди ехали 4 танка и много немецких солдат. Всю ночь шел бой. Оставшиеся целыми 2 танка повернули назад. Капитан сказал, что теперь мы можем идти к месту назначения. К вечеру следующего дня высота снова наша, и мы уже утром опять вели наблюдение, засекая огневые точки немцев».

Прошла война, победа наша,
И вспомнить можем мы сейчас,
Как гибли люди там бесстрашно,
Жизнь оставляя и для нас.

Гремели взрывы хуже грома,
Не стало у детей родного дома.
Боролись мы с врагом, теряя жизни,
Любили Родину и верили в Отчизну!

Мы знали твердо: быть Победе,
И знали, что пройдет война,
И наши будущие дети
Должны сказать «спасибо» нам.

Мы будем помнить, будем верить.
Тогда нигде и ни за что
Не повторятся войны — беды
И станет в мире хорошо.

2005 г.

МАТВЕЕВ
Виктор
Алексеевич,
д. Орлино

Воспоминания о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Я, Матвеев Виктор Алексеевич, родился в 1925 году в деревне Горки Псковской области. Проживал в деревне вместе с родителями и двумя братьями. На фронт попал в 1944 году, воевал на 2-ом Белорусском фронте, призывался в запасной полк, потом определили в 922-й стрелковый полк 250 стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта.

Это было в августе 1944 года. Наш полк с боями продвигался и вошел в Восточную Пруссию. Там меня 25 января 1945 ранило и меня отправили в госпиталь, после выздоровления направили в 1322-ой стрелковый полк — это было в городе Данциге. В составе полка двигались в сторону реки Одер. Помню, как форсировали Одер — это было в конце апреля 1945 года. Я воевал во взводе автоматчиков. Подошли к Одеру. Вдоль реки была дымовая завеса — это было прикрытие. Когда подходили к переправе, из рупора лилась музыка, а с другого берега стреляли немцы. Нас заставляли несколько раз окапываться. К вечеру подошли к переправе, на пароме перебрались на другой берег, заняли траншеи и закрепились до утра. Утром увидели, что впереди чистое ровное поле. Наш взвод растянулся цепочкой и стал двигаться вперед. Прошли метров четыреста, и немец открыл огонь по нам. Продолжая двигаться вперед, мы ответили автоматным огнем. Мы были вынуждены залечь и окопаться. Стал перезаряжать патронами диск, снял вещмешок и вижу, что из мешка торчит полотенце, оказалось, что пуля пробила мешок. В мешке были пробиты котелок и ложка. Я понял, что это произошло в момент падения на землю, когда мешок оказался выше моего тела, если я сделал бы еще один шаг, то пуля попала бы мне в грудь. Таким образом, опередив пулю на доли секунды, я остался жив. В песне есть слова: «а до смерти четыре шага», а тут бы я сказал: «До смерти секунда». Вечером опять пошли в наступление. Казалось, что перед нами поле, а там было два оврага, где окапывались немцы, но под нашим огнем они отступили за железнодорожную насыпь, откуда вели перестрелку с нами.

На правом фланге всю ночь была слышна канонада боя, к утру немцы отступили. Мы вышли к морю на полуостров, где и закончили этот бой за два дня до Великой Победы.

Мобилизовался в 1950 году. Сейчас проживаю в село Орлино с женой в частном доме по улице Мира. Вырастил двух дочерей. Приезжают погостить два внука и внучка. 25.03.2010 г.

*МОРОЗЮК
Анатолий
Семенович,
г. Гатчина*

Родился в 1925 году. Капитан. Командир взвода зенитной батареи 1132 ЗП. Ленинградский фронт. Награжден орденом Отечественной войны 1 ст., Славы 3 ст., 13-ю медалями.

«Мне было 16 лет, и мы боялись, что в скором будущем наши войска разобьют врага, и мы не успеем своими действиями помочь нашей Родине. А оказалось, что войне нет конца и края. 4 года страшных испытаний, горечи и мук.

В конце 1942 года по комсомольскому набору нас призвали в армию для овладения солдатскими премудростями в учебном батальоне, где мы познали воинскую дисциплину и поняли, что приказ начальника — закон для подчиненного и должен быть выполняться точно и в срок. А также изучали вооружение: винтовка, пулемет, все возможные гранаты и мины. Научились ползать по-пластунски и узнали многочисленные приемы боя с оружием.

17 января 1943 г., принимая присягу на верность служения Родине, я вскользь сказал, что мне сегодня исполнилось 18 лет. Командир мне сделал подарок — 2 пачки маршинской махорки, которую я тут же закурил, а повар во время обеда подал мне вторую порцию компота. Вот так прошел мой день рождения.

После присяги я попадаю на курсы ефрейторов, которые успешно закончил и получил первое воинское звание — ефрейтор. Нас сажают в телячий вагон, снабженный двухъярусными нарами, и везут в направлении фронта через всю Россию. Высадились и пешим ходом пошли на пополнение подразделений. На месте прибытия командир роты приказал нам окопаться и

не высовываться. И тут мы получили первое боевое крещение. Пролетел самолет-разведчик, и вскоре налетели «мессеры» и давай нас крестить, кто не успел спрятаться в траншею, был убит или ранен. Здесь мы увидели первых убитых и кровь. Я сделал вывод: без необходимости не высовываться и лишне не проявлять свое геройство.

Нас соединяют с 381 дивизией, и началась с апреля 1944 г. для меня настоящая война. И вот первый эпизод моей военной жизни. Я был командиром ПТР, меня с моим помощником направили в засаду на одну из дорог. Мы выбрали огневую позицию так, чтобы было видно хорошо движение на дороге. Сидим шесть часов и вдруг видим: идет танкетка. Я прицелился с ПТР и удачно попал прямо в щель водителя. Танкетка закружилась в диком танце. Выполз офицер-немец, при нем оказались важные документы немецкого командования. Мы его сопроводили в часть, а там его доставили в штаб дивизии.

После артиллерийской подготовки идем в наступление, но тут поступил приказ залечь и окопаться, земля каменистая и окопаться не успели, попадали под минометный огонь рядом с нами, разорвалась мина. Я чувствую: ударило по ногам, спине, думаю, ранили.

Страхиваю с себя землю и камни, ощупываю себя, крови нет, а боль от камней осталась. Команда «идти вперед». Я поднимаюсь и стараюсь поднять своего помощника, а он оказался убитым. Похоронить мне его не удалось, и какая его судьба дальнейшая, я не знаю. Все его вооружение я взвалил на себя и побежал дальше.

После мощного артиллерийского удара по позициям противника подается сигнал ракетой о предстоящей атаке. Все выползают из траншей, и командир вскрикнул: «За Родину! За Сталина! Смерть немецким оккупантам!» На меня движется рыжий громадина — немец. Думаю, хана мне. А сам молниеносно вспоминаю штыковые приемы, которым обучали в учебном батальоне.

Я развернулся и снизу прикладом в подбородок немца. Он упал. Я его заколол штыком и пошел дальше. Много наших бойцов полегло, но местностью мы овладели, и надо было оставшимися силами удерживать занятые позиции. И, чтобы создавать видимость крупного подразделения, приходилось двигаться по траншее и производить контрольные выстрелы.

Нашей 381 дивизии дали возможность отдохнуть, набраться сил для дальнейшего наступления. Отдых был в финских лесных массивах. Мы попали в квадрат, где орудовала финская «кукушка» — место для нахождения разведчика, вооруженного до зубов. Солдаты развели небольшие костры для приготовления горячей пищи, и тут «кукушка» передала данные нахождения наших подразделений минометчикам. И начали рваться мины в расположении наших войск. Мы стали метаться из угла в угол, а противник периодически тревожил нас минами. Опытные солдаты доложили командиру, что это действие «кукушки», и он объявляет о желающих на уничтожение этой «кукушки».

В состав группы вошло 6 человек: старшина, я и 4 солдата. Пока мы пробирались к логову врага, потеряли 3 человека. По огню нам удалось его засечь. Мы со старшиной, маскируясь, по-пластунски между деревьями, произвели прицельные выстрелы, которые «кукушку» вывели из строя.

Подошли ближе, и я по веревочной лестнице забрался на площадку и все вооружение и самого фрица сбросил вниз. Доложили командованию о выполнении приказа, за что нас представили к наградам. Еще 2 дня спокойно отдохнули и пошли в наступление по Карельской территории, где одни валуны и камни, где не только траншею, а даже ячейку не выкопать подручными средствами.

Мы как раз проходили открытую местность, и вдруг налетели немецкие самолеты и давай нас долбить бомбами. По возможности залегли, кто где мог. Я лег рядом со старшиной, а бомба разорвалась с его стороны и его разрешетило насмерть, а я, скрываясь за его телом, был ранен в спину. Попросил связиста меня перевязать, а пакеты индивидуальные малы и спину перевязать не удалось. Я спросил, где находится санбат, он мне показал направление.

По этому направлению, истекая кровью, я пошел далее впе-

ред, и вдруг слышу, снаряды пролетают то с одной, то с другой стороны, а мне нужно преодолеть полосу мелкокопья. Я пополз по-пластунски.

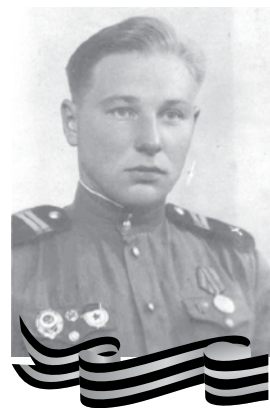
Преодолел полосу, вижу Красный крест и направление стрелкой на санчасть. Силы меня покидают, так много потерял крови, и прямо у креста я теряю сознание. У меня в уме протекает вся моя короткая жизнь, и я прошу маму спасти меня.

На мое счастье шли два санитары с носилками на поле боя за ранеными. Они меня доставили в санчасть. Сделали укол, и я проснулся и чувствую себя вялым и немощным. Выходит врач с засученными рукавами и говорит: «Надо делать операцию, а у меня нет обезболивающего». Я отвечаю: «Если надо, делайте». Меня кладут на настил и 2 санитары держат за голову, а два за ноги и вот врач по живому телу начинает пинцетом и щипцами вытаскивать осколки, а я извиваюсь как змея, но без крика, преодолевая боль. Врач показывает мне мое богатство и дает мне пятьдесят граммов спирта – пей! Я ему отвечаю, что не пью. Он: «Я второй раз не повторяю». Я выпиваю и от спирта задыхаюсь. Он меня по горбу стукнул и привел в чувство. Я моментально от алкоголя засыпаю, и нас на санитарной тачанке переправляют в санбат, где отправляют в госпиталь на Малодетском проспекте – бывшая школа. Тогда еще рентгена не было и врач – хирург делает мне анестезию и еще находит два осколка. Хотя один осколок у меня прижился и покидать меня не хочет до сих пор.

Однажды она заходит при обходе к моей кровати и говорит: «Ну как, Толечка, настроение?». У меня после такого обращения слезы брызнули из глаз. Мы на фронте слышали только «товарищ сержант», «товарищ Морозюк», но не Толечка. Из госпиталя в августе 1944 г. меня отправили в зенитную часть 37-мм орудия, где вскоре направляют на курсы младших лейтенантов. Присваивают звание младшего лейтенанта и направляют в часть командиром взвода. Дослужился до звания старшего лейтенанта. В дальнейшем получаю назначение командиром 100-мм орудий. В конце 1954 г. по приказу увольняюсь, так как у меня не было за плечами академии.

Хочу сказать, что в моей фронтовой жизни было четыре случая со смертельным исходом. Видимо, мой ангел-хранитель

меня спас и дал мне возможность дожить до восьмидесятилетия. Может быть, и до столетия доживу!

СЕМИЧЕВ
Марк
Сергеевич,
д. Батово

ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ

Марк Сергеевич Семичев родился 28 апреля 1927 года в д. Даймище в семье Марии Гавриловны и Сергея Павловича. Отец в 1929 году был бригадиром полеводческой бригады, потом счетоводом колхоза, а затем его выбрали председателем колхоза «Память декабристов» в деревне Даймище. Марк был подвижным и любознательным ребенком.

За ударную работу колхозу был выделен велосипед, правление решило отдать его председателю, а так как он ездил на лошади, велосипедом пользовался его сын Марк. На нем он ездил в магазин за продуктами, в основном – за хлебом.

В 1941 году очереди за хлебом были большие. Давали по полкило на человека. Мы имели свое хозяйство, огород, тем и жили. А позже мать ходила менять вещи на хлеб через Чикино и болото в Лужский район и дальше.

В Сиверской прошел слух, что немцы готовятся к войне. А 22 июня 1941 г. по радио Молотов выступил с сообщением о нападении Гитлера на Советский Союз.

Еще до войны в Даймище начинали делать взлетно-посадочную полосу. Немцы разбомбили ее в первые дни войны. Самолеты летели – темно в небе было. Гул стоял страшный. Летели бомбить аэродром в п. Сиверская. За один раз по 50 самолетов и больше.

«Отец ушел на фронт в середине июля, – вспоминает Марк

Сергеевич, — а в начале августа мы с матерью ушли в лес, бабушка осталась дома. В лесу жили в шалаше недели две. Ушли, потому что был разговор, что немцы всех убивают.

Немцы у нас в деревне появились 20 августа на танках и мотоциклах. Поставили установку и через рупор объявили: «2 часа на сборы, а потом будем стрелять». Все вернулись. Немцы назначили старосту, вначале был Семен Иванович Удальцов (у него было 5 дочерей и сын), потом он отказался, и тогда вместо него назначили Невского Виктора Михайловича, он был старостой до 1944 года.

Когда вернулись домой, неделю не работали. Потом полевая жандармерия забирала людей по ночам, несколько раз попался и я. У магазина был сарай, там держали две недели, затем гнали в Рождествено, там, в центре села, была «Биржа труда». Выстраивали всех во дворе и назначали на работу. Я чистил дороги от снега, копал канавы, дробил камни. Надо было выполнить норму, если не сделал, били плеткой. Через месяц выдали жетоны, которые вешали по номерам, кто не пришел, находили и избивали плеткой.

Мать узнала, что в Чикино берут на работу, и упросила немцев перевести меня туда. Там до войны был стружечный завод, пилили лес, делали стружку упаковочную. Нам давали скудный паек на неделю: буханка хлеба с опилками, 2 столовые ложки повидла, томатную пасту, стакан крупы, 1 пачку сахара. Работали женщины и подростки. К финнам из деревни Ляды немцы относились более лояльно, у них был другой паек.

Мы впятером работали на гусеничном тракторе ХТЗ, старались сделать меньше: то гусеница «порвется», то из ямы «не вытянуть» трактор, надо было 3 раза съездить за лесом, мы делали 1 рейс.

Однажды молодой немец дал мне послушать радио, так я узнал, что немцы потерпели поражение под Сталинградом. В 1943 году, после Сталинградской битвы, немцы стали вести себя агрессивно, отобрали всю живность. Коров через реку из деревни Даймище в Батово перетаскивали лебедкой, рев стоял невыносимый, а потом их гнали по дороге в сторону Луги.

Всех подряд забирали по ночам и отправляли в Германию. Я прятался: вечером на лыжах уходил в лес. Однажды чуть не

попался своим разведчикам. Муж Ульяны Михайловны Василий был среди них. Я слышал их разговор, когда они проходили почти рядом со мной.

В лес ходить было опасно, на развилке дорог стояли пулеметы, без пропуска не пускали, даже чтобы идти за дровами, надо было выписывать разрешение.

Чикинский завод немцы готовили в эвакуацию. Нам выдали бумагу о прикреплении к заводу. Эта бумага спасала нас от отправки в Германию. А один раз меня спасла моя собака. Когда пришли немцы с собакой, я спрятался в сарае под крышей. Их собака меня учуяла и направилась в мою сторону. Моя собака набросилась на немцев, мать выбежала и убедила их, что там кошки бегали, а собака их почуяла.

В январе 1944 г. в небе со стороны Рождествено и Выры были видны вспышки боя: огненные стрелы «Катюши» и минометов. Самолеты бомбили отступающего врага — радостные для нас звуки. Я забрался на силосную башню, чтобы лучше видеть, но потом сообразил, что могут заметить, и слез.

Когда пришел в деревню — никого не было, ни немцев, ни наших; было нас трое: Захарова Надя, Антипова Тамара и я. 30 января 1944 года в 8.30 утра приехали наши освободители... на лошади. Группа человек 30. Мать увидела, испугалась — кто-то едет. Наши приехали! «Как дела? Немцев нет?» — «Нет». Они помылись, поели, поговорили и ушли воевать дальше.

В то время председателем колхоза была Пакулина Александра Николаевна. Через 2-3 дня попросили всех собраться на ремонт моста у Красной Горки. Пустили танк, он провалился. Вытащили танк, но мост не стали делать. В Рождествено и Выре натянули понтонные мосты, и войска переправлялись там. Вместе с солдатами я работал на строительстве дороги, в Рождествено засыпали ямы от бомб.

В феврале стал допризывником. В составе группы из 15 человек проходил обучение 2 месяца, после чего дали удостоверение и направили военруком в Рождественскую школу. У ГЭС было общежитие для школьников из деревень Даймище, Ляды, Чикино. Директором школы была Федорова Анна Федоровна. Женя Соколова, моя одноклассница, проводила меня к ней. Так я стал военруком. Детей было мало.

В начале июня вызвали в военкомат и направили на призывной пункт в Сиверскую, где сейчас детдом. Июнь, июль, август бегал в Сиверскую, потом стал ездить на сохранившемся велосипеде, получив особое разрешение на регистрацию велосипедного транспорта. Когда начались занятия в школе, 2 дня работал в школе, а остальные на призывном пункте.

1 декабря 1944 г. был призван Гатчинским РВК в армию. В составе 16-го отдельного артиллерийского полка отправили в город Луга. В феврале 1945 года полк получил новое вооружение и был отправлен в Германию (в район г.Штекель — у Кенигсберга). Кругом шли наступательные бои. Нас отправили в Литву в город Каунас. Выезжали на облавы по хуторам, патрулировали город, охраняли объекты. В начале 1948 года был награжден медалью «30 лет Советской армии».

А потом была школа артиллерийской разведки. Служба в Ленинграде. На Фонтанке, 90 находился распределительный пункт, там мы занимались подготовкой артиллерии для учебных стрельб. Выезжали на Лужский полигон. Здесь мы были главными спецами. Потом жили в г. Гатчина. Уволен в запас 24 марта 1951 года, отслужив более 6 лет.

В Ленинграде нашел свою «вторую половинку» — Евгению Рафаиловну. В Санкт-Петербурге живут дочь Людмила и внучка Дарина».

После службы по комсомольской путевке Марк Сергеевич работал на заводе им. Жданова. В 1993 г. он награжден медалью «За победу над Германией». В 2004 году признан участником войны. Ветераном труда Марк Сергеевич признан за отличную работу на Охтинском химкомбинате «Полимерстройматериалы», где работал до самой пенсии. Постоянно вел активную общественную работу, выступал от имени молодежи на митинге, где был Климент Ворошилов, который пожал ему руку и поблагодарил за трудовую и общественную работу.

ТОЧИНОВА
Ольга
Николаевна,
д. Покровское

БЫЛА ЛИ МОЛОДОСТЬ, БЫЛА...

Была ли молодость, была,
Но только с первого свиданья
Война нас круто повела
В огонь и дым на испытанья.

«Окончена школа, наконец, мечта сбудется», — думала Оля Ипатова, когда поступала на подготовительные курсы в Государственный университет г. Петрозаводска. Ведь мечта у Ольги была стать геологом. Но, увы, началась война, университет закрыли и всех эвакуировали на баржах в г. Пудож. Ведь родилась Ольга в г. Пудож. По возвращении домой ее пригласили в военкомат, и началась уже взрослая и опасная жизнь девушки. Она работала в госпитале санинструктором, были очень страшные бои. Медсанбат разбомбили, очень много было раненных, кто остался в живых — перебросили на Волховский фронт. С первых и до последних дней Оля в действующей армии. Это Волховский фронт, I Прибалтийский, II Прибалтийский, Калининский. Она была санинструктором стрелковой роты, и главная ее обязанность — выносить раненых бойцов с поля боя. Сколько она их вынесла — не перечить, но в ее домашнем архиве сохранился интересный документ, это благодарственное письмо ее матери, от командира полка. На пожелтевшей от времени бумаге четким стремительным почерком изложены ее боевые заслуги. Одна из строчек особо поражает воображение. Командир пишет, что старшина Ольга Ипатова только в одном бою вы-

несла с поля 12 раненых солдат: 12 раз она подвергала себя смертельной опасности. Спасая раненых, Ольга Николаевна сама была много раз ранена. Трудно, тяжело и очень страшно было на войне. Там все, что видели мои глаза и даже то, о чем сказать нельзя.

Свою первую награду орден Красной Звезды девушка получила на передовой. «Только что вернулась из боя, вызывают в штаб, оказывается, был день 8 марта, девочки были наряженные, а мы только успели умыться лицом, гимнастерки в крови. Награду получила из рук полковника Етрухина. За смелость и мужество она награждена медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги», у нее более десятка письменных благодарностей от Верховного главнокомандующего, и все они сохранены и находятся в ее личном архиве. Война для Ольги Николаевны закончилась в Румынии. После войны Ольга Николаевна вернулась в родной город Пудож Карельской АССР, где работала секретарем Пудожского горкома комсомола. Молодая, красивая и статная девушка знакомится со своим будущим мужем, Точиновым Александром Степановичем, и в 1949 году переезжает в деревню Покровская Ленинградской области на родину мужа. Ольга Николаевна работала в городе Ленинграде, это Ленинградский институт травматологии, в 47 поликлинике на Благодатной улице.

У Точиновых родились три сына. Своим сыновьям, а затем внукам Ольга Николаевна отдала часть себя. Живет Ольга Николаевна на Ленинградской земле, но с любовью и теплотой вспоминает свой родной город Пудож. Сейчас в Пудоже живет ее родной внук: Точинов Сергей Владимирович, который работает народным судьей.

В настоящее время Ольга Николаевна давно на пенсии. Но, как и раньше, энергичная и деятельная, активно участвует в общественной работе, в воспитании молодежи на территории Пудомягского сельского поселения.

ХАРИТОНОВ
Александр
Михайлович,
п. Суйда

Родился в 1925 году в Вологодской области. В Армию был призван 2 января 1943 года, на передовой с 8 августа 1943 года. Воевал на 2-ом Прибалтийском фронте в составе 7-ой гвардейской воздушно-десантной бригады (впоследствии 322-й стрелковый полк). Участвовал в освобождении Венгрии и Австрии. Дважды в 1943 и 1944 гг. был ранен и находился в военных госпиталях. Награждён: двумя медалями «За отвагу», юбилейным орденом Отечественной войны, многими медалями. С 1961 года проживает в посёлке Суйда. Работал на разных инженерных должностях в ОПХ «Суйда». На пенсии с 1990 года, долгое время возглавлял Совет ветеранов Воскресенской волости, заместитель председателя Совета ветеранов Кобринского сельского поселения, ведёт большую общественную работу.

ВСПОМИНАЯ ВОЕННЫЕ ДОРОГИ

2 января 1943 года в возрасте 17 лет и 4 месяцев я был призван в ряды Красной Армии.

После военной подготовки в пехотном училище с 8 августа 1943 года в составе 250 гвардейского стрелкового полка принимал участие в боевых действиях по освобождению городов Хотынец и Карачев Орловской области. Затем наша часть была переброшена под Великие Луки.

18 декабря 1943 года полку была поставлена задача перерезать дорогу Невель – Городок. Огнём из станкового пуле-

Харитонов
Александр Михайлович.
Фото 1945 г.

мёта «Максим» мною была остановлена и подбита колонна техники отступающих немцев, через некоторое время противник предпринял попытку развернуть артиллерийское орудие для уничтожения нашего пулемётного расчёта. Но пулемётной очередью мною были уничтожены артиллерийский расчёт и тяговые лошади противника. За эти действия я был награждён медалью «За отвагу».

При наступлении на г. Городок Витебской области был ранен. После излечения попал в 7-ю десантную бригаду, которую в январе 1945 года переформировали в 322-й гвардейский полк и отправили на освобождение Венгрии, где от города Дебрецен прошёл с боями всю Венгрию и Австрию наводчиком противотанкового оружия.

В Австрийских Альпах, на перевале Зимеринг, огнём из ружья ПТР мною был подбит и сожжён бронетранспортёр противника, за эти действия был награждён второй медалью «За отвагу».

5 апреля 1945 года был вторично ранен, по излечении проходил службу в Венгрии и Австрии.

После демобилизации в 1949 году 7 лет работал токарем на заводе в Дружной Горке. В 1956 году окончил 10 классов вечерней школы и поступил на инженерный факультет Ленинградского сельскохозяйственного института в городе Пушкин. По окончании его направили в ОПХ «Суйда», где проработал 25 лет на инженерных должностях. В 1975 году награждён орденом «Знак почёта».

ЩЕДРОВА
Зинаида
Георгиевна,
д. Батово

Щедрова Зинаида Георгиевна (25.11.1924–13.12.2008), инвалид Великой Отечественной войны. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалью «За победу над Германией», медалью «За трудовую доблесть», Заслуженный ветеринарный врач РСФСР (Указ Президиума Верховного совета от 23 мая 1974 года).

«Короткая молодость протекала в небольшом тихом, довольно патриархальном, если так можно сказать, городе Рыльске Курской области, на берегу красивого Сейма, среди широких долин, пойменных озер, широко раскинувшихся лесов. Началась война, пришлось, что называется, выпускное платье сменить на белый халат военфельдшера, старшей операционный сестры Полевого госпиталя. И вот, десятки молодых глаз умоляюще смотрят в твои глаза и хотят видеть в твоём лице избавителя от мук и страданий, и спасителя от нависшей угрозы. Всем хочется жить, так хочется жить!

И от каждого раненого стараешься отвести черную смерть, облегчить боль. Помню, как мы боролись за жизнь командующего фронтом Николая Федоровича Ватутина, привезенного к нам в госпиталь после тяжелого ранения. Ампутировали обе ноги, но спасти его не смогли, и умер он у нас на руках 15 апреля 1944 года. С утра до ночи кровь, стоны, крики раненых. Теперь объяснить не могу, как выдержало мое сердце эти четыре года нечеловеческих страданий и испытаний. Не пощади-

ла война и меня: дважды была контужена.

Демобилизовавшись в 1945 году в Германии, приехала в Ленинград, с надеждой поступить в медицинский институт. Для подготовительных занятий требовались деньги, а их-то и не было. Пришлось работать патронажной медсестрой и учиться в ветеринарном институте. В 1952 году окончила ветеринарный институт и была направлена старшим ветеринарным врачом в Рощинский район, а затем в Гатчинском районе работала в колхозе им. Ленина, обслуживала животноводческие фермы по специальности.

В комсомол вступила в медицинском техникуме. В военном госпитале была секретарем комсомольской организации, готовилась в ряды КПСС. Партийная работа стала неотъемлемой частью моей жизни. На животноводческих фермах проводила политзанятия, неоднократно избиралась депутатом сельского совета, председателем сельхозкомиссии.

Коммунисты нашего большого коллектива избрали меня членом парткома, заместителем секретаря парткома. Теперь, пройдя тяжелое горнило Великой Отечественной войны, я не страшусь любой работы как по специальности, так и общественная.

За участие в Великой Отечественной войне, за работу операционной сестрой в госпиталях фронта я награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны и медалью «За победу над Германией».

Ежегодно совершенствуя свои знания и навыки в работе ветеринарного врача, мы своим коллективом добились хороших показателей в воспроизводстве стада крупного рогатого скота колхоза им. Ленина.

Полная ликвидация туберкулеза крупного рогатого скота и оздоровление молодняка от желудочно-кишечных заболеваний. Впервые в районе освоен новый кольцевой метод искусственного осеменения коров и телок. За 38 лет работы ветеринарным врачом, я руководила практикой 28 практикантов из ветеринарного института.

За мою работу в области сельского хозяйства правительство наградило меня медалью «За трудовую доблесть», а в 1974 году Указом президиума Верховного совета РСФСР от 23 мая мне присвоили почетное звание — заслуженного ветеринарного врача РСФСР».

«МЫ РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА — ИЗ ВОЙНЫ...»

АНДРЕЕВА
Мария
Осиповна,
п. Елизаветино

Родилась 2.02.1928 г. в д. Александровка Вохоновского с/совета Красногвардейского района (ныне Елизаветинское поселение Гатчинского района).

Сейчас этой деревни нет, на её месте находится садоводство совхоза «Пламя».

Отец — Поликарпов Осип Иванович — 1906 года рождения — проработал кладовщиком в опытном совхозе (совхоз объединял Дылицы и Вохоново). Мама — Поликарпова Елизавета Сергеевна — 1902 года рождения, работала в колхозе «Ус алу» («Новая жизнь»), в нем председателем был Крым Иван Иванович.

Училась в Вохоновской начальной школе. Школа находилась в одном здании с сельским советом. На первом этаже — школа, сельский совет и почта, на втором этаже жили учителя. Учителя Вохоновской школы — Василий Никитич и Татьяна Тимофеевна Кулешовы. У них было двое детей — Алексей и Вера.

До войны в 1939 году купили дом за 8 тыс.рублей и семья переехала в д. Ижоры. Дом почти что сразу сожгли дачники,

жили у соседей, потом перевезли баню, и, пока не построили новый дом, жили в бане. Дом построили быстро, за год доставили и хлев, и двор. Строить очень помогали люди, соседи, почти бесплатно, только за еду. В семье было восемь детей. У Марии Осиповны было 3 брата и 4 сестры. Старший брат Поликарпов Иван Осипович 1926 г.р. вернулся с войны инвалидом, умер в 1993 году. Средний – Александр (1939–1948) и Николай (1941–1971).

Когда переехали в Ижору, поступила в школу в Николаеве, там окончила 5 класс. Потом больше не училась, началась война. Школа до войны находилась за сельсоветом (бывшее здание библиотеки). Было два здания, одноэтажное – начальная школа и двухэтажное – в нём учились с 6 по 8 класс. Когда началась война, школу и здание вокзала перед приходом немцев сжёг начальник станции Чернявский Александр Федорович. Дочка его, Алла Александровна, сейчас живёт в Гатчине. Во время войны была открыта школа на 1-ой улице, но работала она недолго. Была также школа на дому у Сахаровой Клавдии Михайловны (матери Горячевой Нины Григорьевны) в Новом посёлке, ул. Большая Советская, д. 8. После войны школу построили за железной дорогой примерно напротив довоенной, она тоже была деревянной.

Немцы пришли, заняли полдома. Во дворе, около бани, были вырыты окопы. Прятались от бомбёжек и обстрелов там. Вместе с нами прятались Бутылкины. Они пришли из Заполя, жили в доме Сурикова. После войны родители вернулись в Заполье, сейчас одна дочка их, Мария, живет в Суйде, а сестра её Лидия в Холоповицах. При немцах выручала корова, ели лебеду, крапиву, головки клевера. Сажали картошку, была лошадь (разделили из колхоза). Отец подрабатывал на лошади. Как старшая, носила молоко в дорожный дом, в нём жили дорожные рабочие. Этот дом и сейчас цел, находится он на улице Вокзальной, рядом с ЕООШ. Там у немцев была пекарня, меняла молоко на хлеб. И испанцам на 6-ую улицу (в Николаевке), за мыло и хлеб.

В оккупации пришлось и поработать. Работала в Дылицах. У немцев на территории Дылицкого дворца были военные склады, там работали русские женщины и подростки. За работу

давали паёк, раз в неделю буханку хлеба и 200 г сахара или соли. Выдавали продукты русские женщины, среди них была Пономарёва Лена. Было разное отношение, кто даст сахар, а кто только соль. В декабре 1943 года немцы отправили группу молодёжи рыть окопы на Пулковские высоты. Кроме Марии Осиповны были угнаны Фёдоровы Нина и Аня, Сахарова Нина (Горячева Нина Григорьевна), Мошенкова Таня. С Мошенковой Таней чистили картошку на кухне, как самые младшие. Наши войска наступали, немцы отходили и перевезли девушек в Бегуницы, оттуда те попытались убежать, но их поймали, перевезли в Терпилицы. Из Терпилиц тоже попытались бежать, на этот раз удалось. В ту зиму очень много было снега, нужно было пробираться домой. По пути встретили обоз немецкий, попросились подвезти. Немцы были пожилые, добрые, взяли девочек в обоз. По дороге встретились полицаи, прятались от них в сене. Доехали до Волосово, там пришлось прятаться от полицаев, которые стояли на дороге. Они были с орлами на груди. Ехал немец на машине, спросил дорогу на Гатчину. Девочки сказали, что если доведёт до Елизаветино, покажут дорогу. Немец согласился, довёз до Елизаветино. В Елизаветино встретился полицаи Нугис, стал спрашивать, откуда иду. А я говорю, что иду оттуда, куда вы нас послали. Сказала и испугалась, а он ничего не сделал, отпустил. Пришла домой, а там один дед, плачет, говорит, что дома никого нет, маму забрали немцы за то, что брат Саша сжёг в печке немецкий паспорт. Отец поехал выручать маму в Волосово в комендатуру, поехал на чужой лошади, поэтому я его в Волосово не увидела. Отцу удалось подкупить самогоном немцев, и маму отпустили. С мамой сидели ещё 15 человек. Потом люди говорили, что когда немцы уходили, они сожгли арестованных заживо. Старший брат Иван в это время был угнан в Торосово, на работы, на полгода. Вернулся в январе 1944 года, и вся семья, наконец, была вместе.

При немцах работала больница, население лечила врач Татьяна Борисовна Леваневская, медсестрой у неё была Мария Петровна. Деревня Ижоры была небольшая, жили всего несколько семей: Архиповы, Палт, Волхонские, Лимберг. Обстреливали и бомбили в одно и то же время, как по часам, прятались во дворе, в вырытом окопе. Было очень страшно.

Когда освобождали, наши части шли со стороны Валерьяновки и обстреливали. В наш дом попал снаряд. Четыре года потом жили у соседей Савельевых. В Ижорах стояли 28 немцев, всех убили, похоронили их на краю леса, слева от дороги на Ижоры. Нас освобождала пехота. Когда пришли наши, отца и старшего брата забрали на фронт. Отец, Поликарпов Осип Иванович, пропал без вести под Псковом. Последнее письмо пришло от него в апреле 1944 года. Брат Поликарпов Иван Осипович пришёл с войны инвалидом.

Сразу после освобождения в январе 1944 года пошла работать на железную дорогу путевой рабочей. В мае в 5 часов утра на железнодорожной станции Елизаветино встретилось два состава. Один был с ранеными, шёл из Эстонии, с фронта. Другой был со снарядами, шёл на фронт из Ленинграда. Фашисты разбомбили эшелоны, раненые приползли в Ижору. Путейцы разбирали завалы, откапывали снаряды, фрагменты тел, складывали на носилки. Погибших похоронили в братские могилы рядом с жертвами Гражданской войны, на станции. Работали день и ночь, пока не освободили главный путь. Было очень трудно, всё горело, от горящего пороха обгорели брови и ресницы, работали женщины и молодёжь 15–16 лет. Работала в путевой колонне по всей ветке до самой Эстонии.

29 июля 1950 года вышла замуж за Андреева Василия Ивановича, через год родила дочь и ушла с железной дороги. В 1955 году родилась вторая дочь, растила детей, обходились без детских садиков. В 1953 году открылся Борницкий карьер, подросли девочки, и мы с мужем пошли в 1963 году работать в карьер на дробилку. Дробили камень в щебёнку, много было ручного труда, тяжело было, но надо было работать. Отработала в карьере с 1963 по 1984 год. В карьере работал и муж, Василий Иванович, с которым прожили душа в душу больше 40 лет. Умер муж в 1993 году. В 1965 году получила от карьера квартиру в Елизаветино на ул. Волосовское шоссе, теперь это ул. им. Леонида Басова. Переименована в честь первого директора карьера. В войну он был партизаном.

Живу сейчас одна, но не одинока. Не забывают дочки, есть два внука, внучка и правнук Егор, ему уже 1,5 года. Дали дочерям хорошее образование. Старшая, Нина, 1951 года рожде-

ния, работает в Стрельне в Константиновском дворце (Дворец Конгрессов) начальником по экологии. Младшая, Ирина, работает там же администратором.

*БАГЛАЕВА
Антонина
Васильевна,
с. Никольское*

Из воспоминаний бывшей малолетней узницы фашизма.

«Война, сколько горя и бед принесла нам она! Вечная память моим дорогим папе, дяде, погибшим на войне, моим родным брату и сестре, умершим во время войны, моей самой лучшей в мире дорогой и любимой мамочке, умершей в 1991 году. Она спасла нас с братом во время войны.

Моя мама Зайцева Ольга Петровна 1907 года рождения, мой папа Зайцев Василий Михайлович, 1906 года рождения жили в деревне Нестерково Ленинградской области Ордежского района. У них было пятеро детей, в том числе и я, Зайцева Антонина Васильевна, 1939 года рождения. У нас был свой дом, хозяйство. Отец работал мастером лесничества, был уважаемым человеком.

В июне 1941 года его сразу призвали в армию. Я чуть припоминаю, как он нас, дочек-двойняшек держит на руках и целует прощаясь. А в августе 1941 года в нашу деревню пришли немцы – карательный отряд. Мы жили под страхом и в голоде. Нашу корову, кур, запасы картофеля – все съели немцы.

Осенью 1943 года жителей деревни насильно выгоняли из домов, тут же поджигали дома, чуть ли не с людьми и вывозили в Латвию. Поселили в лагерь под Ригой, где мы жили с другими в тесноте, холоде, полуголодные восемь месяцев, потом нас хо-

тели отправить в Германию, но из-за старой бабушки, больной тети и нас, малых детей, отправили на хутор к хозяевам. В Латвии мы чуть не погибли, попали в окружение, нас чудом спасла мама. Мы ползали по канаве несколько часов. Тогда погибло много наших людей. А позже нас освободила наша армия – это осенью 1944 года.

Домой же мы вернулись весной 1945 года, на пепелище, в холод и голод. Жили много лет в баньке, чудом уцелевшей. Новый дом строили мама и брат своими руками, бревна возили на санках, доски пилили вручную.

Отец погиб 24 марта 1943 года под Ленинградом. Мы долго не могли найти его место захоронения. И только 9 мая 1990 года его имя было выбито на мемориальной доске на братском воинском захоронении поселка Красный Бор Тосненского района.

Мама в первый и последний раз была на могиле мужа 9 мая 1990 года в день 45-летия Победы. Там на могиле я прочитала свои стихи.

Ты прости нас отец, что могилу твою очень долго не могли мы найти,
Но сегодня к тебе мы пришли, горсть родимой земли и цветы принесли.
Ты прости нас отец и поверь, что не будет забыта могила теперь.
Ты прости нас отец, нам живым надо жить, чтобы род твой продлить,
Чтобы память о Вас сохранить, чтобы Родину милую так же любить.

Я с братом, наши дети, внуки посещаем могилу отца каждый год в День Победы, пока живы. Так просила нас мама. В 1994 году мне, Баглаевой Антонине Васильевне, выдано удостоверение малолетнего узника фашистских концлагерей. Живу сейчас в селе Никольское.

Памятник жителям села Никольского

БОГАТЫРЬ

Галина

Семеновна,

п. Войковицы

«Я родилась в 1939 году.»

До войны мы жили очень хорошо, можно сказать зажиточно, было 15 соток земли, дом, корова с теленком, лошадь, свиньи, куры, гуси, 2 собаки, кошка.

Семья наша была очень большой – 8 человек детей, отец, мать, два дедушки и две бабушки. Жили дружно, была у нас баня, в которую каждую субботу ходили париться, а после все садились за стол пить какао с молоком.

И вот она проклятая война, фашисты оккупировали нашу Суйду, и поселились в нашем новом доме, там находился штаб немецких оккупантов. Нас выгнали в сарай, скотину нашу всю отобрали. После нас насильно вывезли в товарных вагонах, хуже, чем скотину. Еды и воды не было, спать было не на чем, гнали нас в Германию, г. Котбург, а после распределительного лагеря, отправили в Латвию.

Жили мы в бараках, мать работала на фабрике и вечером на полях. Когда нас освободили наши войска, мы вернулись опять в свой родной поселок Суйду, но жить было негде, все сгорело. Жили в землянке, после потихоньку начали отстраиваться, сначала временка, а потом уже и дом.

Детство было трудное, голодное и холодное. Мы ходили по совхозным полям, после уборки картофеля все перекапывали, нас гоняли. Учились в холодной школе, закончила 7 классов. Пошла в Прибыtkово работать в пекарню, после я закончила вечернюю школу, потом торговый техникум, строительный техникум, вышла замуж. Было трое детей 2 сына и дочь, дочь и старший сын умерли, а потом и муж в 1989 г. 10 лет работаю в обществе малолетних узников, я не очерствела душой и хочу помогать людям, и помогаю».

БОРОДЕНКО

Елена

Андреевна,

п. Войсковицы

Бывшая малолетняя узница.

«Родилась я в д. Жабино в 1932 году. В семье было семь детей. И только я и сестра Вера были в войну с родителями. Брат Женя в 15 лет погиб во время бомбежки. Сестру Машу фашисты угнали в лагерь. Старший брат Александр ушел на фронт добровольцем с завода «Металлист» и пропал без вести. Брат Анатолий воевал, был дважды ранен и вернулся инвалидом. Брата Николая взяли на войну из ремесленного училища в 16 лет. Всю войну мы о нем ничего не знали. А когда нас освободили из Латвии, то получили от него первое письмо. В письмах он писал: жив здоров, идем в бой, получил звание младшего сержанта. Очень беспокоился о нас. Он писал, что они всегда идут в бой с возгласом «За Родину, за Сталина, за родителей, братьев и сестер. Ура!»».

Писал папе.

Не горюй родимый папа

И не плачь ты обо мне.

Ведь не каждого солдата

Убивают на войне.

Мне писал.

Ветер деревья качает,

В воздухе пахнет весной.

Скоро настанет то мирное время,

Когда мы встретимся, сестреночка, с тобой.

Наступило мирное время, но встретиться нам с братом не пришлось. Коля не дожид до Дня Победы 8 дней. Об этом на-

писал его друг Василий Черный. 1 мая 1945 года в 10 часов утра Николай повел солдат в бой (это они прочищали дорогу на Берлин, который был от них в 20 км) и героически погиб за Советскую Родину. Похоронили Николая с воинскими почестями. От командования родители получили благодарственное письмо с извещением о награждении брата орденом Красной Звезды посмертно. Я и сейчас храню письма Николая и его товарища.

В 1941 году я закончила первый класс. А в августе д. Жабино была оккупирована немцами.

Зимой 1942 года произошел такой случай: в лунную морозную ночь к нам постучали два молодых советских летчика. Они просили указать дорогу к линии фронта. В соседней деревне им накрыли стол и хозяйка «исчезла», они поняли, что их предали. Но папа, бывший участник гражданской и финской войн много знал и был очень прозорлив. Он указал на лыжню и предупредил, чтобы они не пользовались лыжными палками и не останавливались возле стога сена. Летчики поблагодарили отца и сказали, что если доберемся до своих, то через два дня того дома не будет. А через полчаса к нам пришел отряд карателей из 14 человек. Папа открыл дверь, на него наставили штыки и стали кричать «Где летчики». Потом начали его гонять в 40 градусный мороз в нижнем белье на чердак, в подвал, сеновал искололи штыками. Спросили, что за лыжня идет от дома к лесу. Папа ответил, что сын заболел и ходил на лыжах в комендатуру. К счастью, так оно и было. Вызвали старосту и он это подтвердил. Но они всеравно стали у нас с сестрой спрашивать «Кто к нам приходил?», запугивали, что сожгут дом, а нас всех повесят или расстреляют. Но мы плакали и отвечали, что мы спали и у нас никого не было. А ровно через два дня прошел слух, что в соседней деревне сгорел дом: откуда-то молниеносно появился самолет, сбросил зажигательную бомбу и быстро ушел вверх. Для нас это большой радостью, что предатели наказаны.

В 1943 году нас из д. Жабино угнали в Латвию на поселение. Сестра Вера пасла коров, овец у хозяина.

В 1945 году мы вернулись снова в Жабино.

Война — это огромное горе.

День Победы мы встречали и будем встречать со слезами на глазах! И от радости и от горя.

В произведениях о войне мне нравится справедливость, борьба, победа и страшная ненависть к врагам.

Обидно и больно за погибших братьев, которые в свои молодые годы не успели увидеть ни радости, ни жизни, ни сна и ни любви.

Вечная им память».

ВОЛОДКОВИЧ
Владимир
Васильевич,
с. Орлино

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

«Я, Володковский Владимир Васильевич, родился в г. Красном Смоленской области в марте 1932 г. Отец — Володковский Василий Александрович, 1903 года рождения, в первые дни мобилизован был в Армию, впоследствии сражался в партизанском отряде и пропал без вести. Мать — Володковская (Орлова) Прасковья Александровна, 1911 года рождения, была вместе со мной угнана в Германию. В начале войны в 1941 г. при подходе фашистских войск к г. Красный на обозах, перевозивших архивы, под постоянным обстрелом фашистских самолетов отходили с нашими войсками. В марте 1942 года немцы нас захватили и насильно отправили в сборный лагерь г. Брянска. Я остался один с двухлетним братиком Женечкой без матери, она лежала в бараке с тифом. Однажды просыпаюсь, а братик

просит пить и говорит: «Вока бьют, Вока бьют» и замолчал. Он умер. Пришли санитары и забрали его маленькое худое тельце, так он умер голодной смертью, а я остался живой. Матери не говорил, что младший сын умер, была очень слаба. Из Брянска целый эшелон взрослых и малолетних детей в товарниках отправили в Германию, в вагонах было много трупов, было очень страшно. В г. Галле, куда нас привезли, был распределительный пункт за колючей проволокой под открытым небом.

С 1942 года по апрель 1945 года находился в фашистском концлагере «фиппе» вблизи г. Квитенбурга. Как вышел, не знаю сам, но ребенком верил в Победу. Кормили 1 раз в день, давали брюкву и баланду из бобов, а остальная еда была подножная трава. Работали с 7 утра до позднего вечера. За любую провинность нещадно били, однажды, где работал, сунул за пазуху горсть крупного гороха, избили до полусмерти, один немец меня отнял, а так бы забили до смерти. Лагерь был большой, в нем находились поляки, украинцы, французы, болгары и другие нации. Все находились за колючей проволокой, и охрана была с собаками, за побег сразу расстрел. В лагере от невыносимых условий и тяжелого труда, болезней, голода, издевательств, погибло очень много людей. Каждый день по несколько раз делали обход и выносили трупы.

Освободили нас американские войска и передали советскому командованию. Вот такое мое детство — сплошной ад. Мальчишкой прошел войну от Смоленска до Берлина не дай Бог никому такой участи. Служа в Армии на Черноморском флоте, тралили мины. Являюсь участником боевых действий».

ВОЛОДКОВИЧ (Гаврилова)
*Ольга
Александровна,
с. Орлино*

Дважды избиралась депутатом Облисполкома. Работала на заводе «Дружная Горка». Ветеран труда.

«Я родилась в г. Гатчина в 1934 г. Родители – мать Овчарь Наталья Александровна – заведующая Гатчинским горсобресом, отец Гаврилов Александр Михайлович – управляющий Гатчинским сельхозбанком. Воевал на многих фронтах, был удостоен звания майора и награжден орденами и медалями. В сентябре 1941 г. гатчинские государственные учреждения срочно эвакуировались, мать с отцом с документами своих учреждений выехали в Ленинград. Отец успел выехать из Ленинграда, а мы с матерью остались в Ленинграде, нас не выпустили, началась блокада. Мать работала во Фрунзенском горсобресе. Я не была прописана в Ленинграде и находясь ребенком в блокадном городе с 8 сентября 1941 по февраль 1942 г. не имею удостоверение жителя блокадного Ленинграда. Ребенком испытала все ужасы войны. Голод, холод, кругом трупы, многочисленные бомбежки. Ходила скоблить с асфальта сахар, когда горели Бадаевские склады.

В конце февраля 1942 г. нас эвакуировали через Ладогу – дорогу жизни на большую землю. Пока ехали, автобус чуть не провалился под лед, обстреливали и бомбили Ладогу со всех сторон. На станции посадили в товарняк и отправились со своими документами до г. Вятка (Киров), где встретились с отцом. В Вятку приехали 3 марта 1942 г. и 5 марта в военном госпитале умерла мама от истощения. Похоронена в г. Вятка.

В конце 1942 года с отца сняли бронь и он уехал на фронт, а меня определили в детский дом в с. Суна Кировской области, где находилась я по сентябрь 1944 года. По дороге в Ленинград меня сняли с поезда в Тихвине, так как вышел указ в город детей не ввозить. Отдали меня в распределительный детский дом, а утром я сбежала на станцию, где должна была ехать в Ленинград знакомая отца. Совершенно незнакомые люди дали деньги проводнику и меня сунули под лавку, по дороге была проверка. Был мне приказ молчать – не пикнуть, проверяли железными прутьями, но бог миловал. Так я добралась до родственников в Орлино, где с тех пор живу».

ГРИГОРЬЕВА
*Лилия
Егоровна,
д. Батово*

**МЫ В ЖЕСТОКИХ БОЯХ
НЕ СРАЖАЛИСЬ...**

*Мы в жестоких боях не сражались,
Только нету в том нашей вины.
За войну мы не носим медали,
Мы всего только дети войны.*

Есть в Псковской области деревня Кренево, расположенная в сорока километрах от Пушкинских гор. Там я родилась в мае 1935 года в счастливой семье Егора Васильевича и Варвары Егоровны. Но счастливое детство длилось не долго. Началась война с финнами. Папу призвали в армию, он погиб в 1940 году в бою за Карельский перешеек. До сих пор у нас хранится похоронка с той войны. Остались я и старший брат Толя с мамой и бабушкой.

Иван Егорович
БОРИСОВ

Николай Егорович
БОРИСОВ

Когда наступали фашисты в 1941 году, мне было 6 лет. Немцы приехали на мотоциклах, я очень боялась и пряталась от них. отобрали у нас продукты, увели корову и лошадь. Искали маму, чтобы отпустить рыть окопы, но она спряталась. Забрали тогда бабушку, вывели на улицу и поставили на сугроб, чтобы расстрелять. Она была совсем старенькая, упала на снег, они решили, что она и так умрет, ушли. Мы с братом привели бабушку домой, она осталась жива. Потом приехало еще больше немцев, нас выгнали из дома. Ночью мама вырыла в сарае яму, куда спрятали хлеб и одежду. Днем немцы отбирали продукты, а ночью к нам приходили партизаны, мама им помогала: отдала варежки и носки теплые, кормили их чем могли. Однажды нас всех собрали немцы и погнали по насыпной дороге на Латвию. Бабушку мы везли на санках, на себя надели, что могли, а остальное все бросили. Прошли километров двадцать пешком, начался бой, немцы разбежались. Так мы оказались недалеко от деревень Морозово и Борисово. В деревне Морозово мы кое-как устроились ночевать, а потом перешли в деревню Борисово, где был дом маминых

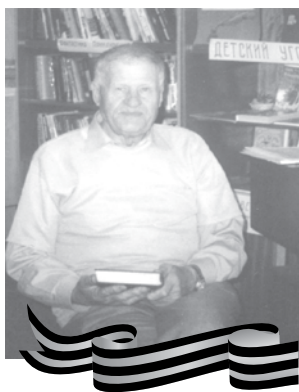
родителей, жить пришлось в хлеву, в доме жили немцы.

Мамины братья Борисовы были оба на фронте. Николай Егорович был в войну летчиком-испытателем, прошел всю войну, имел много наград, после войны был комендантом Оренбургского аэродрома, умер на сорок шестом году жизни, похоронен в Оренбурге. Иван Егорович был шофером, всю войну возил генерала Петра (фамилии не помню). В 1944 году, когда наши войска прогнали немцев, на другой день в деревню приехал мамин брат на машине черной, с генералом и двумя офицерами. Вся деревня собралась, все радовались и говорили о

близкой победе. Военные немного отдохнули и поехали дальше, генерал сказал — до Берлина доедем, живы будем, опять заедем. Так и случилось, когда война кончилась, дядюшка с этим же генералом опять заехал, у них вся грудь в медалях была, были и ранения, все пережили. Вся деревня вышла встречать их, все говорили — это Победа. Как сейчас помню эту черную машину, все плачут, но уже от радости, что дожили до победы и они остались живы. На фотографии 1945 года дядюшка стоит рядом с генералом. После войны Иван Егорович работал на автобусе, часто встречался с фронтовыми друзьями.

После окончания войны мы с братом еще год учились в Борисовской школе, а потом переехали в свою деревню Кренево. Когда мы вернулись на родину — там все было разрушено, домов не было, немцы построили из них бункера, жили мы в землянках при керосиновой лампадке из гильзы. Поля вокруг были заминированы, пахать и сеять было нельзя, несколько раз дети и взрослые подрывались на минах. Хлеба не было, ели лебеду, крапиву и пекли лепешки из льняных отходов с травой. Потом бункера разобрали и построили избушку, и так начали жить: распахивали на коровах поля, сеяли хлеб, работали без выходных и отпусков. Еще при немцах мы с мамой ездили на лошади в свою деревню, думали найти свой хлеб, тот, что закапывали в ямы, но ничего уже не было, осталась только швейная машинка, перина и икона Божией Матери в футляре, которая нас спасала. Со швейной машинкой мама пешком пошла в Латвию, чтобы обменять ее на что-нибудь. Долго мы ее ждали, думали пропала, но она вернулась с коровой, благодаря которой мы выжили. А перина и сейчас нам верно служит.

В родной деревне Кренево я закончила школу, вышла замуж, а потом из деревни все стали разъезжаться по разным местам, и мы с семьей переехали в 1975 году в Батово, работали в сельском хозяйстве. Дети и внуки выросли, у них свои семьи, подарили мне правнука. Свои семейные реликвии и память о войне мы бережно храним для потомков. Участвую в художественной самодеятельности при Батовском ДК. Хор «Россиянка» исполняет много песен на военные темы, выступает перед ветеранами войны, участвует в районных смотрах и фестивалях, занимает призовые места.

ГУБАРЬ
Михаил
Иванович,
д. Меньково

***Труженник тыла, ветеран Великой Отечественной войны,
врач-терапевт. Работает в больнице им. Кащенко.***

«Во время Великой Отечественной войны, будучи подростком, я работал на полях колхоза им. Тараса Шевченко Омской области в с. Белозерово. Работа была самая разнообразная: прополка картофеля и свеклы, боронование на лошади, на сенокосилке.

Поздней осенью идет молотьба. К скирдам подтаскивали комбайн «Сталинец» или специальную молотилку. Тягловой силой служили быки, лошади, люди. Во время молотьбы нас, подростков, ставили на сбор соломы или половы, которую оттаскивали от молотилки с помощью быков или лошадей в отдельные кучи. Работали на току. Все работы производились вручную. Электроэнергии не было. Чтобы зерно не загоралось (загорание — это когда зерно согревается, преет, т. е. горит), его постоянно перелопачивали лопатами. Просушенное зерно начинали очищать от примесей. С помощью веялок. Один крутит вручную крылья, другой засыпает в бункер зерно, а третий отбрасывает чистое зерно.

Мера труда — трудодень. Отработал день — заработал трудодень. Это при условии, что ты выполнил установленную норму. Не выполнил норму — 0.5 трудодня, а то и меньше — 0.25 трудодня. У каждого труженника взрослого и подростка была своя трудовая книжка, куда учетчик записывал палочки — трудодни. Оплата труда обычно производилась в конце года натурой — зерном. Во время войны хорошее зерно (пше-

ница, рожь) увозили на склады. А нам на трудодни давали зерноотходы, а иногда и просто отходы. Например — сурепку (зерно сорняка). Если заработал много сурепки: 1 или 2, 3 центнера — это хорошо. Колхозники кооперировались и отвозили сурепку на паровую мельницу, где ее отжимали и получали сурепковое масло. На цвет оно зеленое и ужасно горькое. Но наши мамы умели делать это масло съедобным. Они в чугушках ставили это масло в русскую печь. Эфирная горечь улетучивалась, и масло было вполне съедобным. Мы, ребята, радовались, что у нас есть такое масло. Основным хлебом во время войны была картоха, выращенная на своих приусадебных участках. Из картошки наши мамы пекли хлеб, оладьи и многое другое. Мяса практически мы не видели. Нашими продуктами питания были: картошка, капуста, брюква, турнепс, трава-лебеда, крапива. Спички были на вес золота. Пользовались горючей серой, добывали огонь из кремния (камня) с помощью кресала. Кресало — это сталь или железо. Бьешь кресалом по камню и выбиваешь искру. Искры летят на трутень. Он загорается, а точнее начинает тлеть. Его раздуваешь, и поджигаешь лучину с горючей серой: сера воспламенялась и огонь добыт.

Наш быт в полеводческих бригадах в летнее время

Наш быт был самый примитивный по сравнению с современностью. Жили мы на полевых станах в саманных избушках или в землянках или в фургонах. Спали на нарах. Поздно ложились и рано вставали, точнее, нас поднимали бригадиры. Постелью нам служили матерчатые матрацы, набитые обычно сухой травой или соломой. Подушки — это наволочки из грубого материала, набитые соломой или половой. Укрывались грубыми суконными одеялами. На стане была повариха с помощницей. Кормили нас простой пищей — супы, каши. Хлеб был из зерноотходов — черный и твердый. Я вспоминаю такой случай. На выходной день я приехал домой и привез кусок хлеба, которым нас кормили. Дал кусочек хлеба нашей собаке дворовой. Она не стала есть. Понюхала и отошла. Так и остался лежать этот кусок на земле. Его не тронула ни собака, не кошка.

Наш досуг

На полевых станах не было даже радио. В свободное от учебы и работы время ходили в клуб на танцы. Смотрели немое кино, которое демонстрировалось в клубе или в школе. Денег не было, поэтому мы отдавали киномеханику свои шапки или картузы и проходили. За просмотр фильма мы должны были вручную крутить динамо, вырабатывающую энергию. Обычно крутили одну или две части кинофильма, а потом уже спокойно смотрели остальные части кино. Приходили на побывку раненые фронтовики. Рассказывали нам в школе о нашей Армии, о сражениях с коварным врагом. Помню летчика Трикозова (имя не помню). Он рассказывал о воздушных боях. Был сбит. Самолет сгорел, а он приехал в Омск за новым самолетом. Позже стало известно, что он погиб. Мы провожали на фронт красивых 17-ти, 18-летних ребят. Они писали домой патристические письма. И эти письма читали нам в школе. Многие наши односельчане не вернулись домой. Мы, школьники, после занятий ходили вместе с учителями в лес и собирали лекарственные растения — шиповник, клюкву и т.д. Слали посылки на фронт. Собственноручно изготовляли махорку, шили кисеты с вышивками, вязали шерстяные носки, варежки, свитера. Разумеется, нам помогали наши мамы. В посылки вкладывали письма от всей школы. Наш девиз был: «Все для фронта, все для Победы!» Мы не роптали. Мы были молоды. Все воспринимали, как должное. Мы верили в Победу. Вот уж воистину фронт и тыл были едины».

ИВВОНЕН

Керту

Ивановна,

п. Елизаветино

Родилась 30.04.1927 года в деревне Старые Черницы Красногвардейского района Ленинградской области. Отец Казонен Иван Адамович 1899 года р., мама Казонен Елизавета Ивановна 1905 года р. Крестьяне, потом колхозники. Окончила начальную школу в Старых Черницах, затем Сиворицкую неполную среднюю школу в Никольском (7 классов).

Потом началась война, 20 августа 1941 года пришли немцы. В 1943 году, когда наши войска были уже близко, начали вывозить местное население. Дали на сборы 24 часа, а перед этим 6 августа 1943 года прошёл ураган, снесло крышу, остались одни стены. Взяли с собой, что могли, кое-что из одежды. Погрузили людей на машины и повезли на Гатчину товарную, погрузили в эшелоны и отправили в Эстонию. Там поместили в концлагерь в посёлке Клоога. (Для справки: Клоога, посёлок Харьюского р-на Эстонской ССР. В 1941 году немцы создали в Клооге концлагерь организации «ТОДТ», в котором содержались советские и польские граждане. В сентябре 1944 года в Клоогу были доставлены несколько сотен узников Таллинской тюрьмы. С приближением Советской Армии гитлеровцы 19 сентября 1944 расстреляли 2 тысячи узников лагеря. Пытались скрыть следы своих злодеяний, оккупанты сожгли трупы на кострах. В 1951 году на месте лагеря воздвигнут памятник Жертвам фашизма). Это, видимо, был бывший военный городок, стояли казармы.

Люди спали прямо на полу с двух сторон помещения, посредине был проход. Спали очень тесно, было не повернуться. Лагерь находился недалеко от Балтийского порта. Через не-

которое время людей погрузили на пароходы и увезли в Финляндию. В Финляндии на станции людей разбирали хозяева. Семью Казонен, отца, мать, Керту и младшую сестру взял один хозяин. Отец стал работать на заводе. Там пилили берёзу на чурочки, готовили топливо для газогенераторных машин. Мама, Елизавета Ивановна, ухаживала за коровами. Керту взяли в дом прислугой. Стирала, убирала в доме. Жила в комнате для прислуги, ела вместе с хозяевами. За работу платили 500 марок в месяц. Относились к работникам нормально, но было чувство унижения. Хозяин был прижимистый, за всё время, что жила у него, не дали никакой одежды, хотя было много старой одежды, приходилось ходить в том, в чём приехали из дома.

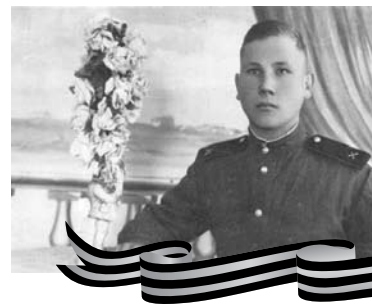
Советский Союз заключил мир с Финляндией в начале 1944 года и потребовал возвращения увезённых советских граждан. Некоторые семьи не захотели вернуться, остались в Финляндии, но родители Керту решили возвращаться домой, на родину. Но путь домой оказался длинным. В Выборге к эшелонам приставили часовых, всех арестовали и депортировали в Ярославскую область. В Ярославской области попали в колхоз, поселили у местных жителей. Люди были хорошие, но ещё шла война, было голодно. Работали в колхозе за трудодни, пахали сначала на быках, потом на лошадях. Ели одну картошку, варили её, потом растирали с водой, получалась такая баланда. Из Финляндии привезли какие-то вещи, меняли на продукты. Потом колхоз дал дом, полуразрушенный, запущенный. Привели в порядок, подремонтировали и жили.

Потом переехали в Эстонию, устроились на работу, там уже платили деньгами, стало легче жить. Но в Эстонии жить не дали, не разрешили прописку, перечеркнули паспорта. Хотели выслать в Сибирь, даже уже выбрали Кемеровскую область. Отцу удалось устроиться в Псковской области, на кирпичный завод, вся семья к нему переехала, работа после войны была, нужны были рабочие руки.

После ареста Берии стало свободнее, депортированные народы были амнистированы, и семья смогла вернуться на родину, в Старые Черницы. Сначала переехали родители, потом в августе 1956 года вернулась Керту Ивановна с мужем и деть-

ми. В 1953 году открылся Борницкий карьер, многие местные жители пошли работать в карьер. Керту Ивановна устроилась туда бункеровщицей в 1961 году, отпускала щебёнку. В 1977 году вышла на пенсию по вредности и перешла работать в детский сад карьероуправления нянечкой, потом с 1990 года по 1997 год работала в охране на «Взрывпроме».

В 1965 году Керту Ивановна получила квартиру от карьероуправления в Елизаветино, в которой проживает по сей день.

*КОЛОСОВ
Виктор
Алексеевич,
д. Батово*

Родился в деревне Даймище 13 февраля 1926 г. Учился в Даймищенской начальной, затем в Рождественской средней школе. Когда началась война, ему было 15 лет. Работал на стружечном заводе в д.Чикино. продукция завода использовалась для упаковки изделий из стекла завода «Дружная горка», набивки диванов. Малолетний узник.

«22 июня 1941г. останется в памяти навсегда. В этот день по радио сообщили о нападении германских войск на нашу Родину. Деревни опустели. Мужчины призывного возраста ушли на фронт. В деревне остались женщины с детьми. Работали на колхозных полях. В августе жили в лесу, оставаться в деревне боялись из-за налетов авиации.

20 августа, взяв д. Выра, с. Рождествено, гитлеровские войска пришли в Батово и Даймище. Всех заставили из лесу вернуться по домам. Староста Невский рано утром всех выгонял на работу. Кто был постарше — работал в лесу, вязали фашины: 4 жерди надо было обвязать хвоей и связать проволокой. Их укладывали на дорогу. От Киевского шоссе до деревни Батово дорога была сделана из таких фашин. В д. Даймище

был немецкий ветеринарный лазарет. Обслуживали лошадей и конвоировали территорию австрийцы, после ранений на фронте находящиеся на излечении. В д. Батово выращивали овощи, женщин и детей заставляли работать в поле.

20 августа 1943 года староста Невский пришел за мной. Немцы погрузили всех парней в машины, повезли в Сиверскую. Там погрузили в вагон-телятник, на окнах — колючая проволока. Привезли нас в Тосно — вспоминает Виктор Алексеевич, — там разгрузили и отправили на пилораму грузить доски. Через две недели опять куда-то повезли. Оказалось — в Любань, дер. Померанье. Давали 300 гр. хлеба на день и жидкий кофе. Здесь мы копали овощехранилище на болоте. 150 человек жило в одном бараке. Рядом был лагерь военнопленных. Через месяц опять погрузили в вагоны. На этот раз ехали долго. Привезли нас в Эстонию. Жили в лагере. Через год осенью 1944 года отправили нас в Германию.

В конце апреля 1945 года нас освободили американские войска, это было под Гамбургом — г. Любек. Целый месяц были у американцев. Потом нашли машину и уехали к нашим, присоединились к освобожденным военнопленным в г. Виенмарке. Конечно, хотел домой, но пошел служить в армию. 5 мая 1945 года принял присягу и служил до 1947 года. В Германии во время службы узнал, что мать жива, а отец Алексей Гаврилович (1899 г.р.) и сестренка Надежда (1928 г.р.) — погибли в Литве в лагере».

Потом Виктор Алексеевич служил еще три года в западной Украине — г. Ковель, г. Владимир-Волыньск. После демобилизации работал монтером в сельхозэнерго, затем на даймищенской ГЭС — д. Чикино, принимал участие в строительстве ГЭС с. Рождествено, д. Даймище, п. Белогорка. Более 30 лет проработал в Ленэнерго. Ушел на пенсию в 1986 году, живет с женой в д. Даймище. Участвовал в общественной работе, был старостой д. Даймище, поет в хоре «Россиянка» Батовского ДК, активный участник мероприятий.

Воспитали троих детей, которые подарили деду прекрасных внуков.

КУЗЬМИНА

Алина

Павловна,

д. Лампово

Родилась в 1936 г., староста деревни.

«До начала Отечественной войны мать и отец жили под г. Приозерском, туда отца перевели служить на пограничную заставу.

Когда началась война, нашу семью хотели эвакуировать. Нас уже посадили в поезд, но пришел военный начальник, и отца попросили вернуться в часть. И сказали, чтобы семья уезжала. Но мама не решилась ехать без мужа с 2-мя детьми. Нас обратно выгрузили из вагона вместе с вещами и отправили на заставу. Через день мы проводили отца и больше его не видели. Мы остались сидеть на вещах в доме, кругом уже стреляли. Окна у нас уже были выбиты. В августе нас обнаружили красноармейцы. Они быстро где-то нашли подводу и нас отправили до Ленинграда. Ехали, кругом стреляли.

Из Ленинграда уезжали последним эшелонам, который вез театр имени Кирова. Куда везли, никто ничего не знал. И привезли нас на Урал. Высадили на ст. Верещагино — это было 25 августа 1941 г. Был очень теплый день и ночевали мы тогда на улице. Проживали мы там до сентября 1944 года. А в сентябре дошли до нас слухи, что Ленинградскую область освободили. И тут мама с нами стала собираться домой. И мы уехали в товарном вагоне, где-то в начале октября. Ехали почти 3 месяца и 19 декабря мы приехали на родную землю (ехали в теплушках только днем, ночью стояли).

Полдеревни было выжжено, деревья валялись через дорогу. Была очень страшная картина. Семей проживала тогда только четыре и мы. Бабушка всю войну прожило в д. Зайцево. В ее доме была немецкая конюшня, а ее выселили в кухню, поставив ей буржуйку. Кур ее съели немцы, но не обижали

бабулю. Говорят, было очень страшно. Семь раз деревня переходила из рук в руки. Утром немцы – вечером наши. Шла серьезная война за станцию Строганово. В мае к маме приезжает председатель колхоза «Красное знамя» (звали ее Лидия Львовна) и просит ее вспахать поле, которое у кладбища находится. Лошадь ей дали в колхозе. Она с 5 утра до ночи все пахала каждый день. Так прожили мы все лето 1945 года с малым населением в д.Зайцево. И только в сентябре стали возвращаться в деревню. Они приезжали к пустым домам, а у нас была уже картошка и еще мы получали паек, как семья погибшего. За работу весной 1945 года нашей семье дали бесплатно корову.

И в день Победы 9 мая мы с ребятами набрали подснежников и украсили всю братскую могилу белыми цветами».

МАРТЫНЧИК

Хилья
Андреевна,
п. Кобралово

Родилась 3 марта 1928 года в деревне Кобралово Лукашевского сельского совета, там же жила до войны.

Хилья Андреевна вспоминает: «Война началась, мне было 13 лет и были мы в деревне. В военные годы мы жили под немцами. Работали в лесу, снегу по пояс, рыли песок в Вяхтелевском карьере. Немцы нас не жалели. Помню, был у нас староста, очень злой и жестокий, услужливый немцам. Однажды отец рубил дрова во дворе. Пришли к нам немцы и староста. Папа надел пальто и его увели. Я стала кричать, но мама сказала: «Не кричи, а то и тебя заберут», – и отправила меня прятаться на чердак. Через некоторое время прибежала наша родственница с маленьким ребенком на руках, просит: «Крестная,

возьми малыша, меня куда-то уведут». И ушла. Мы узнали, что отца и еще 10 человек из деревень Антелево, Монделево, Кобралово, Вяхтелево расстреляли в Монделевском карьере. Уже в советское время наш тракторист Яков Иванович Феоктистов нагружал песок из Монделевского карьера и наткнулся на останки погибших. В Пудомьягах поставили памятник погибшим во время ВОВ.

В 1943 году выбрали другого старосту – дядю Яшу. Он предупредил всех нас, что мы должны собраться и выйти на дорогу к машинам для отправки в тыл. Утром мы вышли и увидели машины с солдатами. Это были финские воины – так нас увезли в Финляндию. После карантина нас распределили на работу.

Попали мы с мамой к фермеру, работали добросовестно, и хозяева относились к нам хорошо. Брат и сестра работали у других хозяев.

В 1944 году, когда заключили мирный договор, Хилья Андреевна мыла ванну и хозяйка сказала, что они скоро поедут домой. Мы радовались. Хотя наша хозяйка просила, чтобы остались, но мы решили ехать только домой. Мама узнала об освобождении в Тампере, собрала нас всех вместе. У нас были потеряны документы, и домой нас не пустили. Из Финляндии мы попали в Новгородскую область.

Жили трудно. Директор совхоза не доверял нам, давал самую тяжелую работу. Потом в 1947 году встретила свою знакомую из Кобралова. Она сказала, что метрика моя лежит в Гатчине. Так я получила паспорт и уехала в Эстонию, устроилась работницей на хутор недалеко от г. Вильянди. Там я жила и работала, за кусок хлеба полтора года. Хозяйка была довольна мной. Я жила у нее без документов, и ей приходилось прятать меня при любой проверке.

Я очень хотела домой, но хозяйка не отпускала. А однажды я шла по городу и увидела своих родственников. С ними я уехала домой.

Помню, у меня была любимая лошадь хозяйская, я её кормила яйцами и хлебом. После того, как я уехала, рассказывали, что лошадь похудела. Я ее очень жалела.

До того, как попасть домой в Ленинградскую область, мне

пришлось с родными поскитаться по стране. Жили в Калининской области в совхозе «Соболиный». В 1952 году приехали в Карелию в г. Кемь. В 1962 году приехала в гости в наш поселок Кобралово к брату и осталась здесь до сих пор».

НИККАРЕВА
Ольга
Ивановна,
п. Кобралово

Родилась 26 декабря 1928 года в деревне Местелево, рядом с пос. Коммунар. «Война началась, мы жили в Коммунаре. Немцы дом сожгли, нам пришлось жить у соседей. Мы работали на разных работах, клеили для немцев конверты.

Потом нас эвакуировали в Финляндию. Там работала на хозяев, выполняла все поручения. После освобождения мы вернулись домой в Коммунар. Когда пришли устраиваться на работу, то меня берут, а маме отказали. Поэтому в 1945 году мы попали в село Великое Ярославской области.

Затем нас отправили в Эстонию. Там мы работали на хозяев, языка не знали, жили плохо. Маме предлагали остаться у других хозяев, но она не захотела. Надо домой. Узнали, что началась прописка по месту довоенного проживания. Мы сразу приехали.

Во время войны у нас пропала без вести старшая сестра. Но это оказалось ошибкой, она была в Чехословакии. После войны она вернулась в Коммунар. В 1954 году мы приехали домой к сестре. Так как наш дом сгорел, а у сестры места было мало, мы приехали в совхоз Кобралово. В совхозе на-

чалось восстановление хозяйства, была работа, и можно было построить дом.

Так и осталась Ольга Ивановна с 1954-го в пос. Кобралово».

ПЕТРОВА (Козлова)
Екатерина
Михайловна,
п. Дружная Горка

Родилась в 1932 году в Белоруссии. До войны проживала в местечке Старо-Паново (станция Лигово, тогда Ленинградская область).

14 сентября 1941 года, при оккупации территории немецко-фашистскими войсками, с семьей была захвачена в плен и отправлена на работы в лагерь, находившийся в Красном Селе, затем в Латвию, в Германию (концлагеря: Дахау, Розенберг, Берхтесгадан).

6 мая 1945 года была освобождена американскими войсками. В ноябре 1945 года вернулись в Россию.

Окончив начальную школу, в 1947 году поступает в ремесленное училище № 7. С 1947 по 1978 год работает на заводе «Дружная Горка» стеклодувом.

В 1958 году вышла замуж за Петрова Александра Федоровича. Два сына – Михаил, 1958 г.р. и Николай, 1964 г.р.. С 1984 года – вдова.

Активная участница самодеятельности, с искрометным чувством юмора, читательница библиотеки.

Прохорова Татьяна Васильевна. Родилась в 1934 году в Псковской области, деревня Прибалтика. Мать умерла в 1938 году. Нас осталось трое, еще два брата, старший Николай,

1932 года рождения и Федя 1936 года рождения. Отец женился второй раз. 10 мая 1941 года родился еще один брат. Когда началась война, папу забрали в армию, т.к. он был тракторист. Мачеха подала заявление на отправку нас троих в детский дом.

В детский дом мы попали в Вырицу, улица Речная, а в школу мы пошли на Кривую улицу (как они называются сейчас — я не знаю). Питания не хватало. Мы ходили по дачам, собирали, что осталось от дачников (картошка мороженая, сухарики, макароны). Хлеба нам давали 300 г в день. Питались ягодами, сушили на крыше грибы, бегали на помойку собирать то, что вынесли из кухни.

Петрова
Екатерина Михайловна.
Фото 2000 года

Так как у нас отец был на фронте, нас начали отправлять в специальный детский дом. В Вырице организовали дошкольный детский дом. Федя еще не ходил в школу и его оставляли в Вырице, а меня, отправляли в Окуловский детдом, что находился под Тихвином, 30

км от станции Ефимовская со старшим братом. Я очень боялась его потерять и уговорила нашего завуча, чтоб она Федю зачислила вместе с нами.

Когда нас привезли в Окуловский детдом, то многих из нас поставили на усиленный режим питания. Хлеба давали, сколько хочешь, и давали рыбий жир. Мы его очень не любили и не пили. Воспитателю приходилось наливать его нам прямо в рот, но мы все равно выплевывали его под стол. Мы ходили в деревенскую школу. Я хорошо училась, а тем, кто хорошо учился, воспитатели давали новое, а старое отдавали тем, кто учился послабее. Так что валенки и пальто у меня всегда были новые.

Помню, был очень солнечный день. Воспитатели разбудили нас радостными криками: «Война кончилась!» Сколько было радости, а слез, наверное, еще больше было. Нам дали праздничный обед.

В 1947 году десять человек отправили в ремесленное учили-

ще за Выборг, в город Энсо (сейчас Светогорск). Брат попал в эту десятку.

В 1949 году меня привезли на Дружную Горку, в ремесленное училище №7. Директор был Степанов Степан Васильевич. Какой богатый ассортимент продукции был тогда, а что теперь осталось от завода?! В 1956 году был призыв, по комсомольским путевкам мы поехали на север. Строили вторые пути Котлас — Микунь — Воркута. Там я проработала десять лет. В 1966 году вернулась на Дружную Горку, т.к. вышла замуж.

ПОДДУБИЦКАЯ

*Ольга
Михайловна,
п. Кабралово*

Родилась в 1935 году в Ленинградской области, в поселке Коммунар.

«Война началась, мне было 6 лет. До войны в совхозе Кобралово было хорошо. Везде были мосточки, так как поселок стоит на болоте. Домов-бараков было много. Были также — баня, там, где была старая пилорама, а сейчас — сарай; клуб в центре; пекарня — на дороге у пруда, напротив памятника; столовая — где сейчас недостроенный клуб; скотные дворы — на берегу Черной речки; детский сад — на месте нынешней школы. Так вот немцы стояли в поселке Коммунар. Была зима, трескучий мороз. Мы с братом ловили рыбу в пруду около пожарной части и скотных дворов, услышали скрип полозьев от саней. Это были немцы. Мы очень сильно испугались и убежали домой. Немцы пришли, все съедобное забрали. Наш дом стоял, где сейчас недостроенный клуб. Летом мы обрабатывали поля, сеяли, сажали. Осенью собирали урожай. Недолго мы были с

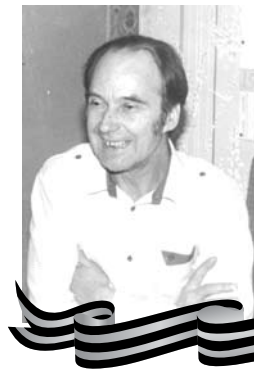
едой. Когда немцы пришли в Кобралово, они заняли вокзал, пекарню.

Однажды приехали из Пушкина две девушки и уговорили немцев отнять все запасы продуктов у людей. И тут у нас начался голод. Люди, которые приезжали к нам на поля за замерзшими овощами, умирали прямо на полях. Отец рыл окопы и землянку на Черной речке, чтобы спрятаться от угона в Германию. Когда разбомбили детский сад, отец пришел и сказал: «Дети, собирайтесь на поле, сейчас будут бомбить». И мы остались живы. Немцы приходили к людям за едой каждый день. В очередной раз пришли они к нам и стали требовать: «Матка, яйцо, матка, млеко». Отец сказал, что откуда у нас эти продукты? Тогда немец выставил нас детей в ряд, вытащил пистолет и нацелился в отца, но отцу удалось отвести беду. Мы, дети, всегда хотели есть, мама пекла нам из травы, из лебеды — лепешки. В Кобралове осталось несколько семей. Взрослые решили собрать вещи и одежду и пойти в Псковскую область обменять на еду. Когда родители уехали, я встала на колени и стала молить Бога, чтобы он дал хлеба.

Особенно трудно приходилось зимой. Фашисты разбирали дома на растопку, но, правда, наш барак оставили, наверное, пожалели детей. В 1943 году собрали и намолотили немного зерна, вдруг началась эвакуация в Германию. Отец быстро собрал нас и отправил на Черную речку, в окопы, в землянку. Там мы жили больше года. При обстрелах поселка Новолисино пули летели через окоп, речку и падали в воду. В Коммунаре был полицай Кок, от него прятали детей, если ему попадались на глаза дети, то он отправлял сразу в Германию. Как мы не прятались, все равно нас угнали в плен в Германию. Там мы работали...

После освобождения мы добирались домой очень долго. Родителям предлагали остаться, но нам хотелось только домой, только в Кобралово. И приехали сюда. Увидели, что стоит наш барак один, единственный дом. Комната наша была занята, и мы поселились в овощехранилище. Также жили на станции Владимирская, в школу ходили в поселок Семрино. Брат, сестра, отец работали в совхозе.

Восстановление и развитие поселка Кобралово происходило на глазах у Ольги Михайловны. И она призналась, что для нее наш поселок самое лучшее, самое дорогое, самое любимое место, что живут здесь хорошие люди».

*ТРОУЗОВ
Геннадий
Иосифович,
с. Орлино*

ВОСПОМИНАНИЯ

Хорошо помню день 22 июня 1941 года. Мне тогда было восемь с половиной лет. Я жил у бабушки в селе Орлино. Бабушке было 68 лет.

В тот день мы с ней попили чаю и пошли в огород работать. Вдруг кричит соседка: «Марфуша! Война!». Мы сразу вернулись домой, бабушка включила радио.

Помню, как наши самолеты сбросили в Орлинское озеро две бомбы, одна из которых не попала в озеро, а взорвалась в топи прилегающего к озеру парка. Следы воронки и сейчас видны по кольцу берез и ив.

Мы с бабушкой, как и многие другие, выкопали окоп, чтобы укрыться от бомбежек. Некоторое время в окопе мы ночевали. Помню, как пролетали немецкие самолеты с желтыми концами крыльев. А однажды видел, как наш истребитель атаковал немецкий самолет, а мы в это время стояли в очереди за хлебом.

Я видел, как наша моторизованная пехота на грузовых машинах отъезжала по дороге к поселку Дружная Горка. В скором времени к нам из Гатчины пришли родственники. Они сказали, что немцы, возможно, уже в Гатчине. Потом родные ушли обратно.

Помню, как появились немецкие разведчики на мотоциклах. К этому времени в деревне Советской власти уже не было.

Через несколько дней из-за озера нашими было произведено три выстрела по деревне из минометов. Первая мина попала в огород дальним соседям (через несколько огородов). Вторая попала в крышу нашего дома и разорвалась на чердаке над комнатой. Потолок рухнул, а мы находили на кухне. Топилась плита. После взрыва в плите моментально всё погасло. Я сказал: «Бабушка, мы горим», — еле приоткрыл дверь в комнату, увидел небо. Выбежал в коридор, там тоже нет крыши. Вышли на улицу, там собрался народ, и в это время уже горело третье отделение неврологического санатория, куда попала третья мина. Теперь-то я уже знаю, что это была наша артралевка. Обстрел деревни прекратился. Но начали обстреливать Дружную Горку.

Мы поселились в доме на Центральной улице, через несколько дней немцы поставили полевую кухню во дворе дома напротив. Немцы стали расквартировываться по большим домам. Собрали «сходку» жителей, избрали старосту — бывшего председателя колхоза Малова Михаила. На следующий день приехала открытая легковая машина, два конвоира, его посадили на заднее сидение. Машина уехала. Люди потом говорили, что Малова Михаила немцы расстреляли. Старостой стал некий Козлов. Однажды бабушка сказала, что делили колхозную землю, а нам не дали по причине, что бабушка неместная. (В свое время её выдали замуж за жителя деревни Орлино Троузова Николая, пропавшего без вести в Гражданскую войну).

Немцы ввели комендантский час, затемнение на окнах. Стали отправлять жителей села на работу в Германию целыми семьями. Некоторые жители ушли в лес.

Когда немцы ходили строем по улице с песнями, бабушка говорила: «Как собаки лают».

В Орлинском православном храме Спаса Преображения началась служба, бабушка пристроила меня алтарным мальчиком, где я прислуживал священнику.

Осенью 1943 года открыли школу, и я пошел в первый класс. Моей первой учительницей была Кутузова Александра Михайловна, В начале января 1944 года стали видны всполохи

«катюш». Чувствовалось, что немцы готовятся к отступлению, и они объявили эвакуацию жителей в тыл, насильно выгоняя из домов. Нетрудоспособным взрослым выдавали «бумажку», отпечатанную на машинке с разрешением остаться. Такой же документ выдали бабушке, а мне немец приказал идти на погрузку в автомашину, которая стояла у первого отделения санатория. Я туда пришел, народу было много. Я повертелся там и с приятелем Юрой Семеновым удрал.

За деревней немцы построили линию обороны.

Днем 31 января 1944 года начался обстрел деревни со стороны Дружной Горки по позициям немцев и по деревне. Стало смеркаться, и немцы подожгли первое и второе отделение санатория. С наступлением темноты деревню взяли наши штурмом. После освобождения Орлина наших погибших солдат похоронили у церкви, которых впоследствии перезахоронили в братскую могилу деревни Зайцево.

*СМИРНОВ
Вячеслав
Иванович,
д. Меньково*

Ветеран труда. Награжден медалью «За трудовую доблесть», 46 лет работал водителем.

ВОСПОМИНАНИЯ

«Когда началась война, моя семья жила под Москвой в местах Кашира, Барыбино, Экиматово, Михнево. Жили мы в бараке, в проходных комнатах. Отец, мать, сестра 10 лет, я, мне три года, и только что родилась младшая сестра.

В первый же день отец ушел в военкомат и на следующий день отбыл на фронт. Когда начались бомбежки, бегали в бом-

боубежище. Я бегал, разговаривал, был крепенький в отца. У него было прозвище «боров». Потом стал только ходить, потом только сидеть. Младшая сестра, на которую выдавали помощь — 100 грамм овсяного продела в неделю, начала болеть и пухнуть от киселька из продела. Сестра варила этот кисель и выливали в бутылочку, надевала резиновую соску и давала ей. Я же, видя это, кричал, и она мне давала соснуть. Но это нас все равно не спасало от голода. У Нади, так звали младшенькую, начала падать головка, и она не могла уже сидеть в подушках. Она приходила в себя и произносила: «Ням-ням — нетю». Пришла с оборонительных работ мать (а ее не было с нами по неделе, а то и больше) повезла Надю в фельдшерский пункт. Там ей сказали, что девочка скоро умрет от истощения, спасти ее можно только переливанием крови нужной группы. Но не было измерителя (определятеля) группы крови. Это уже по рассказам матери, тогда она заплакала и рассказала медикам, что перед войной у нас уже умерли трое детей — Маша и двое мальчиков — Саша и Коля, оба умерли в один день от кори. Тогда медики и говорят — есть один шанс, это если ты отдашь ей свою кровь. Но если ваши группы крови совпадают, что бывает очень редко. Мама сказала, что согласна. После переливания девочка ожила, повеселела, но ненадолго. Вскоре умерла. Матери в это время дома не было. И я спал с ней мертвой семь дней. Это по рассказам матери, я этого не помню. После этого я в полной дистрофии лежал, не вставая с высохшими ногами и руками. Только живот как пузырь надо мной возвышался. На шестом году жизни начал ходить, разговаривать и поправляться. В 1946 году я пошел в 1-й класс. Есть фотография 1-го сентября, где я как старичок.

Опишу, как я все это помню, а что-то и по рассказам взрослых.

Больше всего поражали бомбардировки. В бараках жили гражданские и военные. Это были зенитчики. Зенитки были хорошо замаскированы. Так, что концы стволов были видны, только когда они вели огонь.

В районе поселка вдруг все как будто замирало. И в этой сдавленной тишине раздавался спокойный, но тревожный голос: «Граждане, воздушная тревога!» Повторялся несколько раз, а

затем раздирающая душу сирена. А потом слышался все усиливающийся гул немецких бомбардировщиков, идущих ровными рядами с черными крестами под крыльями. В это время начинали стрелять зенитки. И на их вспышки самолеты начинали бомбить зенитчиков и нас. Первое время мы убегали в бомбоубежище, где хорошо помню, как плакали грудные дети, и как сыпалась земля во время взрывов с перекрытий. Когда начался голод, и мы стали ослабевать, а потом не то что бегать, а и ходить в убежище не могли. Стали оставаться в бараке. Когда начиналась бомбежка, мама ложилась строго на середину пола, мы трое детей с боков лицом вниз на ладони. Уже взрослый спрашивал у нее, а почему нам детям не под кровать или за печку. Она говорила, чтобы если убьет, то пусть сразу всех, а если меня, то, как вы останетесь, и если вас, то зачем мне жить. Бомбы падали всюду. Вылетали стекла. Несколько бомб не взорвались, и одна под окнами у нас вошла в землю наискосок и замерла. Пришли военные откопали ее и увезли. Прошел слух, что она была начинена опилками. И что таких бомб было много. И, слава богу, что такой слух был, и мы верили в него».

СОЛОВЬЁВА
(Малаховская)
Нина
Васильевна,
п. Высокоключевой

Родилась 25 января 1921 года в Псковской области. В 1939 году окончила Сиверскую школу №1, где училась с 4 класса. С 1944 по 1970 год работала учителем в Высокоключевой средней школе, затем преподавала в вечерней школе. Активный читатель Высокоключевой сельской библиотеки. Скоропостижно умерла 2 февраля 2010 года. Последняя запись в читательском формуляре библиотеки — 15 января 2010 года.

ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ

65 лет великой Победы! А я вспоминаю первый день войны, который перевернул жизнь моих соотечественников.

Война застала меня в Сиверской, куда я приехала в отпуск из Мстинского района Новгородской области к родителям. Был солнечный, знойный день и вдруг на пороге появилась бабушка Лена, прислонившись к косяку, тихо сказала: «Война». Потом она горько-горько заплакала. Ей пришлось вместе с тремя дочерьми перенести ужасы блокады, потерять двух сыновей.

В первые дни войны у людей была растерянность и надежда на «несокрушимость нашей армии». Мы думали, что захватчиков быстро выдворят, однако сводки были неутешительны и самолёты со свастикой каждый день появлялись над Сиверской. Я научилась их распознать по завывающему звуку моторов. Полная ясность была дана в лаконичной речи Сталина 3 июля. Он обратился ко всем категориям граждан и дал программу действий для каждого из них. Объяснил причины наших потерь вероломством, внезапностью и превосходством в живой силе, самолётов, танков и т.д. Вопрос стоял о жизни и смерти каждого гражданина, о существовании СССР. Сиверский сельский совет практически работал круглосуточно, был создан истребительный отряд, в основном из выпускников Сиверской школы №1. В батальон попал и мой брат Михаил, 1923 года рождения. (Кстати, список членов батальона в первые дни оккупации оказался в руках немцев). Продолжалась мобилизация в Армию. Жителям было приказано вырыть окопы и укрываться в них во время налётов авиации.

В один из дней мне была вручена повестка из сельского совета, обязывающая явиться для выполнения оборонных работ. Несколько сотен человек из Старо-Сиверской прошли через Маргусы – Кобринно – Мельницу – Красную Дачу. У лесочка, сразу за Красной Дачей нас ждал офицер, очень оперативно организовавший нас на рытьё противотанкового рва от железнодорожного полотна до дороги. Я была отправлена в бригаду лесорубов для заготовки крепежа. Был и пост наблюдателя. Несколько раз раздавалась команда «ложись» при появлении вражеских самолётов.

В одну из ночей от сельсовета отправилась большая колонна людей, в их числе и я, на Сиверский аэродром для выполнения земляных работ. С наступлением света нас быстренько отправили домой. Через Сиверскую прогоняли огромные стада коров. Бедные животные с переполненным молоком выменем мучались, и, завидев, женщин, идущих с ведром, бежали им навстречу.

Продолжалась мобилизация. Мой отец участник Первой мировой и Гражданской войн, 1896 года рождения, только 13 июля получил повестку, а 15 августа 1941 года погиб на Петрозаводском направлении.

Числа 20 июля я получила телеграмму с приказом о возвращении на работу. По прибытии в посёлок Пролетарий, где находилось Мстинское РОНО, мне было предложено приступить к работе в качестве инспектора РОНО. Шли ожесточенные бои за Новгород, посёлок дважды в день по расписанию подвергался налёту вражеской авиации в 8 часов утра и в 5 часов вечера.

В середине августа всем отделом Райисполкома было предложено упаковать всю документацию в ящики отправки в тыл. Мы спросили, чем нам заниматься. Нам ответили, что мы свободны. И вот в числе пяти девушек, я на попутной военной машине выехала в Валдаи для того, чтобы вернуться в Ленинград, а затем к матери в Сиверскую. Но в Валдае стоял товарный состав, с семьями рабочих Кировского завода и нам было сказано, что их состав был последним и в Ленинград уже никого не пускают. Посоветовавшись, мы решили сесть в этот поезд и ехать в тыл. Без денег, продуктов, почти без вещей мы ехали от Валдая до Свердловска шестнадцать дней, пропуская воинские эшелоны на запад. На больших станциях открывалась дверь, и какие-то мужчины подавали буханки хлеба. Обитатели вагона по справедливости делили, не было ссор, беда всех объединила и сплотила. На какой-то станции в вагон села девочка лет 10-12 одна, грязная, худенькая, вши ползали по ней. Какая-то женщина посыпала её одежду пиретрумом. Конечно, весь вагон завшивел, но ребёнка не выгнали. На шестнадцатый день прибыл состав в город Свердловск. На вокзале очень чистом был развёрнут и эвакуационный пункт. Безо всякой очереди нам поставили штампики в паспорта и

дали направление в село Покровское Режевского района в 90 километрах от города Свердловска. Поездом мы прибыли туда, явились к председателю колхоза. Он сразу определил нас в домик к старушке, выписал продукты из кладовой колхоза бесплатно. На работу я устроилась в городе Реже на военный завод № 552 шишкарём (для литья корпусов мин). Спустя несколько дней меня перевели на штамповочный станок штамповать сапёрные лопатки. Затем ещё, через какое-то время получаю приглашение в технический отдел, где мне ничего не объясняя, предлагают сделать копирование чертежа. Работаю копировальщицей. А когда ушёл в армию молодой нормировщик литейного цеха Монахов, то мне пришлось овладеть и этой специальностью.

Летом 1942 года получаю повестку из Райвоенкомата для отправки в военно-методический лагерь под Нижним Тагилом для подготовки военруков, Там мы изучали уставы, материальную часть боевой винтовки, ходили на стрельбища, поднимались ночью по тревоге, перемещались по азимуту, рыли окопы. Добавлю, что состав курсантов был в основном женский. Командиры — военные, курсы возглавлял генерал. По окончании нас отдают в распоряжение военкоматов. Военкомат отправил в РОНО, а РОНО в Озерешенскую школу военруком, где я преподавала ещё и историю, географию, конституцию СССР и физкультуру до июля 1944 года. Военное дело было введено с 1 по 10 классы. Уже в пятом классе дети сдавали экзамен по военному делу. Этот предмет любили, особенно мальчики. Отпуска были отменены, рабочий день длился столько, сколько необходимо было производству.

ДЕТИ И ВОЙНА

В зимние и летние каникулы и учителя и дети работали. По просьбе мехлеспункта, на территории которого располагалась школа, была создана бригада лесорубов из учеников 5-7 классов. Пилили лес с корня, эту бригаду возглавляла я. А в учебное время, после уроков, с перерывами на обед, учителя с учениками отправлялись для распиловки брёвен на трёхметровый крепеж для отправки в освобожденные Донецкие шахты, или восстановление Сталинграда. Все работы выполнялись бес-

платно. Единственной платой был талончик на двести грамм хлеба за 3 куб. м. крепежа. На мехлеспункте рабочей силы не хватало. Лес заготавливали женщины, в основном присланные колхозами по разнарядке по три-четыре месяца. А выполнение плана поставок древесины свыше требовали неукоснительно.

Летом 1943 года я была направлена в пионерский лагерь старшей пионервожатой в большое уральское село Глинки, где работала в колхозе Татьяна Наумова, двадцатичетырёхлетняя трактористка, пожертвовавшая десять тысяч рублей на строительство танка.

Пионерскому лагерю было дано задание на заготовку лекарственных трав. В окрестностях школы, где размещался лагерь, были огромные заросли сочной крапивы. В конце смены к нам приезжала машина из Режевской аптеки и забирала несколько матрасов сухой крапивы. Кроме того, нужно было помочь колхозу в выращивании и уборке урожая. На весь колхоз было только двое мужчин — председатель колхоза — белобилетник и старик семидесяти лет, содержащий в порядке телеги, дровни, плуги, бороны. Дети 1-4 классов каждое утро являлись с корзинами и отправлялись на болото на сборы мха. Его сушили, спрессовывали в кипы и отправляли в аптеку. Мох заменял вату при перевязках раненых.

В конце августа по возвращении из пионерского лагеря я была отправлена бригадиром в полеводческую бригаду из учащихся 5-7 классов в подсобное хозяйство мехлеспункта, километров за двадцать от школы. Кроме нас (человек 25) в хозяйстве было четверо взрослых: управляющий, повариха, молодой парень (больной) и старик — лаптеплёт, который обувал нас. Работали мы весь сентябрь, пока всё не убрали с поля. С октября начался наш учебный год.

Местные власти уделяли большое внимание работе с населением городов, посёлков, деревень. В городе Реже был создан Оборонный театр, весь сбор шёл в фонд обороны. В нашем посёлке Костоусово директор мехлесопункта Кузьмичёв Н.Н. нашёл возможность расселить один из барачков и оборудовать его под клуб. Местная молодёжь и учащиеся школы каждый выходной выступали с художественной самодеятельностью. Клуб был всегда переполнен, приезжал к нам и Оборонный театр,

проводились спартакиады, чётко работала библиотека.

Учительский коллектив – небольшой, 9 человек. Педагоги, после занятий, уйдя к себе на обед, снова, не сговариваясь, возвращались в школу и за общим столом тихо проверяли тетради, готовились к уроку следующего дня. Потом кто-то заводил «Золотые вы песочки, ты серебряна река...» и сразу же подхватывали все остальные. Голоса были хорошие, пели слаженно. Не любили люди в то лихолетье находиться наедине с собой. Питание детей было очень скудное: 200 грамм хлеба по карточке в день, 50 грамм в школе на завтрак ещё выдавалось. А дома хорошо если был приусадебный участок, а у большинства семей его не было. Поэтому дети были неулыбчивые, сосредоточенные.

В 1943 году мой 7 класс выпускался из школы. Выпускной вечер, выдача свидетельств. Я задалась целью накормить досыта ребят. А как? Посоветовалась с учениками. Сбор грибов отпадал, так как их ещё не было в лесу, сбор продуктов из семей выпускников тоже, так как и их не было. Вдруг пришла идея наловить рыбы в небольшой речушке. Каково же было моё удивление и радость, когда ребята принесли целое ведро мелкой мелкой рыбёшки и плюс две небольшие щучки. Кто-то принёс несколько картофелин, была сварена уха и сделаны рыбные котлеты. Лесопункт выделил две буханки хлеба. Пир выдался на славу! Кто знает о голоде не понаслышке, тот поймёт это.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЭВАКУАЦИИ

Весной 1944 года я получила вызов из Наркомпроса о возвращении на работу в Ленинград. Завершив 1943-1944 учебный год я снова в товарном составе преодолела обратный путь теперь уже не за 16, а только за 5 дней. В Волхове состав был остановлен на несколько часов, тщательнейшим образом проверялись документы на право проезда. В Ленинград въезд был только по пропускам, таким документом у меня был вызов на работу. Ленинград в это время был безлюден. Стоя на Невском проспекте у Московского вокзала, можно было изредка увидеть человека, появившегося из ворот дома, перешедшего дорогу и тут же исчезнувшего.

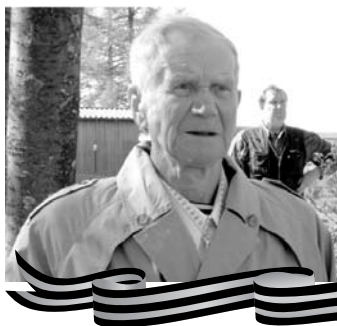
В Леноблono я получила направление на работу в Гатчинский район. Так в августе 1944 года я появилась в Суйде, в Высоко-

ключевой школе, где проработала до июля 1970 года, 26 лет.

СУДЬБА РОДНЫХ

Три года войны мне было неизвестно о судьбе моих родных. Вернувшись в Ленинград, я наконец-то узнала о гибели отца в августе 1941 года, дяди Павла (при прорыве блокады), смерти бабушки и дедушки, тёти и двух дядей в блокадном Ленинграде. Мама из Сиверской с трёхлетним сыном и пятнадцатилетней дочерью отправилась пешком на родину в Псковскую область, там она и прожила до конца войны. Старший брат – Малаховский Василий находился на фронте, в письме сообщил, что через сто дней будет дома. Однако у западных наших рубежей их часть попала в окружение, каким-то чудом он выжил, лесами и болотами пробираясь в Псковскую область, где встретил маму. По заданию партизанского командования он работал мельником, отправляя гарцевый сбор в отряды. По рассказам мамы и сестры днём часто мельницу посещали немецкие офицеры на мотоциклах, а ночью из леса приходили партизаны. Жизнь была очень беспокойная и опасная. В одну из ночей явились партизаны и потребовали немедленного ухода брата в лес, так как немцам стало известна его связь с партизанами. Мама с братом и сестрой были отправлены к родственникам в Новгородскую область, действительно, на следующий день прибыли немцы, но мельница была пуста. Брат в партизанском отряде был разведчиком, а когда партизаны соединились с армией, работал связистом, был ранен, после окончания войны демобилизовался. Средний брат Михаил с товарищем Олегом Бандуровым, при захвате немцами Сиверской, прятались в бороздах картофеля на поле, затем перебежками добрались до леса и вышли к Вырице, оттуда в Ленинград. Там Михаил поступил в народное ополчение, При обороне Ленинграда был ранен в руку, отправлен на излечение в тыл.

На этом заканчиваю краткое описание жизни одной семьи в военные годы, однако растревоженная память выхватывает маленькие эпизоды тех лет».

ТИХОНОВ
Сергей
Александрович,
п. Высокоключевой

Родился в посёлке Высокоключевой в 1927 году. До 3 класса учился в школе в селе Воскресенское, а с 4 по 6 классы в посёлке Высокоключевом.

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ОЛЕЙНИКОВОЙ

Имя Марианны Васильевны Олейниковой хорошо известно в посёлке Высокоключевом и окрестностях. В 1965 году улица Вокзальная нашего посёлка по решению жителей была переименована и стала носить имя Марианны Васильевны Олейниковой.

Врач стоматолог Гатчинской городской больницы, Олейникова возглавила на оккупированной фашистами территории группу местных патриотов. Деятельность группы была разнообразной. Они вели агитационную работу, распространяли листовки со сводками Совинформбюро, дом Олейниковой, стоявший на краю посёлка, оказался удобным местом для организации перевалочного пункта для военнопленных. Здесь им передавались документы, медикаменты, одежда.

О деятельности группы, о М.В.Олейниковой писали в книгах, в газетных публикациях. Тем интереснее было узнать, что житель нашего посёлка – Тихонов Сергей Александрович – хорошо помнит Марианну Васильевну Олейникову. Вот что он рассказал:

«Родился я в посёлке Высокоключевой в 1927 году. Отец мой из Ярославской губернии, умер рано, в 1938 году, мама – Ев-

докия Климентьевна – умерла на 86 году жизни. До 3 класса я ходил учиться в школу в село Воскресенское, а с 4 по 6 классы уже школа была в посёлке Высокоключевом, на Лесном проспекте. Когда началась война, мне было 14 лет, старший брат Анатолий погиб в первые дни войны в Гродно, сестра Тамара 1924 года рождения, брат Владимир 1925 года рождения, сестра Зоя 1931 года рождения.

Тихоновы Сергей Александрович (слева) и Владимир Александрович.
Фото 1944 г.

Брат Владимир был охотником, как-то на охоте повредил себе палец, Марианна Васильевна сделала ему перевязку и отправила в Гатчину на лечение. Так мы и познакомились, было это где-то в году 1938–1939.

Мама работала в Ленинграде, когда немцы были уже совсем близко, приехала с работы за нами, но уехать мы не успели. Запомнилось, что Марианна Васильевна приехала в Суйду с последним поездом, мама ещё ей сказала, что все уезжают, а она наоборот приехала.

Павел Николаевич Вальберг появился в посёлке году в 1939–1940 неизвестно откуда, хорошо знал немецкий язык, поселился у Олейниковых. Потом уже узнали, что он был из обрусевших немцев, гитлеровцы назначили его районным старостой.

Павел Николаевич любил выпить, этим и пользовалась Марианна Васильевна, забирая у него бланки удостоверений, которые выдавались жителям оккупированных территорий. Эти бланки передавались потом партизанам, солдатам, бежавшим из фашистских концлагерей.

Бланки эти иногда приносила мама, а мы уже потом переправляли их с братом в Гатчину. Марианна Васильевна приглашала нас с Владимиром к себе домой на работу: кололи дрова, пилили, складывали. Теперь-то я понимаю, это надо было для того, чтобы не упала тень подозрения на нашу семью в случае провала группы. А так было ясно, что мама ходит к Олейниковым, чтобы узнать про работу для нас. Марианна

Васильевна нас предупреждала: «Вы только всю работу сразу не делайте, оставляйте до другого раза».

Бланки паспортов мы клали в ботинки под стельки и ехали на велосипеде вдвоём в Гатчину. Ехали прямо по полотну железной дороги, раньше можно было проехать. Где сейчас остановка электричек в Гатчине, был склад, там работали военнопленные. Нас посылали туда в определённые дни, на встречу приходила женщина и брат Владимир передавал ей бланки.

Когда склад разбомбили, брат ходил на встречу с этой женщиной в клуб имени Некрасова (где была автобусная станция ещё совсем недавно, на площади у Варшавского вокзала). Кто была эта женщина-связная, не знаю. Помню, что приезжал ещё к Марианне Васильевне из Грязно дядя Ваня, работал утильщиком. Нас не посвящали во все дела группы, мы выполняли только свою работу, как и все другие, знать друг о друге мы не должны были, это было нужно в целях конспирации.

Сколько раз мы с братом ездили в Гатчину, уже и не помню. Часовые на мосту перед городом к нам пригляделись. Один раз, правда, остановили, прощупали, но до обуви не дошли, так и отпустили. Страшно, конечно, было, могло ведь случиться всё, что угодно.

Осенью 1943 года немцы стали угонять население на принудительные работы в Латвию и Германию. Мама пошла к Марианне Васильевне сказать об этом. На что получила ответ: «Если будут увозить, то немедленно уезжать, необходимо семье затеряться, чтобы так уберечь детей». Сначала мы попали в Латвию на хутор Буреши. В Волости, когда мама туда ходила, ей сказали, что о нашей семье спрашивали, пришлось переезжать на другой хутор. От кого-то маме удалось узнать, что М.В. Олейникова была схвачена. Уже после войны узнали, что Марианна Васильевна скончалась от страшных пыток, которым её подвергли фашисты. Брат Владимир, с которым мы помогали Марианне Васильевне, умер 20 лет назад, я уже в преклонном возрасте, но всегда вспоминаю Олейникову, прогуливаюсь до дома, где она жила. Очень бы хотелось увидеть там мемориальную доску с её портретом. Красивая, смелая женщина, патриот своей Родины, душевная и заботливая — такой я её запомнил.

В Латвии пришлось много работать на хозяина, сестра была пастушкой, брата забрали в Двинск на аэродром. Когда пришли наши войска, брата призвали в Армию, на фронт, а мы поехали домой. Дом наш в Суйде уцелел, посуда была закопана в земле — сохранилась, даже лампа с керосином сохранилась, а так больше ничего не было. Пошёл в школу, но пришлось бросить, так как надо было как-то жить. Выучился на шофёра и вскоре был призван в Армию. Служил в Кавголово, Хитолово. Войну встретил в Пери, но тут уже и Победа — 9 мая. В августе перебросили под Москву в Клин. В сентябре 1945 года попал на Балтийский флот, шесть месяцев учился, а потом служил на кораблях. Демобилизовался 4 августа 1951 года, на работу в Ленинград не брали, так как был в оккупации. Но всё же удалось устроиться на завод имени Егорова, где проработал 5 лет. Затем выучился на инструментальщика и до самой пенсии работал в Гатчине на заводе «Буревестник».

*УВАРОВА
Людмила
Петровна,
п. Высокоключевой*

1932 года рождения, пенсионерка.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ...

Великая Отечественная война с точки зрения современного человека

«Читаем в словаре русского языка (М., Русский язык, 1984, с. 22) — «Самопожертвование — жертвование собой, своими личными интересами для блага других».

История России знает много примеров самопожертвования, да можно сказать, что это слово и Россия неотделимы.

Мои корни — псковщина, точнее пограничные земли и воды с Прибалтикой. Мамины предки — Псков, Изборск, Печоры.

Папины — город Остров, берега рек Кухва, Утроя. Все нашествия с запада шли этими землями. Надо было защищаться, выживать, приспособливаться, воспитывать в себе и окружающих особый характер. В XVI веке с крепостных стен Пскова даже женщины и дети лили смолу на воинов Стефана Батория (польский король, даты жизни 1533—1586 гг.), защищая свою жизнь и Родину. В наши дни — коллективное самопожертвование 6-й роты псковских десантников. Их тоже воспитывала, учила, питала псковская земля, великая история предков, нашей Руси.

Когда началась Великая Отечественная война, сразу встал вопрос выживания, защиты себя и своих близких. Генная память родителей мамы, мы тогда были в отпуске у них в Красных Стругах, сразу выдала план действий. Дедушка приказал рыть землянку в дальнем углу двора. Рабочая сила — жена, две дочери, я (мне 10 лет). В семье ещё и месячная новорожденная. Начались защитные действия семьи.

Мой папа и дядя (папа нашей малютки) — командиры Красной Армии, пограничники, сразу же ушли на фронт, ушёл добровольцем и 18-летний дядя. Самопожертвование? Да! Во имя семьи и во имя Родины, те и другие в опасности.

Действия семьи не оказались поспешными, через несколько дней дома на нашей улице были сожжены по указанию поселковых властей, чтобы не оставить жилья приближающемуся врагу. Радиопередачи рассказывали о зверствах врагов к семьям военнотружущих. На семейном совете решили, что и нам пора уезжать, тянули до последнего. Уезжали с предпоследним эшеленом. Ехали больше месяца в товарных вагонах. Бомбили, обстреливали, немецкие самолёты летали так низко, что я даже видела их лётчика. Несколько раз высаживали из эшелона, убегали подальше, прятались от бомбёжки.

На остановках мама бежала на станцию, так как там давали что-нибудь из еды, а моей обязанностью было доставать кипяток. Бегала с 3-литровым чайником. Из вещей разрешалось взять только один чемодан на семью, да мы были в отпуске, так что вещи в основном были летние. Бабушка дала большую шерстяную шаль, которая служила нам и одеялом, тёплым пальто, когда я бегала потом в школу за 3 километра

и маскарадным костюмом.

Нас с грудным ребёнком долго не могли устроить на жительство. Мама сумела разобраться в сложившейся ситуации. «Не может быть, чтобы в деревнях не нашлось работы двум грамотным женщинам» — говорила она. Так и сложилось. Увезли нас на телеге в отдалённую деревню, нашли жильё. Тётя — счетовод, а моя мамочка — агитатор и секретарь в сельском совете. Её вызывали туда, когда надо было подготовить отчёт, выступление председателя и другие поручения. Деревня наша находилась в 100 километрах от города Горького и 25 километрах от районного центра. Пожилые люди ни разу не были в Горьком, а некоторые и в райцентре. Мы — четыре человека — были для них как инопланетяне, дразнили за «аканье», каждый мамин проход по деревне превращали в демонстрацию. Основания, конечно, были. Когда наступили жестокие морозы, а у нас только демисезонные пальто, мама нашла ваты и свой сатиновый халат в цветочек превратила в зимнее пальто, на ногах какие-то футбольные тапки, где-то в районе удалось приобрести. Приходилось выполнять работу, которую в мирное время никогда не делали. Носить воду на коромысле, ездить в лес за дровами, носить связки соломы, да даже топить русскую печь и баню. Всё приходилось делать и всему учиться, чтобы выжить. Может, это тоже самопожертвование? Надо! И переступи, не замечай осуждающих взглядов, учись бороться и выживать! В школу мы бегали толпой, зимой слышала вой волков, слушала тоже дразнилки местных детей, сносила стойко, не плакала. Зато благодаря маминому «если не я, то кто же» мы не голодали. Мама научилась всем деревенским работам, весной развела огород, солила огурцы, а местные жители не умели, говорили, что здесь это не принято.

Мы выжили в эту страшную войну, на чужбине, при жутких морозах, без зимней одежды и обуви. Выжили потому, что иначе и не могло быть. На фронте жертвовали собой наши близкие, а мы должны были вопреки всему выжить в условиях, в которых никогда раньше не жили. Как только освободили Струги Красные, мы поехали к бабушке, в землянку, и уже в сентябре 1944 года я сидела за школьной партой.

На примере нашей семьи хотелось раскрыть слово и понятие

«самопожертвование», а сколько таких семей по всей нашей России?! Воевали, трудились в тылу, верили в победу и приближали её».

ФАТЕЕВА

Ольга

Ивановна,

п. Рождествено

76 лет. Малолетний узник войны.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Когда началась война, мне было восемь лет, но я все запомнила. Наше детство закончилось с началом войны. Я жила в простой сельской семье: мама, папа, брат, две сестры и я.

У нас в большой комнате в правом углу висела большая икона Тихвинской Божией Матери в красивом киоте, в виноградных ветках, святящейся золотой отделкой. Эту икону моей маме передала ее свекровь. Икона была очень ценная. Мама дала в церкви завет, к нам в дом приходил священник и служил молебен у нашей иконы. А еще мама брала всех нас, и мы ходили в престольный праздник этой иконы на Большевской берег.

В 1943 году нас и другие семьи эвакуировали из Рождествено. Брата Виктора, ему было 18 лет, забрали в концлагерь. Сестру Марию оставили в Рождествено, подготавливали с другой молодежью угнать на работы в Германию. Мама очень переживала, плакала, но ничего изменить не могла. Когда нас стали эвакуировать из села, она сняла икону, завернула ее в чистую ткань и взяла с собой. Так икона всегда была с нами. Нас привезли в Эстонию и поселили в рабочий лагерь. Взрослые работали.

Помню, была зима. Нас переправляли через реку Усть-Нарва. Лед был не крепкий, качался. Вокруг все горело. Мама первая прошла вперед повозки, крепко прижимая икону к себе. Следом, сажая на дровни детей, шли мужчины. И бежали бегом по льду, так гнали людей дальше по Эстонии.

Наш папа до войны работал в городе Гатчина в РПС на лошади. И лошадь была с нами в Эстонии. Помню, мы маленькие сидели на санях, шли очень частые обстрелы: то стреляли немецкие истребители, то наши. Во время обстрелов было очень страшно, у лошади была прострелена дуга, но мы остались живы. Никто не погиб. Мама все время молилась.

Нас гнали впереди немцев. Пригнали на узловую станцию Тамсала, там также был разбит рабочий лагерь. Наша семья в дороге заболела тифом, мы болели очень долго и тяжело, но опять же все остались живы. Наша мама постоянно молилась за нас и всех людей Тихвинской иконе Божией Матери.

Когда в ноябре 1944 года нас вернули домой, у нас в доме были выбиты двери и окна, но в углу большой комнаты висел киот, цел и невредим. Это ли не чудо? Он ждал нашу икону, нашу спасительницу и заступницу. Даже стекло было целым.

В 1963–1964 годах я передала эту икону в наш храм, но ее потом украли. Я и сейчас молюсь Тихвинской иконе Божией Матери. Трижды ездила в город Тихвин поклониться этой чудотворной иконе. Поблагодарить за то, что она дала возможность в тяжелые военные годы не потеряться всей нашей семье. Собраться, не смотря ни на что, вместе всей нашей дружной семьей, никого не потеряв.

ЮНИНЕН

Арнольд

Михайлович,

п. Терволово

Родился в 1929 году. Когда началась война, жил в д. Кезелево.

«Когда началась Великая Отечественная война, мне было 12 лет. До сих пор в памяти встают эпизоды этих тяжелых во-

енных лет. Вспоминаются дни 1941 года. Ополченцы – рабочие с Кировского завода вместе с матросами отбивались от фашистов и отступали в сторону Красного Села, в бою участвовали танки. От дер. Скворицы ополченцы отходили с боем в сторону дер. Пудость, где сейчас разбит парк в п. Терволово, там был взлет. Сильные бои шли по дороге в сторону г. Гатчина.

По дороге на Гатчину сутками шла немецкая военная техника, шум, грохот. Проходило много машин, пушек, танков, немцев на мотоциклах, на велосипедах. Некоторые немецкие части располагались по деревням. Все жители д. Кезелево прятались в лесу, строили шалаши, кормились тем, что у кого было, иногда удавалось накопать картошки на поле.

В начале сентября 1941 года немцы выгнали всех людей из леса в деревню, но у многих дома были заняты и люди жили в банях, в сараях, а мы жили в амбаре. На дверях домов немцы вывесили списки тех людей, которые здесь жили, сколько взрослых и детей.

Техника у немцев (машины) стояли в гаражах, но все охранялось, патруль с собаками ходил по деревне даже ночью. Командант деревни был злой и жестокий. Он ходил с овчаркой по деревне и днем, его все боялись, обходили по задворкам, старались не попадаться ему на глаза.

Все население немцы привлекали к работам. Я вместе с другими такими же мальчишками работал: зимой расчищали от снега дороги, ставили щиты, чтоб дороги не заметало. Летом пилили лес, который немцы увозили на машинах в Гатчину. Заставляли ремонтировать дорогу. Дробили камень и заделывали ямы. Однажды, разбивая камень, ударил себя по руке, рука распухла, сильно болела, это видел немецкий офицер, он посадил меня в коляску мотоцикла и отвез в д. Ропша, где находился немецкий госпиталь. При мне привезли раненого в живот немца, это было страшное зрелище, он сильно кричал. Меня увели в операционную, дали что-то понюхать, я больше не помнил. Руку мне вылечили, остался только шрам. За работу всем давали раз в неделю буханку хлеба и немного джема.

В д.Туганицы у немцев была расположена воинская часть и много лошадей, так чтоб их прокормить, выгребали у населе-

ния сено. Людям нечем было кормить свой скот, приходилось резать его. Немцы выглядели хорошо: чистая форма, начищенные сапоги, у них была своя кухня, свои продукты. Иногда выходил с кухни повар, оглядывался по сторонам, подзывал к себе детей и подкармливал их остатками еды.

В д. Кезелево была немецкая братская могила. Немцы хоронили своих солдат, завернув в плащ-палатки. В 1943 году всех погрузили в цинковые гробы, на машины и вывезли.

В г. Гатчина был расположен немецкий аэродром. По ночам пролетали наши самолеты, взрывы, стрельба, яркие вспышки были хорошо слышны и видны. Мы ждали, когда полетят самолеты назад, считали, все ли вернулись, летели в сторону Кронштадта.

Осенью 1943 года пролетели пять самолетов в сторону г. Гатчина, назад вернулись 4, мы думали, что наш самолет подбили, но позже пролетел и пятый самолет, с поврежденным крылом. Однажды в 1942 году за деревней упал сбитый самолет, мы с мальчишками бежали посмотреть. Летчик был жив, ранен. Понаехали немцы, летчика расстреляли, местные жители похоронили его, где находится могила – сейчас трудно отыскать.

Весной 1943 года под д. Туганицы был сбит наш самолет, летчик был жив, только ранен, его местные жители спрятали. Немцы его долго искали с собаками, но не нашли. Самолет был американский, когда мы лазали по кабине, видели надписи на иностранном языке и на русском...

Как проходило освобождение в наших краях, я не видел. Нас вывезли в Финляндию через Эстонию, Балашинский порт в концлагерь Клога, затем в Турку. Это было в 1943 году.

В родные края мы вернулись после войны».

БЛОКАДНЫХ ДНЕЙ СУРОВЫЕ СТРАНИЦЫ

*ВОРОНИНА
Валентина
Николаевна,
п. Суйда*

ВСПОМИНАЯ БЛОКАДУ

Живет на станции Суйда, в так называемых «железнодорожных домах», Валентина Николаевна Воронина. Вся ее жизнь, а родилась Валентина Николаевна 8 января 1925 года, связана с этим домом и железной дорогой. Расстаться с родными местами пришлось лишь во время войны, когда немцы подступили к Суйде.

«Мне тогда было 17 лет, сестре Маше — 15, а брату Борису 12 лет» — вспоминает Валентина Николаевна. «Папа работал начальником станции, он велел нам с мамой собираться и уходить в сторону Ленинграда, а сам должен еще остаться, пока не поступит приказ, так как станцию оставлять нельзя». Уходили в сторону Витебской железной дороги, во время пути беженцев становилось все больше и больше, шли раненые красноармейцы, женщины, старики, дети, вели с собой коров, которых потом пришлось оставлять в деревнях. На станции Антропшино удалось сесть в поезд на Ленинград, откуда должны были эвакуироваться вглубь страны. Ночью началась страшная бомбежка, укрывались, прятались, кто как мог. Выехать из Ленинграда уже не смогли, определились жить в общежитии на улице Его-

рова. Так семья оказалась в блокадном Ленинграде.

Валентина Николаевна вспоминает: «Папа оставался в Суйде, пока не пришли фашисты, затем уже в Ленинграде разыскал нас по данным с Витебского вокзала. Мы перебрались жить на Курляндскую улицу, там жил мамин брат. Папа ходил пешком на станцию Шоссейная, отправлял поезда, я ходила на оборонные работы вместе с Александрой Антоновной Павлюченко (она работала в Суйде дежурной по станции). За Нарвскими воротами копали окопы, таскали доски, у Варшавского вокзала на крышу поликлиники носили мешки с песком, тушили зажигательные бомбы, рыли траншеи. У меня и у папы были рабочие карточки, у остальных членов семьи иждивенческие. Сестра Мария отоваривала их в магазине, ходила за водой на Неву. Зима 1941-1942 года была очень морозной, валенок не было, дядя принес нам с сестрой кирзовые сапоги, в них и ходили».

Обстрелы были частыми, приходилось спускаться в бомбоубежище, иногда не было сил идти туда. В комнате стояла печка-буржуйка, которую топили, сушили сухарики. Но все равно было очень холодно и голодно, сил совсем не было, стали болеть. Приходили в дом медицинские сестры, приносили, по словам Валентины Николаевны, кору дуба, марганцовку, зеленку. Старались как-то держаться и поддерживать друг друга. Но в апреле 1942 года умер брат Борис, вышел на улицу погреться на солнышке, поскользнулся и упал, лежал долго не в силах подняться, так как был очень слаб. Заболел ангиной и через неделю умер. Сделали гроб из обшивки разрушенного дома и отвезли на Волковское кладбище, могилка чудом сохранилась, так как когда похоронили, то оставили лопату. По этой-то лопате и восстановили место захоронения брата.

«Летом 1942 года, — продолжает свой рассказ Валентина Николаевна — нас стали готовить к эвакуации. Сначала на барже по Ладоге, потом поездом через Бологое до станции Дорошиха. Папа к тому времени работал в Калинин (Тверь) на железной дороге дежурным по станции, сестра Мария весовщицей, а я в Калининском вагонном заводе компрессорщиком, здесь выливали мины и снаряды для фронта. Проработала я здесь с 20 августа 1942 года по 3 апреля 1944 года.»

Николай Михайлович Воронин получил вызов из Ленингра-

да еще в 1943 году, а когда в январе 1944 года освободили Суйду, он опять стал начальником станции и вызвал домой семью. Здание вокзала было разрушено, дом, где жила семья Ворониных до войны, уцелел, в нем они и поселились после возвращения.

Валентина Николаевна рассказывает: «Я стала работать билетным кассиром на станции Суйда, где и проработала 49,5 лет. Два раза в неделю ездила в Ленинград в железнодорожный техникум, где получила среднее образование и железнодорожную специальность. Папа заболел и умер в 1966 году, мама в 1972 году, я живу вместе с сестрой Марией Николаевной в доме, где жили наши родители, откуда нам пришлось бежать в начале войны и куда вернулись».

Вот такая история одной семьи коренных жителей Суйды – Ворониных. Хочется добавить, что Валентина Николаевна имеет медаль «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», знак «Житель блокадного Ленинграда» и другие. В этом году исполняется 66 лет со дня снятия блокады Ленинграда. Хочется поздравить всех ветеранов, жителей блокадного Ленинграда с этой датой. Пожелать здоровья, благополучия, всего самого наилучшего.

*ГУСЕВА
Надежда
Федоровна,
г. Гатчина*

Родилась в 1929 году в Ленинграде.

«До войны я жила в Ленинграде. Мой дом был расположен около Никольского собора и фасадом выходил на канал Грибоедова. У нас был большой зеленый двор и вот здесь мы,

детвора, с утра до вечера играли в различные игры: лапту, шандер, волейбол...

Здесь кипели спортивные страсти, зарождался спортивный азарт. У нас были свои лидеры, которых мы боялись, но и уважали. Моим воспитанием никто не занимался, так как мама целый день была на работе, и мы с братом были предоставлены самим себе.

Утром 22 июня 1941 года я как обычно выбежала во двор. Был теплый солнечный день. Ко мне подбежала моя подружка Нинка и сказала, что началась война, что фрицы уже бомбят наши города, а потом, со свойственной ей категоричностью заявила: «Все равно мы скоро разобьем фрицев, так как Советский Союз са-амый сильный и могущественный». Так кончилось мое счастливое и беззаботное детство.

В наш мир пришла война, и никто не мог себе представить масштаб трагических обстоятельств и чудовищных последствий этой страшной войны.

Вскоре была объявлена эвакуация, и многие семьи и мои друзья стали уезжать из Ленинграда. Моя семья почему-то не уехала. Тогда многие еще надеялись на скорую победу. Немцы стремительно приближались к Ленинграду, и вскоре они захватили последний железнодорожный путь, после чего выехать из Ленинграда было невозможно. Окончательно кольцо сомкнулось 8 сентября 1941 года. Началась блокада Ленинграда, которая длилась 900 дней. Большого запаса продуктов в городе не было, поэтому вскоре ввели продовольственные карточки и стали быстро снижать норму выдачи хлеба. Уже с 19 ноября 1941 года была установлена легендарная норма 125 грамм хлеба на иждивенца.

Начался голод. Ленинградцы стали пухнуть и умирать с голода. Город нещадно бомбили фугасные бомбы. Дома рушились как карточные домики. Как только начиналась тревога, мы бежали в Никольскую церковь, надеялись, что немцы не станут ее бомбить и действительно, церковь не пострадала.

Наступили холода. Блокадная зима была одной из самых суровых зим XX столетия. Морозы стояли от 30–40 градусов. Не было воды, электричества, отопления. Чтобы как-то согреться, мы пользовались маленькими железными печками. Так как

не было дров, то в расход шло все, что способно гореть, все предметы быта: мебель, книги, паркет. Начались пожары, но тушить их было нечем — не было воды. Вместо воды пользовались талым снегом. В одной из комнат жил дядя Саша. Это был габаритный мужчина, который от бомбежек потерял рассудок. Жена перестала его кормить, и вскоре он умер от голода. В другой комнате жила интеллигентная семья из четырех человек, и все они как-то быстро умерли друг за другом. Первым умер Иван Николаевич Покровский, он был педагог — историк. За ним умерли его жена и дочь. Осталась одна внучка, ей было годика четыре. Это был чудо-ребенок с ореолом белокурых вьющихся волос, и развитая не по годам. После смерти всей семьи домоуправ определил Оленьку в детский дом и дальнейшая судьба ее мне не известна. Мы с этой семьей не были близки, мы были только соседи и, тем не менее, мама их всех отвезла на кладбище и захоронила. И вот я задаю себе вопрос. Зачем эта слабая, истощенная женщина из последних сил в 30-градусный мороз через весь город тащила санки с останками своих соседей. Наверное, она не могла допустить, чтобы достойных людей, с которыми прожила много лет, выбросили во двор, так делали, когда некому было хоронить. Наверное, она считала своим долгом христианским предать их земле.

В тех жизненно-экстремальных условиях люди проявляли себя по-разному: в ком-то проявлялось благородство, бескорыстная помощь, кто-то опускался до мерзости. Я расскажу об одном эпизоде из моей блокадной жизни, который произошел в самую суровую зиму 1941 года.

Я жила с мамой и братом, и так как они с трудом передвигались, у них были опухшие ноги, то выкупать хлеб по карточкам приходилось мне. И вот в очередной раз я пришла в магазин, чтобы получить на троих 375 грамм хлеба. В магазине было полно людей. Горела только одна керосиновая лампа около продавца. Когда подошла моя очередь, я подала продавцу свои карточки. Она отвесила мне 375 грамм хлеба, я схватила его и отошла в сторону, чтобы проверить, правильно ли она отрезала талоны. И тут я обнаружила, что продавец отрезала талоны не за 1 день, а за 2 дня. Я бросилась к продавцу, кричу: «Товарищ

продавец, вы отрезали талоны за 2 дня, а надо за один». Она посмотрела карточки, потом швырнула мне обратно, толпа выкинула меня из очереди, я отошла, и слезы хлынули у меня из глаз. Мне было страшно подумать, как я приду домой и расскажу об случившемся, что будет с мамой и братом, ведь я их обрекла на смерть.

Я стояла, плакала и не решалась уйти из магазина, надеялась, что произойдет какое-то чудо, и это только страшный сон. И действительно произошло чудо. Какая-то женщина погладила меня по голове и ласково спросила: «Деточка, ну что ты так плачешь?» И от проявленного ко мне внимания я, захлебываясь слезами, рассказала, что продавец вырезала лишние талоны на хлеб, что у меня дома больные мама и брат и я не знаю, что теперь будет с нами. Она прижала меня к себе и тихо прошептала мне на ухо: «Успокойся, не плачь, я тебе помогу. Директор магазина моя хорошая подруга, давай карточки и хлеб, она сейчас разберется с продавцом». Я с детской доверчивостью протянула ей карточки с хлебом, и женщина скрылась в толпе. Сколько я ждала, не помню, но когда я осознала, что произошло, я бросилась в подсобное помещение к директору, но мне сказали, что никакого директора здесь нет.

Как пришла домой, что говорила маме, не помню. Помню, как я лежала на кровати, голова моя раскалывалась от боли. Мама прикладывала к голове мокрое полотенце и помню ее слова: «Успокойся, не плачь, Господь не оставит нас без милости, Господь поможет».

Как можно было выжить в тех условиях, для меня загадка по сей день. В августе 1942 года мою семью, больных, опухших, эвакуировали. Переправляли нас через Ладожское озеро, потом мы ехали в товарном вагоне в Северный Казахстан. Там для нас началась уже другая жизнь.

ЗАХАРОВА

Ольга

Ивановна,

п. Вырица

Захарова Ольга Ивановна родилась в Вырице в 1933 году. В 1941 году эвакуировалась с матерью в Ленинград. Провела в блокадном Ленинграде все 900 дней. После освобождения Вырицы вернулась домой. Училась в Вырицкой школе № 1. Работала в Вырицкой поселковой библиотеке, 45 лет была заведующей. Награждена медалью «Житель блокадного Ленинграда».

900 моих блокадных дней, воспоминания о 900 днях блокады Ленинграда, которые мне довелось пережить ребенком восьми лет, и сохранить в памяти.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Это сообщение моя семья получила в пос. Вырица, где я родилась 30 июня 1933 г., и 1 сентября должна была пойти в школу, в первый класс, мне было 8 лет.

Немецкие войска очень быстро занимали наши территории. Уже в августе над нашим поселком летали немецкие самолеты, летали так низко, совсем над верхушками сосен, и летчики, в огромных очках на глазах смеялись над нами, когда мы кидались на землю, закрывая голову руками.

Уже в это время пос. Вырица подвергался бомбежкам, фуγάски летали в канавы, на дороги, на железнодорожные пути.

Встал вопрос об эвакуации, нас с мамой отправили в Вологодскую область, папа работал дежурным по станции Вырица, его не взяли в армию, у него было бронь.

Взяв кое-какие вещи, необходимые на первое время (кто

знал, как долго продлится война), мы с мамой доехали до Ленинграда, остановились у папиной сестры, на Лештуковом пер., решено было, что мы останемся в Ленинграде, где также жила и мамина родная сестра, моя тетя. Это было 31 августа 1941 г.

В начале сентября к нам приехал папа, но в Управлении Октябрьской ж.д. ему было приказано вернуться обратно в Вырицу, на свое место работы, но он доехал на поезде только до Сусанино, а, придя пешком в Вырицу, застал ее уже оккупированной немцами, скрывался некоторое время, но немцы выследили его и отправили в концлагерь под Нарву (ему было 43 года), где он находился до ноября 1944 г., испытал на себе все ужасы узников концлагерей.

Мой родной брат перед войной окончил летную школу, ему было 18 лет, и в первые дни февраля 1942 г. он погиб. Мама получила сообщение из его части.

А 8 сентября 1942 г. началась полная блокада Ленинграда. Мы оказались в полнейшем неведении, что и как будет в дальнейшей нашей жизни.

Поселились у маминой сестры на ул. М. Зеленина, в коммунальной квартире, в одной из комнат 12 кв. метров, где стояли кровать, диван, стол, шкаф и в углу круглая печка. Она-то нас и выручала во время блокады чуть-чуть теплом, для подогрева кипятка и приготовления какой-то похлебки (если было из чего варить).

В первые месяцы блокады были бесконечные бомбежки, обстрелы.

У нас в комнате был репродуктор — такая черная «тарелка» — так постоянно объявляли о начале воздушной тревоги. Не было и часа, чтобы не звучал призыв спуститься в бомбоубежище. Мы спускались с 3 этажа в подвал, где было бомбоубежище, спускались с чемоданчиками, где была наша одежда, горела лучина в банке, сидели в темноте, тесноте, дожидаясь окончания тревоги, возвращались к себе домой, но ненадолго. Скоро опять объявляли тревогу, и снова шли в бомбоубежище, и так бывало без конца, без еды, без питья, сна.

В комнате единственное окно было переклеено бумажными полосами, чтобы стекло не разбилось во время бомбежек, а за-

тем, когда наступили сильные морозы, окно закрыли одеялами, также горела лучина, это был весь свет в комнате, ведь уже не работали электростанции, канализация. Город стоял темный, холодный, замерзший.

Мама и тетя по очереди дежурили на чердаках, чтобы гасить фугаски, которые немцы сбрасывали в больших количествах на жилые дома.

Я помню, как горели Бадаевские склады, где до войны хранились запасы продуктов, и мы ходили с мешочками, собирали горелый сахар, крупу, муку вместе с землёй, дома пытались просеивать, чтобы сварить похлебку или подсластить кипяток. Земля оставалась на дне кастрюли, но все равно это было подмогой нам в голод, хоть что было съестное, т.к. в Ленинграде закончились запасы продуктов.

Ввели карточки на хлеб — 125 г. детям, по 250 г. рабочим.

Мама и тетя устроились работать на фабрику Бабеля, рано утром они закутывали меня во что попало, перевязывали крест накрест платком, оставляя одни глаза, и так с Петроградской стороны на Лиговку, пешком, по морозу (зима была очень лютая от 30 мороза и ниже).

На путях стояли вмерзшие в снег трамваи с разбитыми стеклами, автобусы. Не было никакого движения, к тому же обстрелы, по пути приходилось прятаться в подворотни.

В цехе шили рукавицы для солдат, а я сидела под машинкой, отрезала от нитки по две рукавицы и складывала их в стопочки. Женщины плакали, смотря на меня, ведь у многих были дети, вывезенные по Дороге жизни на Большую землю, они ничего не знали о судьбе своих детей, поэтому меня берегли, подкармливали кто сухариком, кто кусочком дуранды.

Возвращались домой, под обстрелами, не зная, к чему мы придем, цел ли наш дом.

Зажигали в печке лучинки дров, грели кипяток, ложились спать во всей одежде, не раздеваясь, втроем на одну кровать. Не было сил, в бомбоубежище уже не спускались.

От голода и холода началась цинга, похудели, остались только кости, все были дистрофиками.

Во время холода в нашей квартире умерло 8 человек, их выносили на лестничную площадку, так было на каждом этаже, у оставшихся живых не было сил хоронить своих родных.

Мертвых убирали сандружинницы, сносили их, завернутых в простыни, складывали, как дрова штабелями, за нашим двором, и я это видела постоянно, до сих пор все стоит в глазах.

Уже весной всех свезли на Пискаревское кладбище, похоронили в общей могиле.

Мы держались из последних сил, Мама делила наш паек на три части по маленькому кусочку (хлеб из целлюлозы, отрубей и чуть-чуть муки).

Ели похлебку из столярного клея, варили дядюшкины ремни, и подолгу, не глотая, жевали их.

В Ленинграде не оставалось никакой живности — были съедены все собаки, кошки, говорили, что ели людей. Поэтому мама всегда крепко держала меня за руку, боясь отпустить.

Так как водопровод замерз, мы ходили за водой на М. Неву, на Крестовский остров. Люди спускались с берега, шли гуськом с бидончиками, кастрюльками на веревках, к проруби, доставали воду, обратно многие не доносили, т. к. от голода и истощения падали, проливали воду, образовывалась тут же ледяная корка.

Однажды, подойдя близко к проруби, я поскользнулась и чуть не ушла под воду, задержали меня мамыны руки. Она очень тряслась за меня, так как я оставалась у нее последним ребенком.

Декабрь 1941, январь, февраль 1942 г. были самыми голодными, холодными месяцами. Стояли жуткие морозы.

Получая дневную пайку хлеба, мама делила ее на 3 части (125 г. на 3 куска). Конечно, она с тетей, отрывая от себя добавляли мне, сами превращались в дистрофиков.

По радио передавали слова поэтов, писателей (я конечно уже взрослой узнала, кто это был — Ольга Берггольц, В. Инбер, Ю. Воронов, Джамбул), их слова проникали в наши души, вносили оптимизм.

Т. к. в домах замерзло водоснабжение, канализация, все нечистоты выбрасывали во дворы, и когда начались теплые дни, все начало таять, стоял такой смрад, дышать было нечем. Кто

мог, кто был еще в силах, сандружинницы, выходили скалывать лед, убирать снег, это убиралось, но запах того времени остался навсегда.

По карточкам стали выдавать граммы муки, крупы, дрожжей, вот мама и варила похлебку из дрожжей, их также растапливала на сковородке, засохнув, дрожжи были для нас как лакомство.

А затем, с первых теплых дней взошла трава, ее собирали, где могли и мама лепила лепешки, жарила на олифе. Было очень вкусно!

В апреле ходили на Лесной пр. – разбирали деревянные постройки на дрова, небольшими охапками приносили их домой топить печку.

Бомбежки и обстрелы по-прежнему продолжались, но мы уже не так боялись, привыкли.

Летом посадили грядку овощей на Крестовском острове, но урожай не дождался, съели еще ботву. Вообще жевали любую траву, только бы что-то поесть.

1 сентября 1942 г., уже 9-ти лет, я пошла учиться в первый класс 44 школы на ул. профессора Попова, в доме, где когда-то было учреждение для слепых. Набралось в классе 10 человек. Из нашего дома ходили вдвоем, с Ниной Вороновой, ходили пешком, по открытой местности, вдоль забора стадиона, добирались до школы под обстрелами, залегали у забора, когда затихало, шли дальше.

В классе было холодно, писали самодельными ручками (палочка с пером) на газетах или старых журналах, между строк, делали уроки также в школе. На перемене приносили кусочек хлеба, конфетку, дольку чеснока, чай из сосновой хвои.

Мы занимались самодеятельностью – разучивали песни, стихи. Давали концерты в госпитале, который был напротив школы. Раненые солдаты, с перебинтованными руками, ногами и головами хорошо принимали нас, слушали со слезами на глазах, вспоминая своих детей. Угощали нас сахарком, сухариком.

Во втором классе, в 1943 г. меня приняли в пионеры. В зале из полешек был выложен костер, красный внутри, как бы горело пламя. Мы давали клятву хорошо учиться, слушаться

взрослых, быть активными.

Нас, школьников, прикрепили к ближайшей столовой, на переменах ходили за порцией хлеба, похлебкой.

После школы опять под обстрелами возвращались домой, не зная, стоит ли наш дом, или он уже разрушен.

Мама и тетя работали. Я одна оставалась в квартире, запиралась на все замки и дожидалась их прихода.

В январе 1943 г. была частично прорвана блокада, в Ленинград, с Большой земли стали поступать продукты, нам прибавили нормы по карточкам, а в январе 1944 г. блокада была полностью снята.

Летом нас, школьников, вывезли в пионерский лагерь, в Старую Ладугу. Мы жили на территории крепости Рюрика, жители тепло встретили нас. Все лето, подкармливали нас, ведь мы были дистрофиками, приносили молоко, овощи, мы сами ходили в лес за грибами, ягодами.

Жизнь протекала как в пионерских лагерях – линейка, зарядка, игры, подготовка концерта, вечером костер. Наши души оттаивали.

Возвратились в Ленинград в конце августа, и моя жизнь в дальнейшем сложилась так: мама узнала, что наш поселок Вырица освобожден от немецких оккупантов, и она по пропуску поехала посмотреть, что осталось от нашего дома, живы ли папа, бабушка... Но в Вырице никого не оказалось, дом стоял полуразрушенный. Но все равно, мы вернулись в Вырицу, и я пошла учиться в 3-й класс Вырицкой средней школы.

В январе 1945 года из концлагеря вернулся папа, изможденный старик, а ему было только 47 лет. Затем его взяли в ряды Советской Армии, где он встретил победу, был награжден медалью «За победу над Германией».

Мама была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Я храню их медали, как память о Великой Отечественной войне.

О Победе мы узнали в школе, все высыпали на улицу, было много радости, ликования, все обнимались, целовались, плясали!!!

В 1952 г. я закончила Вырицкую среднюю школу. Выбрала профессию библиотекаря, чтение было моим любимым занятием.

И вот, вспоминая свою детскую жизнь, прожитую в блокадном Ленинграде, думаю, а если бы мама меня не сохранила в голод, не было сейчас моей большой семьи; 3-х детей, 7-х внуков, 4-х правнуков, правнучки, зятя, невесток... 23-х человек моей родной семьи!!! Семьи, которая со мною рядом, которая помогает мне достойно доживать мои преклонные годы. Дай Бог им здоровья, и чтобы они никогда не испытали всего того, что пережила их мать, бабушка, прабабушка в суровые 900 дней Ленинградской блокады.

КОМОГорова
Дагмара
Васильевна,
п. Войсковицы

Коренная ленинградка, блокадница.

Родилась 16 января 1924 года. Закончила школу 17 января 1941 года на «отлично». Поступает в инженерно-экономический институт. После вступительных экзаменов студентов посылают на рытье оборонительных сооружений под Кингисепп. Началась учеба, хлеба давали по 250 грамм и суп из овса. Дагмара каждый день ходила пешком в институт с Васильевского острова до Московского вокзала. Занятия велись по утрам, в одной аудитории занимались разные факультеты. Самой тяжелой были зима 1942 до 1943 года. Не было света, воды, отопления.

Работала вожатой в школе № 32. Во время бомбежки была контужена, лежала в госпитале. Затем работала в детском доме и была привлечена в бытовую дружину. Днем собирали по домам осиротевших детей, а ночью дежурили на крышах, тушили зажигательные бомбы (за ночь их немец сбрасывал до 6 т.).

В январе 1943 года прорвали блокаду, стало легче с продуктами. Все население города было брошено на уборку и очистку города. К лету город был очищен.

Окончила институт, на работе вела активную жизнь.

Какой эпизод (печальный или радостный) из военного времени Вам больше всего запомнился?

Из военного времени радостных эпизодов, к сожалению, не припомню. Что же касается печальных, то их было предостаточно. Только трудно выбрать какой-нибудь один из них. Ведь шла война. Начну с того, что я родилась в Ленинграде, окончила школу и институт. Школу окончила 17 июня 1941 года в 17 лет. Была в школе секретарем комсомольской организации, а потом ВОРК комсомола по просьбе военкомата. Была направлена на работу в школу № 32 В.О. района старшей пионервожатой. Шла война, с каждым днем все страшнее и страшнее становилась жизнь в Ленинграде. В самые жуткие дни зимы 1941-1942 город вымирал, не было хлеба, света, тепла, не работала канализация, за водой со своими ребяташками ходили на Малую Невку. Стояли морозные дни, мороз достигал 40 градусов. В один из таких дней мы в очередной раз пошли за водой, воду брали из проруби, которую пробили у одного из кораблей, скованного глубоким льдом. Приступили к работе и вдруг!!! – один из моих мальчиков поскользнулся и... ушел под лед. Это был мой Коля Ионов. Мы стояли все у проруби, ждали, что он всплывет, но он остался ТАМ... Я никогда не забуду этот ужасный эпизод из военного времени.

Самое вкусное блюдо, которое Вы ели во время войны?

Самое вкусное «блюдо», которое я ела в страшные дни войны был – ХЛЕБ и еще раз ХЛЕБ.

Какое произведение о войне Вам дороже всего и почему?

На этот вопрос трудно ответить однозначно. Замечательных, правдивых произведений было много, а потому трудно остановиться на каком-нибудь одном. Но! Молодогвардейцы

из произведения А. Фадеева «Молодая гвардия» были мне настолько близки, что это произведение о войне стало мне дороже всего. А.А. Фадеев рассказал мне о новом, прекрасном, сильном и добром поколении эпохи социализма, целиком сформированном и воспитанном нашим тогда строем. Эти ребята выросли при советской власти. Они были еще очень молоды (как и я тогда). Они беззаветно были преданы Родине, готовы были отдать и отдавали жизнь за счастье народа. Они погибли за Родину, и их имена никогда не изгладятся из моей памяти: это Олег Кошевой, Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова и многие, многие другие. Они дороги и близки моему сердцу, вот почему я выделила из всех произведений о войне именно ЭТО.

ЛАПИНА
Вера
Сергеевна,
д. Батово

***Имеет медаль «Житель блокадного Ленинграда»,
«Ветеран труда».***

Родилась 28 августа 1926 года в Ярославской области, в семье крестьянина Сергея Логиновича и Ольги Александровны Оболенских. В этом же году в конце октября переехали в Ленинград. В начале жили у маминой сестры; отец работал на барже, разгружал уголь, потом устроился на заводе «Электроаппарат». В семье четверо детей, три брата и сестра Вера.

Старший брат Григорий — 1918 г.р., был на Ленинградском фронте, пришел с отмороженными ногами, в 1960 году сделали ему операцию, но он все же умер.

Александр — 1921 г.р. — был призван в армию в мае 1941-го, погиб в июле в 1941 г., разбомбили поезд, в котором

везли раненых. Написал об этом его товарищ, а похоронки не было, и до сих пор нет.

Младший брат Михаил 1923 г. — в 1942 году ушел на фронт добровольцем, воевал на Ленинградском фронте, был контужен, он умер в 1980 году. Был награжден Орденом славы, медалями «За оборону Ленинграда» и «За взятие Берлина».

Вера Сергеевна войну встретила на даче под Ленинградом. Было воскресенье, погода была хорошая, приехал отец, и объявляют по радио: «Война!». Вышли на улицу, небо было красное-красное, все говорили, что война будет кровопролитная.

«Поехали домой через несколько дней, на вокзале уже бомбили. Отец работал на заводе «Электроаппарат» до конца 1941 года и умер от голода. Поздравил нас с новым 1942 годом и тут же умер. Брат повез тело на кладбище в гробу, там сказали: нельзя в гробу, хоронили в траншеи. Дядя Кондарев Иван Михайлович умер в 1942 году, его тоже там похоронили через 20 дней. Тетя с дядей жили с нами. Их дочь и сын служили в Смоленской армии. Раньше я покойников не боялась, а теперь боюсь.

После того как брат Михаил ушел на фронт, я осталась с мамой и с маминой сестрой Прасковьей Александровной Кондаревой. Мама и ее сестра были больны. Я ходила за хлебом. Очереди были огромные. Было немного соли и чая. Насыплем соли, макнем хлебца в соль и сосем. Запиваем водой. Жили на Малом проспекте, до Невы далеко. На улицах были краны, текла вода, надо было как-то съехать вниз к крану, и я ходила за водой, один раз я туда съехала, а назад полезла и вода вылилась, а больше не пускают набирать. «Становись назад в очередь опять». Все от голода опухли. Тетя моя выжила.

Когда заработала Дорога жизни — мама отправила меня в военкомат, чтобы помогли нам выехать. Дали направление. Мы пошли пешком на вокзал, с вокзала подвезли в теплушках (вагонах) до Ладожского озера. Там нас оформили, покормили — даже дали шоколадку, через три дня повезли. Должны были везти на машинах, накрывались простынями, когда бомбили. Перед нами ушла машина под лед. Мы переехали, нам повезло. На берегу было много продуктов, которые должны были везти в Ленинград.

Нас довезли на поезде товарном до Костромы. Это было в 50 км от родины родителей. Там две недели подкармливали, мы были очень слабые. Потом нас стали распределять кого куда. Соседка предложила поехать к ним в Саратовскую область, г. Вольск. Народу было полно в вагоне, вши, на станции Арзамас нас с мамой сняли с поезда, у меня была температура, я заболела сыпным тифом. Месяц я там лежала, вещи уехали в Саратовскую область. Пришлось ехать дальше. Опять сняли — у мамы дизентерия — потом опять поехали дальше.

Приехали в г. Вольск. Вышли, пришли в горсовет, предъявили документы. Оттуда направили нас в колхоз. Повезли нас на машине, а на другой день говорят: «А вы, ленинградцы, идите, зарабатывайте себе еду, вытаскайте эту траву (тростник), норму не выполните — еды не будет». А было это начало июня, а приехали мы в валенках. Мы поехали в горсовет. Сказали, что будем жаловаться и писать в Москву. Тогда нас направили в другое место.

Ехать пришлось на паромах по реке. Приехали мы на молочные фермы (МТФ), там было получше, молока попили, но мама опять заболела, ее отправили в больницу в г. Энгельс (где-то рядом был город Маркс), довезли ее туда на быках. Взяли ее в больницу, но никакого лечения не было, бегала я к ней каждый день. «Забирай обратно» — говорит. Привезла ее домой, дня три полежала, лекарства нет, спали на полу, повезла опять в больницу. Всего три раза я возила ее туда, а умерла она дома. Ничего не ела. Все говорила: «Чайку попила бы с ягодками — я бы поправилась». Нашла я сахару и ягод, но она тут же умерла у меня на руках. Похоронила я ее там же, в Саратовской области. Осталась я одна. Работала в колхозе. Научилась работать на тракторе, посла скот, да и все другое приходилось делать. И все это в 15 лет.

В 1944 г. пошла учиться в ФЗО в г. Вольске на электромонтера. После учебы работала на заводах: кожзаводе, цементном, а в г. Саратове на «Военэнергомонтаж».

Когда закончилась война, был организован митинг. Все пришли на него и там объявили о том, что война закончилась. Все стали обниматься, целоваться, кричать «Ура!».

Написала я в Москву министру по энергетике, что хочу пое-

хать в Ленинград, восстанавливать город. Позже мне прислали предписание — отправиться в город Ленинград — указали даже контору, куда следует обратиться. Ехала я в Ленинград на поезде.

За мной приехал брат Михаил; он был на побывке — с орденами приехал. Поехали с ним домой в Ленинград. Если бы не брат, мне было бы не доехать. Много было военных, хотели нас скинуть с поезда, но мы ехали в тамбуре.

Приехали, комната уже была занята. Так нам ее и не вернули. Я прописалась у тети, которая была в Костроме, приехала обратно в Ленинград раньше нас. Потом вышла на работу. Вышла замуж в 20 лет. Из Загса удрала. Убежала на улицу, догнали, уговорили — стала Лапина. (А внучка взяла мою девичью фамилию Оболенская и внук вроде тоже собирается). Было у нас с мужем две дочери. Есть уже внук и внучка.

На пенсию ушла с завода «Пролетарский» — была там резчиком по металлу. Участвовала в художественной самодеятельности

НАДОРШИНА

Зейнаб

Хусяиновна,

п. Высокоключевой

ВСПОМИНАЯ БЛОКАДУ

Надоршина Зейнаб Хусяиновна родилась 25 октября 1925 года в селе Усть-Уза Пензенской области.

Надоршина Зейнаб Хусяиновна для местных жителей она давно уже стала Зинаидой Константиновной, так стали называть её на русский манер. А родилась она в 1925 году в селе Усть-Уза Пензенской области, с 1930 года семья переехала в город Пестово Новгородской области, откуда, окончив 7 классов, уехала учиться в Ленинград. Только-только перешла на 2-й курс, как началась война. Сразу же пошла на двухмесячные курсы медицинских сестёр, думая уйти на фронт, но на фронт

не взяли, так как в октябре 1941 года исполнилось только 16 лет. Зинаида Константиновна работала секретарём Воскресенского сельского Совета, долгое время в почтовом отделении Суйды, давно на заслуженном отдыхе. Зинаида Константиновна награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Юбилейными медалями ко Дню Победы, ветеран труда – её трудовой стаж более 40 лет.

«С 1930 года проживала в городе Пестово Новгородской области, где, окончив 7 классов, уехала учиться в техникум в город Ленинград. Перешла на 2-й курс, когда началась война. Пошла учиться на курсы медсестер, отучилась 2,5 месяца, но меня на фронт не взяли, так как мне было неполных 16 лет. Работала на оборонных работах, рыли окопы, траншеи вокруг Ленинграда. Полная блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года, но мы молодые не знали, что это значит: учились, ходили на занятия, а потом не стало сил ходить. От голода заболела цингой, распухли ноги. С 19 ноября по декабрь нам давали по 125 грамм хлеба и больше ничего. Занятия прекратились.

В январе 1942 года нам дали по 250 грамм клюквы и один раз дали масла сливочного по 250 грамм – все по карточкам.

Я жила в общежитии на Конюшенной площади, в большой комнате нас было 18 человек студентов. Хлеб стали давать по 250 грамм, так как подвозили через Ладогу.

8 апреля все 17 человек из комнаты уехали, эвакуировались через Ладогу на Большую землю, а я осталась одна умирать, так как не было сил ходить. Прележав три ночи, голодная, собралась как-нибудь добраться до эвакуопункта, он находился в Исаакиевском соборе совсем недалеко. Нормальному человеку этот путь можно пройти за 6 минут, а я добиралась с 7 утра до 4 часов дня, не могла взять даже чемодан со своими вещами. Получив эвакуационный лист, я должна была добраться до Финляндского вокзала пешком. На мосту через Неву я упала без сознания. Одна сердобольная женщина (из тех, кто отвозили на тележках снег с моста) уложила меня на тележку и отвезла на вокзал. Оттуда в товарных вагонах перевезли нас на берег Ладоги.

Вспоминаю, как погрузили нас на машины-полуторки, а колеса уже были в воде наполовину. Следующая за нами маши-

на провалилась в озеро, да еще немцы бомбили переправу. После Ладоги нас везли еще два месяца в вагонах, стали кормить. Привезли нас на Северный Кавказ станция Тихорецкая. Там прожили недели две, подкормили нас. Но пришлось снова уезжать, так как немцы стали обстреливать. Повезли в город Казань.

Я немного окрепла, стала работать на авиационном заводе. В 1943 году я решила уехать в город Пестово, где все мои родные. В 1946 году вышла замуж и оказалась в поселке Высокоключевом Гатчинского района Ленинградской области, где до сих пор и живу. Имею награды: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», все юбилейные медали ко Дню Победы и в честь 300-летия Санкт-Петербурга. Ветеран труда – отработала 40 лет и 7 месяцев».

НАДАРШИНА

Абидия

Садыковна,

п. Высокоключевой

Родилась 17 февраля 1919 года, житель Блокадного Ленинграда.

«Жила в Кронштадте, замуж вышла за военного, часть стояла в Котлах. Старший сын Рома (Равиль Харисович) родился в 1939 году.

Во время войны, в блокаду, рыли окопы, по очереди оставались с детьми. Эвакуировали нас ночью на катерах по Ладоге : я, мама, папа, сестрёнка (у мамы было пятеро детей) – всего 9 человек, собрали кое-какие вещи.

На Большой земле эшелонами отправили в Мордовию. Затем на лошадях добирались в Темниковский район, жить устроили в старом доме.

В 1944 году вернулись в Кронштадт, улица Лозаннская дом 12, квартира 7. Получали по 125 грамм хлеба. В 1944 году из

Кронштадта поехала в деревню в Мордовию, там оставались мама с папой. Папа там и умер. После войны уехали с мужем в Клайпеду.

Сын Юра родился 8 сентября 1945 года. Отъездили с мужем по гарнизонам: Польша, Германия, Балтийск, Камчатка. Каждые четыре года новое место службы.

На Камчатке родился сын Саша (Шамиль Харисович) — в 1951 году (10 июля). В Балтийске в звании майора муж был демобилизован, приехали в Суйду. Построили дом, где и поселились в 1959 году.

Сын Юра служил в Новгороде — 3,5 года, Юра служил в Мурманске — 3,5 года, морская пехота, Саша в Польше — 2 года. Муж работал на военной площадке в Суйде, затем в Гатчине на заводе «Буревестник». Умер 2 августа 1974 года».

ПЛЕТНИКОВА
Галина
Александровна,
п. Дивенский

Родилась 1930 года.

«Я родилась в Ленинграде. Было шесть человек детей. Жили в трехэтажном деревянном доме с огородом («Бекевское поле»). Помню, как в сентябре копали картошку, и началась бомбежка. Легли между борозд. Отец в июне ушел на фронт (позже погиб на Пулковских высотах). Жили втроем: мать, сестра Катя и Надя и я.

Хлеба давали по 150 грамм и детям по 200 грамм. Сестра Надя в 1942 году заболела и умерла. Мама умерла 23 февраля. За водой ходили на прорубь к Неве. Меня и сестру отправили в распределитель, потом в детский дом. В апреле 1942 г. его эвакуировали через Ладогу. Машину обстреливали (она была

закрота брезентом), некоторых ранило, но все-таки проехали этот опасный кусок дороги.

Мы были привезены в Краснодарский край, но попали сразу к немцам в оккупацию, так как в мае в станицу Лабинское пришли немцы. Мы все жили в школе, спали на соломе, некоторые жили при церкви. Нас почти не кормили, водили на расстрелы. Так было до конца войны. Летом 1945 года привезли в Ленинград. Еще о блокаде запомнилось, что жгли мебель, машины ездили по городу и собирали замерзших. Каждый день город бомбили, потом так к этому привыкли, что не всегда спускались в бомбоубежище.

Училась в ремесленном училище при «Большевике». Через два года распределилась в Святогорск, по профессии мастер по пошиву мужской одежды. В Дивенскую приехала в 1956 году».

ЯКОВЛЕВА
Татьяна
Платоновна,
д. Батово

Яковлева Татьяна Платоновна родилась 19 марта 1931 года в Псковской области. На хуторе у деревни Платки отец построил дом, был большой сад, огород, свое хозяйство. Отец — Яковлев Платон Яковлевич, мать Григорьева Евдокия Назаровна. В семье было 5 детей: Ирина — 1930, Татьяна — 1931, Галина — 1932, Ефим — 1938, Анатолий — 1940 года рождения.

В 1938 году отец уехал в город Ленинград, устроился работать на стройке, получил комнату, и мы с семьей тоже переехали в город. Потом отца призвали на войну в финляндскую кампанию. Был ранен, комиссован. В 1941 году он не был призван на фронт.

Жили мы в районе Озерков, тогда это был пригород. В Ленинграде я пошла в 1940 в школу в 1 класс вместе с сестрой. Школа была рядом с домом. Хорошо помню, как все кричали: «Война! Война!». Вначале, и во время войны отец работал, и мама тоже работала на стройке. А с 1940 года была с детьми дома. Нам выдали карточки, из того, что не съедали — сушили сухари. Жили мы за озером, здесь были частные дома, заводов не было, мы все жили в стороне от бомбежек. Но когда бомбили, все было слышно, самолеты летали. По карточкам получали хлеб, молоко, крупу, масло, сахар, но все по норме. Я ходила в магазин за продуктами и на озеро за водой. Маленький брат Анатолий умер еще в октябре, за ним старшая сестра. А нас с младшей сестрой на Новый год пригласили на елку. Нас там покормили и немного еды дали домой. На второй день после елки умерла сестра Галина. Мы думали, что она спит. Мама говорит: «Разбудите ее». Я подошла, а она не дышит. Брат Ефим тоже умер.

Маму забрали в больницу им. К.Маркса на Петроградской. Я осталась одна. Мама больше домой не вернулась. Отец 29 или 30 декабря 1941 года ушел в город, чтоб отоварить карточки, но так и не вернулся. Я все старалась двигаться. Жили мы в двухэтажном деревянном доме в комнате на втором этаже, топить было нечем. Сестра и брат так и лежали на кровати рядом со мной. Ходила на озеро за водой, все обледенело, трудно было достать из проруби воду. У меня было три карточки, и в январе мне давали 900 грамм хлеба. Это меня, наверное, спасло. Еще иногда ходила в школу, там был детский дом, мне давали немного еды. Потом соседка свезла брата и сестру на кладбище и оставила там. Я уже была истощена, когда меня взяли в детский дом.

7 апреля 1942 года часть детей из детского дома отправили на Северный Кавказ. Через Ладогу ночью везли на автобусах, лед уже таял, несколько автобусов ушли под лед, нам повезло, — остались живы. Дальше ехали целый месяц на поезде, двигались по ночам, так как днем бомбили самолеты. На станциях нас кормили, но все равно много детей умерло в дороге. По прибытии в г. Майкоп нас распределили по детским домам. Я жила в 20 км от станции Лабинская.

В 1943 году немцы захватили территорию, расстреливали евреев, у нас тоже забрали мальчика и девочку, потом воспитательни-

ца смогла уговорить отдать девочку, а мальчика все же расстреляли. Были там немцы где-то полгода. Потом пришли наши.

В детском доме я училась, закончила 2, 3, 4, классы. В 1945 году нас отправили по месту жительства. До Ленинграда состав шел неделю. Приехав в Ленинград, поступила в ФЗО через два года стала швейей-мотористкой, шила мужские пальто. Один год после окончания училища прожила в Ораниенбауме, а потом перешла на швейную фабрику «Комсомолка», 20 лет отработала там, жила в общежитии, в комнате на 4-х человек.

Два раза ходила к своей первой учительнице — Дымской Валентине Аристарховне. Мы с сестрой и учительницей сфотографированы после окончания первого класса в 1941 году.

В 1964 году от швейной фабрики я получила комнату в коммуналке на Петроградской стороне, потом в этой квартире освободилась еще комната, и у нас с сыном стало две комнаты. После пенсии отработала в охране фабрики 18 лет. Потом поменяли свои комнаты на квартиру в поселке Батово.

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ СОЛДАТА-ПОБЕДИТЕЛЯ

*АКСЕРОВА
Екатерина,
8 лет, д. Белогорка*

РАССКАЗ ПРО ВОЙНУ

Когда началась война, моему дедушке было 7 лет.

Поэтому пишу рассказ о моём прадедушке с его слов. Он во время войны в 1942 году был артиллеристом. Были у них пушки ещё царских времен – образца 1909 году. Но они были очень хорошие, их перемещали с помощью лошадей. Их разбирали быстро, грузили на лошадей и по горным тропам забирались на высоту. Там их снова собирали, выбрав удобное место, и не давали немецким кораблям зайти в порт для разгрузки техники и солдат. В густых кустарниках немцев обнаружить было сложно, поэтому они имели преимущество. Но к концу войны в 1944 году их сняли с вооружения, и дедушка воевал на мощных «катюшах», так называли реактивную артиллерию. Закончил он войну под городом Прагой. Домой вернулся осенью в 1945 году. У него была большая семья – семь человек: три сестры и четыре брата. С войны он вернулся один, а три брата погибли. Дед тоже был несколько раз ранен, приехав домой, часто болел, а в 1953 году он умер.

*АЛЕКСЕЕВ
Николай,
4 класс, п. Вырица*

Мой прадедушка **Субботин Иван Федорович** 2 октября 1941 года был призван связистом в воинскую часть Ленинградского фронта. Часть находилась в поселке Песочный. А до этого учился в Ленинграде в школе связистов. Прадедушку призвали на войну в июле из деревни Правдино Ярославской области.

В первом письме от 8 августа он описал, как он добирался: «Когда мы ехали на поезде, над нами кружились вражеские самолеты, но бомбы не бросали. В Ленинграде пока тихо, как будто и нет никакой войны».

Следующее письмо было прислано уже из фронтовых окопов. Дедушка писал, что с 4 по 24 октября шел бой, и он был ранен в голову, в связи, с чем был отправлен в госпиталь, который находился около Финляндского вокзала в Ленинграде. Из его последнего письма мы узнаем, что 8 декабря из города выезда уже не было — началась блокада. Прадедушку комиссовали по ранению и дали ему третью группу инвалидности, но выехать он уже не смог. Он остался в городе, прописался, чтоб получать талоны и паёк. Прадедушка умер от голода на Московском вокзале, который был частично разбомблен, там находилась комендатура, но до неё прадедушка дойти не смог. Это случилось в январе 1942 года. Его похоронили в могиле неизвестного солдата в Ленинграде. К большому сожалению, фотографии прадедушки не сохранилось, сохранились лишь письма и выписка из госпиталя. Вот и всё, что известно про моего прадедушку Субботина Ивана Федоровича.

*Вспомним мы тех,
Кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.*

БАЛАШОВА

Анастасия,

7 лет, д. Белогорка

МОЯ БАБУШКА

Моей бабушке Кученковой Лиде 79 лет. В военные годы она жила в деревне, куда немецкие части не заходили.

Жизнь большой семьи из 5 человек была очень тяжелой, голодали и часто болели.

Собирали съедобную траву и из неё варили суп. Зимой перекапывали картофельные поля — искали оставшийся картофель. На фронт отправляли посылки с вязаными носками и варежками. Бабушка — ветеран войны и награждена медалями.

БЕЛОВ

Кирилл,

3 класс, д. Мины

Мой прадедушка Степанов Владимир Николаевич воевал в первом дивизионе КБФ матросом. 22 декабря 1942 года он был награждён медалью «За оборону Ленинграда», а 9 мая 1945 года — медалью «За победу над Германией».

В годы войны прадедушке было не легко. Ему пришлось пережить трудные годы: голод, холод, большие потери товарищей и родных. Мой прадедушка прошёл этот тяжёлый путь с достоинством. Я очень сильно им горжусь!

БОДУНОВА

Катя,

3 класс, д. Мины

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Город был отрезан от всей страны. Моя родная бабушка Мария Матвеевна в это время жила в Ленинграде. Ей было 19 лет.

Бабушка рассказывала, что в городе не было тепла, света,

воды и хлеба. Очень многие умирали от голода и холода. Но моя бабушка не сдавалась и продолжала бороться за город и за жизнь. Город постоянно обстреливали из артиллерийских орудий. С самолётов сбрасывали бомбы и зажигательные смеси. Моя бабушка и другие молодые ребята по ночам дежурили на крышах и тушили снаряды. Так они спасали дома от пожаров.

Блокада длилась 900 дней. Моя бабушка осталась жива. Сейчас ей 88 лет. Я горжусь своей бабушкой. Для меня она — настоящая героиня.

БОГОМОЛОВ

Никита,

14 лет, г. Гатчина

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

В настоящее время Россия бурно меняется. Вместе с нею меняемся и мы. Происходит перелом в нашем сознании, в том числе в отношении к истории нашей страны, к сегодняшнему и завтрашнему дню, к окружающему нас миру. Но то, что произошло шестьдесят пять лет назад, мы будем помнить вечно — это Победа в Великой Отечественной войне.

Мой прадедушка тоже участник двух войн: Финской и Великой Отечественной. В начале сорок первого года шли тяжёлые бои на пути к городам Кольского полуострова. Угроза была очень велика, враг находился в сорока километрах от города Мурманска, и полярная дивизия, где служил мой прадедушка, защищая рубежи Заполярья, отстаивала западную Лицу со стороны Баренцева моря, не подпуская фашистов к Мурманску.

В конце сорок первого враг был обескровлен и остановлен на Кольской земле. За это воины получили награды. Прадедушка служил в звании старшины. Мой дедушка хранит награды своего отца. Это орден Великой Отечественной войны, медаль

«За отвагу» и много послевоенных наград.

Мой дедушка рассказывал мне, что прадед после служил в Аварийно-спасательной партии (АСП). Они занимались подъёмом со дна затонувших кораблей и судов, потопленных во время войны, и неразорвавшихся бомб и снарядов, чтобы суда могли спокойно проходить по водам Заполярья.

Мама рассказывала, что мой прадед, а её дед — Василий Васильевич был очень добрым и весёлым. Он хорошо играл на гармонии. Мама, когда была маленькой, приводила дедушку на школьные вечера, посвященные Дню Победы. Он интересно рассказывал о том, как воевал, как все люди боролись за каждый метр русской земли.

К сожалению, мой прадедушка не дожил до того времени, когда на свет появился я, но сохранившиеся фотографии и рассказы о том, каким отважным и смелым героем был мой прадедушка, будут вечно хранить память о нем.

БОНЯК

Александра,

3 класс, д. Мины

Когда началась война, моей прабабушке было 9 лет. Её старших братьев и отца призвали на фронт. Осенью 1941 года в их деревню пришли немцы. Немцы заняли их дома, и им самим пришлось жить в окопах и землянках. Через некоторое время немцев прогнали. А потом пришла повестка о гибели отца и братьев...

БОРИСОВА

Елизавета,

14 лет, г. Гатчина

МЫ ПОМНИМ О ВОЙНЕ

Взрослая жизнь моей прабабушки началась после окончания Червлёнской (Чеченская республика) средней школы в 1940 году. Это за год до начала Великой Отечественной войны. В августе 1940 года она поступила в Северо-Осетинский педагогический институт. Прочувшись один семестр, все поступившие студенты вынуждены были оставить институт по причине правительственного постановления о платном обучении студентов. Моя прабабушка оказалась в том числе. Позже она окончила годовые педагогические курсы для национальных школ 5–7 классов. После последнего экзамена она узнала о начале Великой Отечественной войны. Без объявления войны немецкие фашисты бомбили крупные города, населённые пункты. Правительство объявило всеобщую мобилизацию. Прабабушка сильно переживала вместе со своими сокурсниками из-за тяжёлого положения в стране. Там она проработала два года, фашисты продолжали наступать, враг приближался к Кавказу, ближе к Грозному, Баку. В это время русских эвакуировали в Грозный. Приехав в Грозный, прабабушка была направлена Министерством просвещения в Брагинскую (Чеченская республика) школу учителем биологии. Время было очень тревожное, т.к. враг продолжал наступать. Им пришлось пережить голод, холод, единственное желание — поесть досыта. Кавказ был заполнен военными, готовились к наступлению, и в 1943 году доблестные войска пошли в наступление. Враг был отброшен. Курская битва была переломным периодом, после которого Советские войска пошли в наступление. Всё население Советского Союза помогало армии всем, чем могло, а главное — своим трудом и верой в Победу. 1944 год был годом восстановления всего разрушенного войной. Все эти трудные годы моя прабабушка работала в школе, учила, приучала к жизни,

сама училась, растила своих детей. В 1952 окончила Северо-Осетинский педагогический институт заочно. С 1957 по 1975 работала преподавателем биологии и химии в школе-интернате № 1 г. Грозного. В 1975 году вышла на заслуженный отдых.

Она ветеран войны, ветеран труда. И имеет награды: «30 лет победы Великой Отечественной войне», «50 лет победы в Великой Отечественной войне», «За многолетний добросовестный труд».

БОРОВКОВА

Елена Ивановна,

*заведующая Веревской
сельской библиотекой*

В 5 километрах от д. Малое Вереве есть небольшая, но очень живописная деревня Кирлово. Здесь в одном из домов проживает **Александр Михайлович Денисов**, ветеран Великой Отечественной войны.

На день воинской славы у нас с Александром Михайловичем была запланирована встреча в Веревской Сельской библиотеке, но в связи с болезнью ветерана я поехала к нему домой.

Дом привлекает внимание белыми резными наличниками на ярко-синем фоне. Все здесь сделано умелыми руками хозяина, столяра и плотника. До сих пор многие жители деревни и ее окрестностей пользуются предметами домашнего обихода, сделанными руками этого доброго и отзывчивого человека.

Александр Михайлович родился 14 августа 1926 года в бедной многодетной семье. Отец воевал на фронте, жить было очень тяжело. Мать, чтобы дети не умерли от голода, собирала колоски в полях, за что ее посадили в тюрьму. Отец вернулся

домой весь израненный и вскоре умер.

Сам Александр Михайлович с начала войны был направлен в строительный батальон. Воевал в отдельном оперативном полку. Штаб был в Ивано-Франковске (бывшая Станиславская область).

В день моего приезда Александр Михайлович был очень расстроен. Из газет и телевидения он узнал о том, что на Украине признали национальным героем Степана Бандеру, против которого он воевал, участвуя в ликвидации бандеровцев в Западной Украине.

— Бандеровцы, власовцы (наши пленные), — вспоминает Александр Михайлович, — хотели сделать Украину самостийной, поэтому помогали немцам. Они грабили деревни, убивали мирных жителей.

Узнав, что на какую-нибудь деревню напала банда бандеровцев, полк, в котором служил Александр Михайлович, добравшись до деревни заставал полную разруху. Жители были убиты, а то, что не было разграблено, было уничтожено и сожжено.

Солдатам приходилось очень тяжело. Спали мало, в полном обмундировании, при полной боевой готовности. В любой момент могли поступить новые сообщения о нападениях. В этих сражениях половина полка была уничтожена и, как следствие, расформирована. Остатки полка вместе с отрядами пограничников продолжали бороться с бандами Украинских националистов.

В 1944–45 гг. Александр Михайлович участвовал в освобождении территории Украины и России от немецко-фашистских захватчиков.

Александр Михайлович награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью за победу над Германией. 70 лет вооруженным силам, медалью Жукова и 4-мя юбилейными медалями к Дню Победы.

В период Великой Отечественной войны руками членов Организации Украинских Националистов (ОУН) и Украинской Повстанческой армии (УПА) было замучено и убито мирных людей около: 1,5 млн евреев, 1 млн русских, украинцев и белорусов, 500 тыс. поляков, 100 тыс. людей других национальностей.

Карасева Мария Николаевна

родилась 26 декабря 1924 года. Коренная ленинградка, во время войны проживала в Московском районе на Тамбовской улице. Когда началась война, ей было 17 лет.

Была комсомолкой. Как добровольца, ее определили в 8-й строительный военно-восстановительный поезд. Вместе с Марией Николаевной там насчитывалось 18 девушек. Когда ее дом на Тамбовской улице раз-

бомбили, стала жить в вагоне. Из всего, что у нее было, осталась только одежда, в которую она была одета.

Девушки занимались тем, что восстанавливали железнодорожное полотно после взрывов и бомбежек. Сами носили тяжелые рельсы. В любую погоду ходили в резиновых сапогах, укутанные теплыми платками. Как вспоминает Мария Николаевна, ослабленные, изможденные от голода, девушки походили на старушек. Хлеб им, как рабочим, выдавали по карточкам — по 250 грамм каждой. Чтобы получить этот хлеб, с ночи занимали очередь в булочную. Когда случались обстрелы, не все успевали добежать до бомбоубежища, многие из очереди падали тут же, раненые или убитые, многие теряли карточки, но веры в победу не терял никто. Водопровод не работал, спускались за водой к Обводному у каналу, набирали и поднимали наверх на веревках.

Главное Управление было на Фонтанке, в доме № 117. Начальником был Кубышкин Александр Васильевич. Девушки находились на казарменном положении. Научились оказывать первую медицинскую помощь. Разбирали завалы после бомбежек, определяли раненых в госпитали, детей-сирот определяли в приюты. Покойников отвозили на саночках на Волковское кладбище.

Дежурили ночами, тушили зажигательные бомбы на кры-

шах домов. Рыли окопы. На Ладожское озеро вели узкоколейку, чтобы можно было подъехать к Ладоге. Спали одетыми и очень мало. В любое время суток могли вызвать на работу. Очень сильно голодали.

Когда разбомбили Бадаевские склады, ходили туда, собирали песок, перемешанный с землей. Ели траву, листья, клей, картофельные очистки. Когда на карточки давали селедку, употребляли ее полностью — из головы и потрохов варили суп. Когда прибавили норму хлеба, люди очень радовались, с трепетом держали в руках кусочек хлеба и прижимали его к себе.

Со слезами радости узнали о прорыве блокады 27 января. Многие не верили, что выжили.

13 марта 1945 года Мария Николаевна вышла замуж за военного моряка. В 1946 году родила старшую дочь. С мужем прожили вместе 46 лет. К сожалению, 20 лет назад муж умер. Сейчас Мария Николаевна живет с младшей дочерью. Старшая дочь живет в Санкт-Петербурге.

25 лет Мария Николаевна проработала в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

На протяжении 10 лет Мария Николаевна проживает в д. Малое Верево. Когда ездит в Санкт-Петербург, признается она, ноги сами несут и к бомбоубежищу на углу Обводного и Лиговского (кинотеатр «Баррикада») и к бывшему дому на Тамбовской улице.

Ветеран Великой Отечественной войны Карасева Мария Николаевна имеет 11 медалей, но самой главной и значимой для нее является медаль «За оборону Ленинграда».

ВОРОНИНА

Александра,

13 лет, г. Гатчина

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

Каждый раз, в майский праздничный день, в самый важный день года, День Победы — 9 мая — вглядываясь в глаза нашим ветеранам, я испытываю удивительное, волнующее чувство гордости и глубокого уважения к поколению, которое приложило столько сил, здоровья и человеческих жизней, для достижения великого и светлого дня — дня Победы!!! Потрясает количество медалей на их мундирах, морщины, говорящие о многом, глаза светлые, местами чисто слёз от воспоминаний во время возложения цветов у Вечного огня. Как мы знаем из истории, война началась 22 июня 1941 г. ровно в 4 часа утра. И до великой Победы 9 мая 45 г., долгих бесконечных 4 года. 4 года борьбы, нечеловеческих испытаний и только огромное стремление всеми силами отстоять свободу и независимость Родины. И на защиту Отчизны поднялись все от мала до велика. Эта война для нас была самая тяжелая и самая жестокая из всех пережитых нашей Родиной войн. Война принесла советскому народу неслыханные потери и разрушения.

В годы войны погибло более 20 млн советских людей. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 1710 городов, посёлков городского типа и более 70 тысяч сёл и деревень. Сожгли и разрушили почти 32 тысячи промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов. Страна потеряла около 30 процентов национальных богатств. Но, несмотря на всё это, советский народ выстоял и одержал в этой жестокой войне всемирно-историческую Победу. Основной урок — против войны надо бороться, пока она не началась. И если бы мы сумели этим воспользоваться, возможно, мы сумели избежать такого количества потерь и разрушений! Меня потрясает удивительная гармония этих людей. Несмотря на большое количество лет за плечами, они находят силы и возможности приходить к нам в школы, училища, библиотеки и рассказывать,

рассказывать о своих боевых товарищах, о первых радостях и горестях, связанных с войной, о подвигах, о Победе. Многие делятся своими воспоминаниями через книги, статьи в газетах и журналах. Чтобы мы помнили и не забывали, какой ценой далась нам Победа. На таких встречах я ловила себя на мысли, что мне очень интересно слушать и старалась представлять то, что нам рассказывали ветераны.

Временами становилось страшно, и мурашки шли по спине от того, через какие испытания приходилось проходить этим смелым и очень простым, даже обыкновенным на первый взгляд людям. Их рассказы были во многом похожи. Потому что всё сводилось к одной общей мысли: это огромное, просто нечеловеческое желание — Победить!!! И они Победили!

И не было семьи в те годы, которой не коснулась бы война.

Мой прадед и дедушка тоже испытали на себе все тяготы войны. Прадеда давно уже нет в живых, но я знаю, что он дошел до Берлина и хромя на правую ногу, вернулся с палочкой домой. Но с великой радостью и Победой к жене и своим 5 детишкам, которые его ждали почти всю войну. Пройдя и оккупацию и унижение, голод и страх. Но, несмотря, ни на что, они ждали и верили, что придёт их время радости и свободы. И они дождались. Мой прадед прошел войну — солдатом, как и миллионы других советских солдат. Пронёс на своих плечах все тяготы войны с честью. Остался добрым, любящим, трудолюбивым и светлым человеком. Сумел вырастить своих детей достойными и благородными продолжателями своего рода. И я, как следующее звено в непрерывном вращении времён поколений, постараюсь передать своим будущим детям всё, что знаю сама, что услышала и прочитала, чтобы не забыть то тяжёлое и героическое время. Время, через которое прошел наш народ, наша страна и моя семья.

Вечная память всем — кто так и не вернулся с войны домой. Мой старший брат в Выборге у Вечного огня — 9 МАЯ!

*Спасибо вам, что мы войны не знали,
Что мы не слышим шума страшных лет,
**ЧТО ВЫ НАМ ЖИЗНЬ СВОЕЮ ЖИЗНЬЮ ДАЛИ!
ДАЙ БОГ ВАМ, ВЕТЕРАНЫ, ДОЛГИХ ЛЕТ!***

ВИЖУТКИНА

Анастасия,

12 лет, г. Гатчина

САМАЯ СТРАШНАЯ ВОЙНА

Наверно, каждую семью коснулась та страшная война, каждой оставила след, память о тех годах. Историю о жизни нашей семьи во время Великой Отечественной войны я знаю благодаря прабабушке, **Валентине Николаевне Вижуткиной**:

«22 июня 1941 года началась самая страшная война. Она застала меня в Красногвардейске (ныне Гатчина). Враг всё ближе и ближе подступал к городу, и люди со страха уходили в Ленинград. Я тоже пошла — одна, потому что муж в числе первых ушёл на фронт.

В Ленинграде я остановилась у брата и стала работать на Балтийском заводе. Работали по двенадцать часов в сутки, а иногда приходилось там ночевать. В сентябре немцы окружили город. Первый год войны для меня — самый горький. Я узнала, что деревня, где жили мои родные и близкие, сожжена. А через некоторое время я получила похоронку на мужа: он погиб в первые дни войны под Нарвой.

С завода я перешла на оборонительные работы, и вскоре наш отряд соединили с инженерными войсками связи. Мы занимались восстановлением железных дорог, автодорог, мостов. Наша часть располагалась в поселке Шереметьево, недалеко от Синявинских болот. 26 января 1944 года было снято кольцо блокады. Нашу часть тут же перевели в Волосово. Отступая, немцы разрушали мосты и дороги. Мы восстанавливали их для наших войск. Затем нас перевели под Лугу, где мы тоже занимались восстановлением путей.

Победу я встретила в Ленинграде. Там же меня нашла радостная весть, что моя мама жива: её угнали немцы на работу, и встретиться мы смогли только через три года.

Я очень надеюсь, что ни мои дети, ни мои внуки не узнают такой страшной войны!»

ВИКУЛИНА

Елизавета,

3 класс, п. Сиверский

ВОЙНА И ДЕТИ

*«Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я»*

Лев Ошанин

Впервые о войне я узнала из рассказов своей бабушки. Она не воевала с винтовкой, она не выносила с поля боя раненых бойцов. Когда началась война, ей было всего семь лет. Наверное, поэтому её рассказы так мне близки.

Её беззаботное детство было остановлено в прекрасное летнее утро. В этот день она увидела тревожные глаза мамы и услышала грозное, страшное слово «война». Потом вспоминает она, как провозжали на фронт. Все плакали. Потом все женщины вязали носки, варежки и отправляли на фронт. Дети помогали им. Одно из самых ярких военных воспоминаний это, когда на большой перемене давали маленький кусочек черного хлеба. Это было большое лакомство для детей.

Я хочу, чтобы никогда не было войны, чтоб на небе всегда было солнце, и мамины глаза всегда улыбались.

ГАВРИЛОВА

Елизавета,

6 класс, д. Большие Колпаны

МОЯ УЛИЦА

Когда я училась еще в начальной школе, то задавала маме вопрос: «А почему наша улица называется улицей комиссара Казначеева». Но мама толком сама не знала, потому что стала

жить здесь после переименования улицы. Тогда я обратилась за советом в Большеколпанскую сельскую библиотеку, потом в музей боевой славы при школе.

В сельской библиотеке нашелся материал о комиссаре Казначееве и даже фотографии, сделанные, когда открывали мемориальную доску на моей улице.

После войны наш поселок начал отстраиваться заново и первые дома, что появились, были как раз те, где я сейчас живу. Я здесь родилась, начала ходить в школу, общаюсь с друзьями. Пусть моя улица небольшая, но для меня она очень дорога. Я знаю здесь каждую тропинку, каждый кустик, каждого человека. Так как улица расположена параллельно Киевскому шоссе, то и улицу нашу называли «Шоссейная». Весной у каждого дома распускается сирень, цветут яблони, а осенью все покрывается ковром красно-желтых кленовых листьев. День и ночь по Киевскому шоссе снуют машины, нарушая тишину.

В 1984 году жители улицы обратились к властям с просьбой переименовать нашу улицу в улицу «Комиссара Казначеева». В 1985 г. состоялось открытие мемориальной доски. На открытие собрались сослуживцы комиссара, его дочь Нина Филиппова и жители поселка.

И для меня настало время узнать, что совершил комиссар Казначеев, кто он такой?

В 80-е годы были живы еще люди, которые лично знали комиссара, воевали вместе с ним. В газете «Гатчинская правда» за 1984 год была опубликована статья – воспоминания бывшего связиста 267 ОПАБ И.И.Муромцева «Дорогой наш комиссар».

В августе-сентябре 1941 года батальонный комиссар **Филипп Иванович Казначеев** был одним из руководителей обороны нашего города от немецко-фашистских захватчиков. Под его началом формировался 267 отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Меня очень удивило, что Филипп Иванович был

единственным кадровым офицером, а в ополчение шли люди разных возрастов и профессий – рабочие заводов, преподаватели вузов, студенты, служащие. Им было от 17 до 60 лет. Об этом я узнала, посетив музей Боевой славы при нашей школе, который полностью посвящен 267 ОПАБ.

В дни обороны города 267 ОПАБ занимал позиции в церкви на Солодухинском кладбище. «Воздух сотрясался от разрывов бомб, снарядов, будто рушится небо. Над крышами носятся остервенело воя самолеты противника. На кладбище самое пекло: рвутся мины, снаряды, осколками срубаются толстые сучья, крушат кресты и могилы.

В подвале церкви, в темноте, за кирпичным столбом лежит человек. На нем белеют бинты. Это Филипп Иванович Казначеев. Все эти дни он страдает от раны, которая все еще не залечена.

В первом бою 20 августа он был тяжело ранен – пуля повредила кости ступни. Эта вылазка комиссара, первым ринувшемуся на врага, предотвратила окружение наших дотов д. Б.Колпаны, Вимози, М.Колпаны, расположенных по Лужскому шоссе. Но главное, она воодушевила наших ополченцев, впервые взявших в руки оружие. Комиссар преподавал урок мужества и отваги. Он отказался от госпиталя, и все дни руководил боями. Иначе он поступить не мог. Филипп Иванович сплотил людей в дружный коллектив, повел их в первые бои, чтобы с честью исполнить свой долг в защиту города на Неве.

Комиссар непреклонен в достижении поставленной цели. У него железная воля. И от подчиненных он требует строжайшей дисциплины, беспрекословного подчинения.

И в то же время он справедлив, чуток и добр. Никакая опасность его не страшит, и он идет туда, куда посылает других. Он действует на ополченцев, как взрыватель гранаты, а его орден Красного Знамени на темной в ремнях гимнастерке гипнотизирует нас, как высший знак подвига и героизма. И мы с первых дней преклоняемся перед ним, любим его и готовы идти за ним в огонь».

Так написал в своем очерке связист И.И. Муромцев. Дальше он подробно описывает события тех тяжелых боев, что

вели ополченцы и с ними комиссар Филипп Иванович Казначеев.

Из статьи я узнала, что он родом из крестьянской семьи, был участником Гражданской войны, воевал с белофиннами. Награжден орденом Красного Знамени. Прошел всю войну, жил последние годы в Гатчине, где умер в 1974 году.

Так мне открылась еще одна страничка из подвига нашего народа в годы Великой Отечественной войны. И я горжусь тем, что мою улицу называли в честь одного из героев и я живу на этой улице.

ГАЗИЗОВ

Юрий,

1 класс, п. Белогорка

МОЙ ПРАДЕДУШКА – ЗАЩИТНИК НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

Понасенков
Николай Федорович.
Фото 2000 г.

Уже 65 лет над нашей Родиной мирное небо, ужасы войны ушли в прошлое, но никто не забыт и ничто не забыто. Я знаю об этой страшной войне из книг, песен, кинофильмов, телепередач, экскурсий, от людей старшего поколения. Когда мне было пять лет, моя мама поведала мне удивительную историю о ее дедушке (моем прадедушке), который защищал нашу Родину во время Великой Отечественной войны. Уже тогда я понял, что солдаты, воевавшие с фа-

шистами, были настоящими героями, как и мой прадедушка Николай. Когда над нашей страной прогремела война, мальчику Коле только что 9 мая 1941 года исполнилось 18 лет и жил он на Смоленщине. Сначала ему пришлось воевать в

партизанском отряде, а потом на Белорусском фронте. Конечно, нелегко было юному солдату среди взрывов гранат и бомб, холода и голода в окопах и на поле боя. Однажды во время разведки шальная пуля настигла его. Он был ранен в левую ногу. Месяцы в военном госпитале тянулись очень долго. И опять стрельба, наступление, бессонные ночи, военные операции. В одном из боев рядовой Понасенков получил контузию головы. Снова долгие дни в госпитале. Он рвался на фронт, но военные врачи запретили бойцу об этом даже думать. Через три месяца мой прадедуська Николай снова был в военном строю и продолжал сражаться против немецко-фашистских захватчиков до самой заветной победы 9 мая 1945 года. Это был для него двойной праздник, ведь в этот день он встретил свою двадцать вторую весну. Родина заслуженно отметила отвагу, храбрость рядового Понасенкова Николая Федоровича множеством наград. Вместе с мамой и моей сестрой мы часто рассматривали медали, ордена, которые хранятся на атласной подушечке, документы к ним — в шкатулке. Это наша семейная реликвия и память о человеке, кровь которого течет в нас. Очень жаль, что я лично не знаком с моим прадедуськой. Он ушел из жизни из-за старых ран за шесть лет до моего рождения. Но я знаю точно, что мой прадедуська **Понасенков Николай Федорович**, ветеран, инвалид Великой Отечественной войны жизнь свою прожил достойно и я им горжусь по праву. 9 мая 2010 года в день 65-летия со дня Победы в Великой Отечественной войне наша семья непременно по традиции отправится в село Рождествено к могиле нашего родного защитника Родины. Мы возложим цветы и венки и всплакнем вместе с тем, вспомним о миллионах таких же выстоявших и не сложившихся воинах Второй Мировой войны. «И вспомним мир спасенный, и вспомним мир живой!»

ГАЛАНОВ

Илья,

16 лет, г. Гатчина

ПАРАШЮТИСТ

Этим летом я поехал в Вологодскую область, в деревню Мордово, к своей прабабушке.

Нас очень тепло встретили. На следующий день я встал раньше всех: солнышко разбудило. Бабушка поставила самовар и за чашкой чая мы с ней разговорились. По радио звучала песня «Землянка», которая напомнила о войне. Их деревню часто бомбили с воздуха. Один раз на их глазах был подбит немецкий самолет. Когда он загорелся, бабушка увидела парашютиста. Она очень испугалась, думая, что сейчас он приземлится и убьет всех. Бабушка разбудила деда. Он взял ружье, нашёл раненого парашютиста (им оказался 20-летний парень) и повел «хлопца» к себе в дом, где его накормили, напоили и уложили спать.

Утром за ним пришли наши. Немец поклонился и с акцентом сказал бабушке и дедушке: «До свидания». Больше его не видели. Возможно, его расстреляли.

ГАЛАШИНА

Валентина,

16 лет, г. Гатчина

В ТЫЛУ

Каждое лето я отправляюсь к родственникам в Тихвин, а оттуда на несколько дней в близлежащую деревню Липную Горку. Там, возле дома моей родни, стоит мемориал жителям деревни, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

О жизни моих родственников в войну я узнала от двоюродной бабушки. «Помню отдельные эпизоды — самолеты, бомбежки, разрушенные дома, подвал, где мы прятались», — рас-

сказывала она.

Семья Афониных была очень большой — четверо детей к началу Второй мировой. Однажды в дом вошел отец и сказал, чтобы все собирались — приближались немцы. Семья отправлялась в лес, в землянки. Жизнь в лесу текла медленно, дети голодали; отец то появлялся, то снова уезжал — мать говорила, что у него дела колхозные (отец, мой прадед, был председателем колхоза). Но однажды он вернулся — нужно было снова собираться, на этот раз — домой.

В пути семья попала под обстрел вражеских самолетов, но пули, к счастью, летели мимо. «Хотели бы — попали, — говорил отец. — Это разведка — надо быстро уезжать».

Родной дом нельзя было узнать — он стоял полуразвалившийся, без стекол, полностью набитый соломой. Немцы в нем держали лошадей.

Голод... Чего только не ела семья — шкуры мертвых лошадей, вареные кожаные ремни; деликатесом считались лепешки из гнилой картошки, отрубей, опилок, крапивы. С эвакуацией они растеряли всё, ходили по деревням и просили милостыню. Моя бабушка, чтобы помочь семье, нянчила чужих детей.

А ведь в 1941 году, когда немцы оккупировали Тихвин, старшему ребенку — моей бабушке — было всего-то восемь лет.

ГОРСКАЯ
Мария,
15 лет, г. Гатчина

НОРМАНДИЯ-НЕМАН

После окончания школы мой двоюродный прадедушка **Ивановский Николай Иванович** поступил в Рязанское театральное училище. Но доучиться он не успел, так как в 1941 году началась Великая Отечественная война, и его забрали в армию. Николай Иванович был человеком начитанным, с гуманитарным мышлением и развитой речью, и из-за этого его взяли политруком на фронт в лётную военную часть. Политрук — это человек, который разъясняет солдатам политиче-

скую обстановку в стране и является заместителем командира части. Конечно, мой двоюродный прадедушка не только разъяснял политическое устройство, но ему ещё приходилось участвовать в некоторых военных действиях. Его часть очень много передвигалась по фронту, и он всегда следовал за ней. В марте 1942 году Франция обратилась к властям Советского Союза с предложением направить в СССР группу лётчиков и механиков для участия в боевых действиях против Германии. В ноябре 1942 года подписано соглашение. Эскадрилья сформирована в Иванове. По желанию личного состава военному соединению присвоено наименование «Нормандия». Эскадрилья состояла из 72 французских добровольцев и прибыла именно в ту часть, где проходил службу мой двоюродный прадедушка. Затем эскадрилья стала называться «Нормандия-Неман». Вместе с полком мой двоюродный прадедушка двигался по фронту все военные годы. Полк принимал участие в Курской битве, белорусской операции, в боях Восточной Пруссии. В каких-то из этих сражений принимал участие и мой двоюродный прадедушка Николай Иванович, но так как его уже нет в живых, то точно сказать, в каких сражениях он участвовал, нельзя.

В 1945 году произошло то, чего так ждал весь народ: Победа над фашистами в Великой Отечественной войне. Все собрались к себе на Родину. Французские летчики и механики улетели во Францию на подаренных им самолетах. Примерно в это же время вернулся в Тамбов мой двоюродный прадедушка. Радости близких не было предела. Столько мучений они пережили, и вот пришёл конец всему этому.

Я очень горжусь, что мой двоюродный прадедушка внёс в эту победу совсем не малую часть.

ГРИНЕНКО

Жанета
Александровна,
п. Елизаветино

ПАТРУЛЬ

Рассказ

Весна в городе была в самом разгаре. Воздух был напоён запахом цветущей черёмухи. Казалось, что сама весна украшала город к 40 годовщине Победы в великой Отечественной войне.

Мы, руководители студенческого научного кружка и студенты-кружковцы, специально перенесли заседание, чтобы поздравить заведующего кафедрой. Нам хотелось по-своему поздравить его с этой Великой Отечественной Победой. В качестве подарков – приготовили свои доклады, новые иллюстрации-слайды к ним и с нетерпением ждали встречи.

От старших мы уже знали, что профессор ушел на Сборный пункт в августе 1941 года, с четвертого курса медицинского факультета университета. Мы также знали, что он участвовал в обороне г. Москвы, а Победу встретил в Европе. Демобилизовался он глубокой осенью 1945 года.

В это время таким, как он, прошедшим войну, дипломов об окончании вузов уже не давали.

Он работал в поликлинике, а в сентябре 1946 года капитан запаса сел за парту родного университета.

В 1974 году получил Диплом с отличием. У наших студентов была шутка на этот счет. В дипломе профессора значилось – зачислен в 1937 – окончил в 1947 году.

Чтобы получить Диплом такого достоинства, шутили студенты, нужно обязательно повторить последнюю цифру, т.е. проучиться десять лет.

Мы давно мечтали о том, чтобы Учитель рассказал о том, как он начинал воевать в должности старшего врача авиаполка в п. Кубинка под Москвой, как дальше вели его дороги войны.

Однако он всегда уходил от наших прямых вопросов, а тем более, от вопросов студентов.

Только мы успели поставить на стол вазу с алыми гвоздиками, как в конференц-зал бодрой походкой вошел Учитель. Мы обратили внимание на горящие веселые огоньки в глазах и отличное настроение. Мы переглянулись и решили, что сегодня наш день задавать вопросы, но только к концу встречи мы узнали причину такого состояния Учителя.

Заседание кружка в тот ясный майский день, в преддверии Дня Победы, мы запомнили на всю жизнь. Так, как докладывали кружковцы тогда, нам повторить больше не удалось. Им явно передалось настроение Учителя, его молодой задор и натиск. Критика и оценка им нашей совместной работы была, как всегда, «лаконична». Он высоко оценил данные экспериментальных работ, особенно наши критические оценки собственных неудач. По-отечески, заметил, что отрицательный результат – тоже результат, только это всегда нужно правильно оценивать.

Студентам показалось, что пришло время обратиться с вопросом о прошедшей войне, и мы их поддержали. На какое-то мгновение по лицу Учителя пробежала тень, затаенная грусть и что-то еще, что нам было не ведомо, и он ответил словами В. Шекспира: «То, что во мне, правдивей, чем игра, а это все – наряд и мишура». Только много позже мы смогли понять, что нам хотел сказать Солдат той Великой войны. А тогда мы сидели притихшие и ждали.

Чуть понизив голос, он сказал: «Я был на другой войне, чем та, о которой известно вам». Мы поняли, что сегодня он расскажет о чем-то очень важном. Вот его рассказ.

«Зима 1942 года была снежной и морозной. Фашисты рвались к столице-Москве. Налеты на аэродромы, кварталы, заводы накатывались один за другим. После каждого налета работы у старшего врача 67 истребительного авиационного полка было хоть отбавляй, а ночью пришло известие о том, что в поселке умирает роженица, и родственники просят о помощи, Командир полка отправил меня выяснить обстановку и помочь. После осмотра стало ясно, что имеют место осложненные роды. Размеры таза, положение плода, упущенное время были при-

чиной, угрожающей жизни обоих. Женщине была необходима помощь в условиях родильного дома, а не под разрывами авиабомб. Было принято решение о перевозке ее в Москву. Командир полка выделил «газик» с шофером. Как я узнал позже, одна из девушек, что укладывали парашюты в поселке, студентка архитектурного факультета — москвичка, нарисовала карту-маршрут для водителя. Механики оборудовали «газик» под машину скорой медицинской помощи. Я взял сумку с медикаментами, кто-то передал шоферу вещмешок с сухим пайком, и мы отправились в путь. Я не буду рассказывать вам о деталях той поездки. Мы несколько раз выносили женщину из машины, укрываясь от налета. Но всем тогда было угодно, чтобы мы остались живыми в те часы. Нам удалось добраться до роддома и передать роженицу в руки акушеров».

Он замолчал и улыбнулся каким-то своим мыслям. «Несколько часов назад, когда я ехал на заседание общества, я повстречал в троллейбусе женщину, которой тогда ночью 1941 года передал свою пациентку. Вы ее хорошо знаете. Она преподает Вам акушерство. О ее «повивальном» искусстве ходят легенды». Мы ахнули. Как часто мы видели эту милую, интеллигентную женщину. Затаив дыхание, слушали ее доклады на Советах. Было в них что-то такое, что привлекало внимание. Вот почему я немного задержался — сказал он». Мы сразу поняли, что именно эта встреча и была причиной той доброй перемены в настроении Учителя. Я посмотрела на студентов. Они сидели, затаив дыхание. Учитель продолжил свой рассказ. «Мы заметили, что налет прекратился и решили проскочить, забыв о еде, внешнем виде и обо всем на свете. Домой нас подгоняли слова врача-акушера с добрыми глазами: «все будет хорошо, потому что вы успели». О том, что слова ее подтвердились, мы узнали позже. Когда командир сказал мне, что приходила мать, родившегося тогда мальчика, с письмом от мужа с фронта. В письме он благодарил всех за помощь и просил позволить назвать сына именем спасителей. Мать хотела узнать мое имя и выполнить последнюю волю мужа, который погиб». Он опять помолчал и продолжил: «Наш выдавший виды «газик», бежал очень уверенно, и тут-то я увидел «маршрутный лист» и узнал историю его создания. Я, наверное, задремал, потому что не заметил, когда машина оста-

новилась. Я очнулся от того, что исчезло потряхивание и дребезжание и увидел, что водитель объясняется с офицерами патруля. Я собирался выйти, когда дверь резко дернул один из них. Меня подхватил мой шофер, и я окончательно пришел в себя. Передо мной во всем блеске предстал патруль. Я быстро достал документы, позволяющие находиться в Москве. Там лежала даже бумага из роддома, но о том, что и она не помогла, врач-акушер узнала только сегодня». Его глаза вновь по-юношески заблестели, и он продолжил свой рассказ. «Старший патруля обошел вокруг меня и сказал, что кирзовые сапоги тоже надо чистить, если других не заслужил, так же, как и шинель. Я попросил следовать в полк, но он грубо прервал мою просьбу словами о том, что, поскольку меня не научили разговаривать со старшими по званию, они восполнят этот пробел в комендатуре и приказал водителю следовать за ними. В комендатуре, сквозь наваливающийся сон и голод, мы слышали фразы из Устава Вооруженных Сил СССР и еще откуда-то. Когда меня заставили чистить сапоги, я уже готов был их съесть. Очнулся я от прикосновения чьей-то сильной руки. Офицер представился. Было заметно, что он смущается этой должностью. Это был боевой офицер, который, похоже, совсем недавно покинул госпиталь после ранения. Он и сейчас тяжело опирался на самодельную палку-костыль. После короткой беседы он накормил нас, извинился и разрешил следовать к месту службы, снабдив соответствующими документами. Правда, пришлось искать автомобиль. Выяснилось, что прежние обитатели комендатуры оставили ее совсем в другом месте. Вещмешка с сухим пайком и бензина в баке не было. Майор решил все проблемы, дал нам сопровождение, и мы отправились в часть, где нас действительно потеряли, но очень ждали».

В зале стояла такая тишина, что было слышно чье-то сердцебиение. Повисшую тишину прервал голос Учителя: «Что ж вы приуныли? Вы же просили рассказать что-нибудь о войне, вот я и рассказал, тем более, что эти события освежила в памяти случайная встреча». Он опять на минуту замолчал: «Да, на войне очень страшно, но ты точно знаешь, что должен делать. В ситуациях, о которых я вам поведал, ты просто бессилен, а это хуже, чем в бою. Вот такой жизненный урок я получил в начале долгого фронтного пути. Это тоже был опыт, как же, о которых

вы рассказывали мне сегодня. Да, что мы о грустном, посмотрите, как распустились гвоздики в вазе, видимо, тоже внимательно слушали о событиях той войны», – пошутил Учитель.

Потом он благодарил нас за поздравительный адрес всем участникам войны в его лице, а я обратил внимание, что зал был полон. Мы не заметили, когда врачи и пациенты заполнили конференц-зал.

И ещё, тогда мы всё поняли, что за сила была в этих людях, прошедших войну, состоявшихся в своих профессиях, подготовивших себе достойную смену. Людях, которые радовались каждому прожитому дню, удачам коллег, успехам учеников. Убелённые сединами головы, глубокие морщинки, неизгладимое горе на лицах и шрамы на сердце от потерь друзей, коллег и пациентов были тоже частью их послевоенной жизни.

Их никто и никогда не смог бы победить и не победил! Однако эти воспитанные, образованные, интеллигентные люди оставались бессильны перед теми, кто готов был их обидеть, унижить, обокрасть, оболгать, а многие хотели бы даже забыть.

И только пройдя через строй «своих патрулей», мы оценили урок, который нам и нашим студентам преподавал Учитель в канун 40-летия Великой Победы. Позже, мне рассказывали, что, провожая Учителя в последний путь, таким же морозным январём 1998 года, люди вспоминали и об этом январском дне 42-го года.

ГРАСС
Юлия,
14 лет , г. Гатчина

В ТЕ ДАЛЁКИЕ ГОДЫ...

В те далёкие годы война коснулась каждого, ворвалась в каждую семью. Не прошла она и мимо деревни, где жили и трудились мои прабабушка и прадедушка.

Моей прабабушке Евдокии исполнилось 16 лет. В их село пришли немцы, всех ребят и девочек забрали в машину и увезли, как потом оказалось, в Германию. Там их распреде-

лили по немецким семьям, где они помогали в домашнем хозяйстве. По окончании войны прабабушка вернулась домой. Моего прадеда Дмитрия я в живых не застала, он умер ещё до моего рождения. Воевал он офицером на Ленинградском фронте, ранен на Пулковских высотах в ногу и руку. Госпитализирован. Ему сделали операцию, и через некоторое время он опять вернулся на фронт.

Дедушке Коле, когда началась война, было всего 9 месяцев. Его маме Федоре было нелегко ухаживать за двумя сыновьями. Нужно прокормить семью и выжить. Папа Иосиф служил в артиллерии. Был ранен в ногу. В полевых условиях ему делали операцию, вытащили крупные осколки, мелкие остались. Они давали знать о себе на протяжении всей его жизни.

В этом году страна празднует 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Прошли годы. Но я горжусь своими прадедушками и прабабушками, которые участвовали в этой войне и мужественно завоевали победу!

ДОРОГАЯ
Алина,
3 класс, д. Мины

Когда началась война, моей бабушке **Дорогой Вере Васильевне** было семь лет. Папу сразу же забрали на фронт, и мама осталась одна с пятью детьми. Жили они очень трудно, голодали, делали лепёшки из лебеды и ели их. Когда к ним пришли немцы, бабушка и все остальные прятались в лесу в землянках. А потом бабушку, её маму, братьев и сестёр повезли в Германию в товарном вагоне. Бабушку Веру и её сестру Любу немцы хотели отнять у их мамы, но девочки заболели и их трогать не стали. В Германии их поселили на хуторе. Хозяева заставляли их работать. На хуторе они жили до июня 1945 года, а потом пришли советские войска, освободили их и отпустили домой.

ДУБРОВИНА

Анастасия,

6 класс, п. Сиверский

Мои прабабушка и прадедушка были участниками Великой Отечественной войны. К сожалению, их уже нет в живых, но воспоминания об их тяжелой жизни в нашей семье хранятся по сегодняшний день. Хочу рассказать про свою прабабушку.

Моя прабабушка, **Михалкина Мария Петровна**, ветеран войны. Будучи совсем молодой девушкой, она работала на железной дороге. Занималась восстановлением железнодорожных путей, по которым отправляли поезда с продуктами питания, и которые так ждали люди. Она рассказывала, как было страшно лазить под поездами, как зимой от холода замерзали руки и ноги, а согреться было негде. Но наградой была увеличенная пайка хлеба, которую дома ждали все.

Особенно тяжело было во время Сталинградской битвы. Множество эшелонов с ранеными, постоянные бомбежки. Со слезами провожали поезда с новобранцами. Было очень жалко молодых ребят, потому что не каждый вернется из боя домой.

За внесенный вклад в победу мою прабабушку наградили медалью «За победу над Германией».

ЕРЕМЕЕВ

Даниил,

3 класс, п. Сиверский

Моя прабабушка, **Павлюченко Александра Антоновна**, родилась 15 июня 1915 года. До войны она жила и работала в Суйде. В 1942 году фашистские войска подошли вплотную к Ленинграду и моей прабабушке, вместе с другими жителями Суйды, пришлось покинуть родные края. Уходили в сторону

сесть в поезд, который шел в Ленинград, откуда затем должны были эвакуироваться вглубь страны. Ночью началась страшная бомбежка, укрывались, прятались, кто как мог. Так прабабушка оказалась в блокадном Ленинграде. Там она вместе с соседкой Валентиной Николаевной Ворониной была занята на оборонных работах. За Нарвскими воротами они копали окопы, таскали доски, у Варшавского вокзала на крышу поликлиники носили мешки с песком, тушили зажигательные бомбы, рыли траншеи. Бабушка Шура рассказывала, как было тяжело. Не хватало еды. Приходилось питаться крапивой и лебедой. Потом на газонах в скверах сажали свеклу, морковь и картофель. Легче стало, когда открыли Дорогу Жизни.

Бабушку наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и знаком «Житель блокадного Ленинграда».

ЕРМОЛОВИЧ

Маша,

13 лет, г. Гатчина

ДВЕ ВОЙНЫ

Мой прадедушка — **Иванов Павел Николаевич** — родился в 1910 г. В 1939 году он участвовал в Финской войне, в тяжёлом бою контужен.

Когда началась Великая Отечественная война, дед жил в

маленькой деревушке. Которек Псковской области Плюсского р-на, откуда вновь ушёл на фронт. Дошёл до Праги.

Награждён медалями: «За освобождение Праги» и «За отвагу».

ЕРОШЕНКО

Наталья,

студентка, п. Семрино

«...Дорога была тяжелой. Из-за огромного количества выпавшего в этом году снега и температуры выше нуля она превратилась в непонятное серо-коричневое крошево, которое ближе к окраине неожиданно обернулось сплошной белоснежной целиной с едва проступающими следами людей, выбиравшихся из глубины поселка раньше нас. По этим следам мы прошли еще немного к аккуратному ухоженному домику справа от дороги. Возле него все тропинки были вычищены, а строгая овчарка возле крыльца лишь подняла голову, но голоса не подала. Мы позвонили в дверь...

– **Проходите! Вот здесь раздевайтесь, вот тепленькие тапочки,** – засуетилась строгая с виду пожилая женщина в очках и теплой вязаной кофте, – я чайник поставила...

Мы уселись за столом в центре комнаты. На стене напротив меня висел черно-белый портрет красивого статного мужчины, на углу которого бантиком была завязана георгиевская лента. Много открыток, поздравительных плакатов. Видно было, что родственники любят **Парасковью Васильевну**.

...Да и не только родственники и близкие относятся с теплотой к этому уважаемому у нас в поселке человеку. Парасковья Васильевна проработала в Семринской школе 30 лет, половина жителей Семрино – ее ученики. И все как один отзываются о ней как о талантливом, справедливом и полностью преданном своему делу Преподавателе. А те, кому посчастливилось более близко познакомиться с ней, обязательно назовут ее самым чутким, внимательным и отзывчивым человеком из всех, кого они могут вспомнить...И сегодня мы пришли с ней, чтобы услышать

из первых уст ее рассказ о тяжелом труде в военное время, о строительстве школы практически собственными руками и о том, как среди всех жизненных бурь ей удалось найти и сохранить любовь и душевную теплоту, которой кроме двух взрослых сыновей, хватало с лихвой и всем ее ученикам...

– **А что рассказывать? Уже все пересказано!** – Парасковья Васильевна помнит все до мелочей, помнит всех людей, встретившихся на ее жизненном пути по имени, помнит вес даты, поэтому слушать ее невероятно интересно. В чем мы ее и за верили.

*«Родилась я в 1928 году 4 ноября в Костромской области. В школу пошла с восьми лет, но первое полугодие ходила через день, потому что нужно было ухаживать за младшими братьями и сестрами. Я была вторым ребенком в семье, потом сестра Катя, а потом брат Николай – он как раз был маленький тогда. Он родился в 1935, а на следующий год я пошла в первый класс. Но училась я хорошо. Окончила Ушаковскую начальную школу в 1940 году. А в 1941 – закончила 5 класс Залесской семилетней школы. Она находилась в нескольких километрах от нашей деревни, и мы, все дети, ходили. Только пешком. А детей тогда много было, у каждого класса параллель была – и мы толпой в школу ходили... Летом 1941 года началась война, мама беременная была. Уже в июле в нашей семье родился седьмой ребенок. А до этого в 1938 двойняшки родились – два сына. Вот я этих двойняшек нянчила и училась. В августе 1941 отца взяли на фронт. А в феврале его уже не стало. Погиб под Ленинградом... Похоронка пришла – «...смертью храбрых...» **Василий Федорович Потапов** звали его... Я, когда 9 мая наступило, плакала очень сильно. Вокруг все радуются, цветы, улыбки, а у меня отец погиб и не видел этого... Очень горестно мне становилось от этой мысли...».*

...Вдруг на кресле под покрывалом что-то зашевелилось. Оказалось, что это кошка Парасковьи Васильевны. Ей скоро рожать, вот она и ищет место потеплее. Ворча, хозяйка утащила будущую мамочку в дальнюю комнату, в специально приготовленную для нее коробку.

– **Как с котами гулять неделями – это она пожалуйста!**

— возмутилась Парасковья Васильевна, усаживаясь за стол. — **Там, кстати, чайник вскипел! Так на чем я остановилась?..**

...Осенью 41-го я пошла в шестой класс, но все мои ровесники школу оставили... Я два месяца ходила одна... За 5 км, а это темно — просеки, перелески. Поля, холодно... я заболела и школу оставила. Мама работала на овцеферме — она была счастлива, что теперь я ей помощница... Так всю зиму на овцеферме и работала. Овец было больше ста голов, а ягнят так вообще не счесть... Сена мы возили на санках из стогов за 3 км. Воду для того, чтобы напоить, возили из речки в бочке, дома грели в чугунках в русской печке, снова выливали в бочки и везли на ферму. Так прошли три зимы. В школе-то я год пропустила, а потом все-таки пошла в 6 класс, до обеда я в школе, после обеда — на ферме. Заказы были строгие — столько-то пар рукавиц для солдат нужно было сдать. Я до сих пор удивляюсь, когда моя мама спать успевала...

Седьмой класс я закончила в 44-м году. Директор нашей школы была очень внимательная и чуткая женщина. Я закончила отличницей, и она сама мои документы отправила в Галичское педучилище. Пришел ответ — зачислена без экзаменов — отличники тогда без экзаменов зачислялись. Здание педучилища было занято под госпиталь, а само педучилище располагалось в здании общежития. Там озеро — два километра в длину, семь километров в поперечнике. Мы на санях за дровами через это озеро ...Нарубим бревен — и везем. Привезем, наколем, пытаемся разжечь — а они не горят, мерзлые все. Мокрые. Мы помучаемся-помучаемся, да так и ляжем спать, прямо в одежде. Матрасов старых наберем, какие-то под себя, какие-то на себя — и так и спим.

Война закончилась, а мы так и продолжали жить. За дровами ездили... Чернила замерзали. Но все-таки мы учились, потому что желание было большое. Нам давали 500 граммов хлеба и продуктовую карточку. За карточку давали крупу, мясо, сахар. А один раз мы даже питались в столовой. В 47-м я закончила педучилище. Закончила хорошо, с первой премией, правда, не на «отлично». Четверки у меня тоже были... Первая премия была — путевка в санаторий в Саратовскую область. Я от путевки отказалась. А после училища нас

распределяли на работу. Или в Читинскую, или в Калининградскую область — больше никуда. Я пришла к директору педучилища — просить, чтобы меня оставили в Костромской области. Говорю, мол, хочу работать в своей области, в своем районе, и, по возможности, в своей школе. А там распределение вела женщина из Министерства, она говорит:

— Почему вы здесь остаться хотите?

— Потому что у мамы пятеро младше меня по лавкам сидят, — говорю, — мне братьев поднимать надо, а мама одинокая осталась, инвалид.

Женщина вздохнула, глянула на меня и спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Паня.

— Вот и будут тебя в твоей деревне Панькой кликать, — усмехнулась она.

— Не будут, — отвечаю... Меня в деревне любили все...»

Тут в комнату вошел Василий, старший сын Парасковьи Васильевны. В руках он держал большое блюдо с мандаринами.

— Угощайтесь, девочки! Только что собрал! — пошутил он, и, оставив блюдо на столе, тихо удалился.

— **У него дела, он на чердаке что-то ремонтирует, — пояснила хозяйка.**

...Так я начала работать в своей Ушаковской начальной школе. Я проработала четыре года, а в 4-м классе тогда очень строгие экзамены были. Так мои работы оказались лучшими в районе. И РОНО меня отправляет в центр переподготовки учителей. Пока я занималась на курсах переподготовки, одновременно сдала экзамены на физмат.

В Залесской семилетней школе я начала работать уже математиком. В 51-м году это было. Проработала там два года и летом в августе 53-го мой жених приехал за мной. Мы когда-то учились в одной школе, только он на класс младше. Он всю войну прожил один, в 44-м его призвали в армию. Семь лет он прослужил на флоте, здесь, на Балтике. Демобилизовался, приезжал, и я один раз приезжала к тетушке своей в Ленинград... А в этот раз он приехал, и говорит — сколько, мол, ты можешь откладывать? Я-то все время откладывала, говорила — надо закончить, надо закончить...

Так я в августе 53-го и переехала сюда, в Ленинград. Стала работать в Павловске. В 463-й школе. Вакансий учителей не было, и я согласилась работать пионервожатой. Год проработала, у меня родился ребенок, а нужно на сессию ехать. А как я поеду? И не поехала. Так мой институт «накрылся».

На следующий год мне дали работу в 464-й школе. Класс был 46 человек. Да, большой! В журнале места не хватало, приклеивали снизу полоску, и вписывали еще четыре фамилии. Класс был очень хороший, работать было легко. Было 18 детей из офицерских семей, а офицерские жены не работали, всегда мне помогали, следили... Я просто с удовольствием вспоминаю этот год. И тогда заведующая нашей Семринской школы стала уговаривать меня перейти сюда на работу.

А в Семрино школа была очень старая. В каждом классе стояло по 4 подпорки, чтобы потолок не рухнул. Детям доску было очень плохо видно. Страшно было оставаться в таком классе. И нас переселили в Городок, там в одном здании второй этаж наполовину пустовал. Нам дали два помещения, и мы занимались в две смены. Мы так два года занимались. И все это время хлопотали, чтобы нам новую школу построили. Вопрос разрешился в 68-м году. Нам большую помощь оказал председатель комитета — Михайлов Павел Иванович, светлая память ему. Я бы ему при жизни памятник поставила. Мы не выходили из Смольного три года. Пока мы письмо в Москву не отправили... Один военный, командировочный, отнес это письмо прямо в секретариат ЦК. Строительство школы было внесено в план. Но все тянули со сметной документацией. Нам-то нужно быстрее начинать застройку, покупать стройматериалы. В итоге мы попали на прием в Смольный, там Председатель Облисполкома трубку просто поднял, позвонил и сказал: «Чтобы к 25 марта смета по Семринской школе была готова!»

...А в сентябре мы уже вошли в новую, очень хорошо оборудованную и оснащенную школу...»

Вот и все. В скупой на эмоции, четкий получасовой рассказ Парасковьи Васильевны вошла вся ее, не побоюсь этого слова,

героическая жизнь. Огромный, почти вековой отрезок времени. Отрезок, на котором ей встречались разные люди, на котором она преодолевала жизненные трудности. Обычная жизнь. Вот только вместо счастливого детства — тяжелый труд. Бессонные ночи. Замерзшие до синевы руки. Болезни старости, проявившиеся еще в юности. Вместо пряток и лапты — сенокос и заготовка дров. Вместо теплого одеяла и колыбельной — жесткие мокрые матрасы и холодная тишина. А дух остался несломленным на всю жизнь. Дух, сила которого известна каждому, кто хоть раз слышал гордое «труженик тыла».

ЖАРКОВ

Михаил,

14 лет, г. Гатчина

ДЕДУШКИ И БАБУШКИ

Мне повезло, так как в годы Великой Отечественной войны мои бабушки и дедушки по маминой и папиной линии остались живы.

Дедушка Слава жил в городе Тула. Немцы не вошли в город, но часто бомбили его. Маленький Слава вместе с другими ребятами, постарше, тушили бомбы-зажигалки, которые фашисты сбрасывали для того, чтобы устроить пожары.

Бабушка Лена жила в это время в Одесской области. В их селе остановился румынский отряд, воевавший на стороне немцев. Было страшно.

Дедушка Коля по маминой линии жил в Орловской области. Ему было 16 лет, и он помогал партизанам бороться против немецких захватчиков.

Бабушка Маша жила на Смоленщине. Как им пришлось туго и не передать словами.

Пусть по капле, но каждый из них внес свою частицу в долгожданную Победу!

ЖОГОВ

Максим,

3 класс, п. Высокоключевой

«ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»

Давным-давно закончилась Великая Отечественная война. Отгремели взрывы и выстрелы, затих человеческий плач. Мы знаем о событиях тех страшных лет в основном по фильмам и книгам, ведь с каждым годом все меньше остается людей, которые воевали или просто видели войну своими глазами и могли бы рассказать нам о ней.

Но эта война вошла в каждый дом, почти в каждой семье были погибшие или пострадавшие от фашистских захватчиков люди. И в каждой семье, наверное, есть истории и воспоминания, которые передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Есть и в моей семье такие истории, которые рассказывают мне мама, папа и бабушка. Все они родились в послевоенное время, и им тоже когда-то эти воспоминания поведали их мамы, папы и бабушки...

И я хотел бы рассказать о них всем. Так, например, моя прабабушка **Анна Ивановна** во время войны вместе со всем работоспособным населением поселка Высокоключевой была взята в плен и отправлена для работы в Германию. И однажды ей и другой женщине удалось бежать. Прячась от немецких патрулей и постов, пробирались они домой, ведь там остались их малолетние дети. По пути присоединились к ним еще женщина с маленьким ребенком. На одной из железнодорожных станций им удалось пробраться в вагон поезда с сеном и спрятаться в нем. Но случилась беда: ребенок заплакал, и немцы услышали его. Вагон открыли и стали искать беглецов, и тогда несчастная мать взяла своего малыша и сама вышла из укрытия, чтобы дать шанс на спасение другим женщинам... Солдаты схватили ее и не заметили других затаившихся беглецов. Моя прабабушка добралась до дома целая и невредимая, но до

конца своих дней вспоминала ту женщину с ребенком и гадала, что же стало с ними. Ей так хотелось верить, что их не расстреляли немецкие захватчики, и что они где-то тоже живут и рассказывают своим детям и внукам о том опасном побеге.

Вторая прабабушка, **Елена Михайловна**, во время войны жила в блокадном Ленинграде. От голода сначала умерла ее мама, а потом два маленьких брата Коля и Ваня. Она осталась совсем одна. Во время эвакуации в 1943 году жителей блокадного города сажали в грузовые автомобили и вывозили по тонкому апрельскому льду Ладожского озера. Машина, в которой находилась моя прабабушка, благополучно преодолела опасный маршрут, а следующая машина прямо на ее глазах провалилась под лед, и все, кто был в ней, погибли...

Моих прабабушек не стало, когда я еще не родилась, но по рассказанным о них историям и фотографиям послевоенных лет я могу себе представить, какими они были, и что им довелось пережить. Я горжусь ими и так же, как мои родители обязательно сохраню и передам рассказы о них моим потомкам.

Война не будет казаться такой далекой, пока мы помним о тех, кто прошел ее, и знаем, какой ценой досталась нам Победа».

ЗАСЕДАТЕЛЕВА

Юлия

Вячеславовна,

41 год, г. Гатчина

ОН БЫЛ ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК...

Хочу рассказать о своем дедушке **Боровкове Олеге Константиновиче**, летчике, участнике Великой Отечественной войны.

Это был веселый человек, любил шутки, юмор. Очень любил музыку, особенно оперетту. Знал многие арии наизусть. Сам играл на гитаре, пел. Любил животных: дома всегда были коты, птички, был охотничий пес Радай, т.к. дед был заядлым охотником.

Дедушка очень любил детей, особенно девочек. Меня, лю-

бимую внучку, брал с собой в лес за грибами, за ягодами, на рыбалку, давал «покрутить баранку». 9 мая 1985 года дедушка взял меня с собой в Москву на празднование 40-летия Победы. На Красной площади я встретила с его сослуживцами.

Это все дедушка, которого знаю и помню я, а из рассказов родных и самого деда встает образ совсем другого человека.

Боровков О.К.
п. Сиверский.
Фото 50-х годов.

Боровков Олег Константинович родился 12 ноября 1921 г. в г. Чебоксары Чувашской АССР. Отец Константин Михайлович был часовых дел мастером. Мама Мария Аркадьевна получила образование в монастырской школе, работала телефонисткой.

Дедушка рассказывал, что с детства увлекался техникой, в 8 лет сел за трактор, любил автомобили, мотоциклы, мечтал стать летчиком. Учась в средней школе, одновременно закончил Чебоксарский аэроклуб в 1939 году. В семейном архиве есть фотография выпуска «учлётов», как их тогда называли. А затем он сбежал из дома, и долго родные ничего не знали о нем, пока не получили письмо из Грозного от курсанта военного летного училища. Бабушка сохранила летные книжки деда, в том числе и из училища. Все зачеты и экзамены, летные тренировки и упражнения сданы только на «хорошо» и «отлично», а в характеристиках отмечается дисциплинированность, отличное владение техникой пилотирования, выдержка, исполнительность, умение работать с подчиненными.

Видимо, эти качества способствовали тому, что в первом бою в грозном 1941 году дедушка только один смог посадить свой «ястребок» И-16 на аэродром, остальные были разбиты фашистами, и лишь немногим удалось спастись с парашютами. Дед рвался на фронт, но до окончания училища было еще два долгих года. За это время он осваивает новые самолеты: ЯК-7, ЛА-5 и ПО-2. Курсанты училища участвуют в боях.

После окончания училища дедушка некоторое время работает летчиком-инструктором. В 1944 году его направляют в Алатырь, где формировалась эскадрилья. Здесь он встречает «девушку своей мечты» (мою будущую бабушку).

Серафима Сергеевна Боровкова, урожденная Паллон, родилась в Ленинграде в 1923 г. в семье потомственных портных. Они жили за Невской заставой на Слободской улице. Узнав о начале войны, бабушка пошла на курсы сандружинниц, после окончания которых стала работать в военно-полевом госпитале. Госпиталь располагался в Ленинграде возле парка Бабушкина и вскоре был переведен на военное положение, то есть все сотрудники жили на территории госпиталя и не имели права ее покидать. Бабушкины родители ушли на фронт: отец Сергей Иванович, — в действующую армию, а мать, Сусанна Павловна, работала в санитарном поезде. В начале 1942 года бабушка заболела цингой, затем тифом, перенесла три операции. В марте 1942 года ее вместе со всеми сотрудниками госпиталя вывезли на Урал на станцию Верещаги. В госпиталь приходили заявки на рабочую силу, и вот по распределению бабушка была направлена на работу в город Алатырь в Чувашии.

Бабушка участвовала в художественной самодеятельности, играла в спектаклях перед ранеными в госпиталях, читала и писала для них письма и, конечно же, бегала с подружками на танцы. Там и встретила свою судьбу — моего будущего деда Боровкова Олега Константиновича, который был лишь на два года старше.

В октябре 1944 года была свадьба, а через 4 дня дедушка улетел на фронт. Воевал на 1-ом Белорусском фронте в составе 45 Гвардейского Варшавского Краснознаменного ордена Суворова ночного бомбардировочного авиационного полка. Летал на бомбардировщиках ПО-2, уничтожил 11 вражеских самолетов и другой техники. На транспортном самолете ЛИ-2 участвовал в боях за освобождение Варшавы (за которые полку и было присвоено звание Варшавского) и за взятие Берлина, возил на своем самолете маршала Рокоссовского. Вместе с экипажем своего самолета: командиром Александром Васильевым, штурманом Семеном Ратнером, пилотом Иваном Козюрой мой дедушка был участником парада Победы на Красной площади в

Москве в 1945 г. Дед награжден многими боевыми наградами, в том числе орденом Отечественной войны 1 степени.

В 1946 г. дедушка демобилизовался, вернулся домой в город Чебоксары к молодой жене. В 1947 г. родилась дочь Алевтина (моя мама). С фронта дед привез трофейный мотоцикл BMW, с которым не расставался до 60-х годов. В Чебоксарах дедушка работал начальником автомотоклуба, а затем стал водителем первого такси в этом городе.

Бабушку тянуло в родные места. Она уговорила деда, и в 1950 г. они приехали в Ленинград. Дом, где когда-то жила бабушкина семья, был полностью разбит, жить негде. Были какие-то родственники на станции Строганово, что недалеко от Сиверской по Варшавской железной дороге. Вот туда в деревню Зайцево и приехала молодая семья. Дедушка стал работать водителем автобуса, но очень тосковал по небу, самолетам, тем более, что в Сиверской стоял авиационный полк. Он подает рапорты в ЛВО с просьбой вернуться в армию. В конце 1950 г. дед снова становится летчиком, служит сначала в Новоселицах под Новгородом, а затем в Сиверском полку. В 1951 г. его направляют служить в ГДР. Сначала он едет один, а через год забирает жену и маленькую дочку с собой в Германию. В Германии родился сын Сергей. Войсковая часть, в которой служил дедушка, часто меняла дислокацию, переезжали из города в город, жили «на чемоданах».

В Германии дед осваивал новые тогда модели вертолетов МИ-1, переучивался на вертолетчика.

В 1958 г. семья вернулась в Сиверскую. Здесь в то время служил будущий космонавт Герман Титов, которого мой дед хорошо помнил. Вскоре его перевели служить в Гатчину. Из окна дома был виден аэродром и военные самолеты. Бабушка часто говорила детям: не шумите, папа спит, у него ночные полеты. Сколько было этих ночных полетов! Летная книжка ведет четкий их учет.

Военный аэродром в Гатчине ликвидировали, полк перевели в Левашово. В последние годы дедушка служил в Павловске.

В 1965 г. его демобилизовали по приказу Хрущева о сокращении вооруженных сил. Не в первый раз штурвал самолета он сменил на шоферскую баранку, стал работать водителем на гатчинской ветеринарной станции.

Все послевоенные годы не прекращалась связь с боевыми друзьями, они переписывались, встречались в Москве. Машинистка 45 варшавского полка Анна Дмитриевна Гаврилова помнит и знает всех, ведет переписку. До самой смерти не прерывалась дружба деда с командиром экипажа Александром Васильевым и его женой. Бережно хранится дома список всех сослуживцев и любимые песни 45 Варшавского авиаполка.

Деда не стало 4 мая 1993 года, сердце остановилось мгновенно... В последний путь его вез бывший сослуживец Локотков Вячеслав на старом дедушкином «Москвиче». С тех пор прошло уже 17 лет, а дед до сих пор передо мною, как живой. О нем я рассказываю своей дочке, которую дедушка, к сожалению не увидел.

КРАСАВИЦА У-2 (песня 45-го Гвардейского полка) Сл. И. Шамаева

Вдоль по старту самолетики рулят,
А за ними бомбардиры ковылят.
Ты стой, стой, красавица У-2,
Дай мне ухватиться, радость за тебя!

Не с тобой ли приходилось нам бомбить,
Не с тобой ли приходилось нам блудить.
Ты лети, лети, Красавица У-2,
И хватит ли бензина, на блудных два часа.

Вот к Рассошке подлетел я на У-2,
Шесть прожекторов схватили вдруг меня.
Ну, спасай, Красавица моя,
У меня надежда только на тебя.

Хорошо, что бронь перкальная твоя,
И снаряды пролетают сквозь тебя.
Ты лети, лети, Красавица У-2,
Не разбей о землю только ты меня.

Вот окончится кровавая война,
И в Америку на выставку тебя.
Ты стой, стой, Красавица У-2,
Пусть американец посмотрит на тебя.

ЗАХАРОВ

Николай,

3 класс, п. Сиверский

В МОЕЙ СЕМЬЕ ПОМНЯТ О ВОЙНЕ

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на нашу страну. Враг напал внезапно. Над нашей Родиной нависла смертельная опасность. Враг был жестокий и сильный. Страна превратилась в единый боевой лагерь. Тысячи людей добровольно ушли на фронт, в партизанские отряды, народное ополчение.

Вместо ушедших на фронт мужчин на заводах и фабриках к станкам встали женщины, подростки и старики. Колхозы снабжали армию хлебом и продовольствием. Героями тыла стали сотни тысяч людей. Помогали фронту всем, чем могли: выращивали и собирали хлеб, картофель, отвозили на железную дорогу, сдавали молоко, яйца, вязали носки и варежки солдатам.

Крючкова

Зинаида Федоровна

Как и всех людей нашей страны, народное горе не обошло и нашу семью. Моей прабабушке **Крючковой Зинаиде Федоровне** довелось испытать весь ужас, который несла война. Она родилась (1924) и выросла в городе Ленинграде. В годы войны служила в 332 батальоне отдельного городского МПВО Ленинграда красноармейцем. Защищала свой родной город, вытаскивала раненых из-под обломков, эвакуировала жителей из осаждённого блокадного Ленинграда. Жители города голодали, падали в обморок, умирали прямо на улицах, в очередях, во сне... Кругом были трупы, хоронили в общих могилах. Зимы стояли очень лютые, обогреться было нечем, печки «буржуйки» топили

мебелью, книгами... Хлеб выдавали по карточкам, на день 250 грамм хлеба по рабочей карточке, а остальным по 200 грамм. Склады с продовольствием, фабрики, многие заводы были разгромлены, город превратился в руины. По Дороге жизни, проложенной через Ладожское озеро, несмотря на частые артиллерийские обстрелы, бомбардировки немецкой авиации, суровые и неблагоприятные метеорологические условия, доставляли ежедневно сотни тонн продовольствия и военных грузов, а из города эвакуировали по Дороге жизни женщин и стариков.

Дорогу прокладывали, выбиваясь из сил, исхудавшие, измождённые голодом женщины. Сначала прошёл отряд лыжников, затем по их маршруту туда-обратно проехал санный обоз и после него пустили лёгкие автомобили-грузовики.

Великая Отечественная война — самая страшная в истории человечества. Страшная потому, что ни в одной войне не было таких огромных жертв среди мирного населения. Эта война страшна и тем, что убивает ещё и сегодня. Ежегодно на местах былых сражений в Ленинградской области подрываются люди.

К сожалению, я её никогда не видел, она умерла на 67 году жизни в 1991 году. Но по рассказам моей бабушки и мамы, она была сильной и мужественной. Она со слезами вспоминала то жестокое время, тогда она потеряла всю семью: родителей, братьев и сестёр...

От имени Президиума Верховного Совета СССР ей были вручены медали: «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также юбилейные медали.

Невозможно забыть людей которые, не жалея своих сил, здоровья и жизни, прошли настолько сложный путь для того чтобы освободить нашу Родину от фашистов, и чтобы мы жили в счастливом мире. Мы говорим «огромное спасибо» нашим прадедам и прабабушкам, всем тем, кто участвовал в Великой Отечественной Войне. Вспомним их всех в День Великой Победы! Это была победа России, победа русского народа. Наша победа!

ЗЯБЛОВ

Александр,

9 класс, п. Лукаши

ТАК ЭТО БЫЛО, ТАК СОВПАЛО: ВОЙНА И ЮНОСТЬ...

Махнев Александр Васильевич

Послышался гудок паровоза, на платформу под Москву прибыл эшелон. Был прекрасный зимний день 1941 года. Белел бархатистый снег, ярко светило солнце. И все было так прекрасно в этой картине, если бы на платформах не стояли люди в военной форме, если бы они были без оружия, если бы поезд был пассажирский, а не с танками. По громкоговорителю прозвучал приказ о разгрузке. Командир взвода Александр Васильевич Махнев отдал приказ своим бойцам о начале разгрузки. Его подчиненные и он сам стали быстро сгружать танки.

Но под вечер налетели немецкие бомбардировщики. Нельзя было никуда спрятаться, необходимо было продолжать стягивать танки с платформ. Это самое первое тяжелое испытание в жизни командира взвода Александра. Рядом погибали товарищи, взрывались бомбы, царила суматоха, но они продолжали разгрузку, несмотря ни на что. Неожиданно одна бомба взорвалась совсем рядом, и командир почувствовал сильный удар. Он больше ничего не помнил, очнулся в госпитале, почти не ощущая своего тела. Ему показалось, что он заново родился. Он не мог ни говорить, ни двигаться. И медсестры стали заново его учить этому. Он опять, как когда-то давно первый сказал слово «мама». Он снова учился ходить, как маленький ребенок. Александр Васильевич получил контузию и травму

позвоночника, что повлияло на опорно-двигательный аппарат. Первой большой радостью для него в госпитале Новосибирска было появление в палате его матери. Он не знал, как она здесь очутилась, но был ей очень рад. В госпитале он пролежал 6 месяцев.

Родился Махнев А.В. в 1918 г. и был призван в армию в 21 год, то есть накануне войны в 1939 г. Служил на дальнем Востоке, в прекрасных неожиданных местах, в зенитно-пулеметных войсках НКВД, охранявших железные дороги. До армии он окончил железнодорожный техникум, поработать по специальности не успел, был только на практике. В армии стал шофером. Служил исправно, его направляли на курсы командиров. Но он этого не хотел, так как командиры служили на 1 год больше, поэтому специально провинился, и был отстранен от должности командира отделения. Он обрадовался, так как не собирался задерживаться в войсках, ни за что не хотел связывать свою судьбу с армией, ведь на гражданке его ждали жена и ребенок. И, тем не менее, за 3 месяца до демобилизации был отправлен приказ на 3-х месячные курсы младших лейтенантов в 333 воинскую часть. По их окончании попал в 74 танковую бригаду, где его и застала Великая Отечественная война. С нею и был переправлен под Москву.

Начало войны оказало на него гнетущее впечатление. Он не понимал, почему наши войска отступают. Это же испытывали в то время все. Люди России думали, что они быстро справятся с немецкими захватчиками. Но они не понимали, что Гитлер захватил всю Европу, а это означало, что России надо бороться со всей европейской технологией.

После разгрузки и первого боя от всей танковой бригады, с которой под Москвой прибыл младшим лейтенантом Махнев, остался всего 7 танков из 100. Так же он потерял в эти дни своего лучшего друга Петра Ивановича Гумно, по его сведениям, тот попал в плен и там был расстрелян. Это был веселый, жизнерадостный человек, он никогда не унывал, поэтому Махнев А.В. очень любил его. Дружили они еще с курсов младших лейтенантов.

Махнев А.В. служил на танке Т-26, это был легкий танк. Он

не отличался крепкой броней, которую мог пробить крупнокалиберный пулемет, но позже Махнев узнал и танки БТ-7, БТ-5. Они могли двигаться как на гусеницах, так и на колесах, сбросив гусеницы. Впоследствии он служил и на лучшем танке этой войны Т-34. После поправки Махнева отправили на Дальний Восток. Он вызвал мать из Новосибирска, выписал к себе жену и ребенка, и там прослужил остальное время войны. Находясь в части на ст. Завитая в районе Константинова, они держали Дальневосточный фронт.

После победы над Германией еще оставался враг на Дальнем Востоке, японцы. По приказу командования танковая бригада, где служил теперь Махнев, формировала р.Амур и двинулась на японцев. При переправе через небольшую реку танк Махнева с мостками свалился в реку. Его сумели вытащить из воды, но самостоятельно двигаться он не мог. Ждать его тоже никто не мог. Так его танк и занял оборону у злополучного мостика. Танкисты вырыли окопчик под танком и оттуда вели бой с подошедшими японцами. За смекалку и за то, что они обеспечили спокойную переправу, остальным частям Махнев А.А. был представлен к ордену Красного Знамени.

Война с японцами заняла мало времени. Японская армия была хорошо дисциплинированной, но слабо вооруженной.

Однажды был подбит один русский танк и не мог следовать со своей бригадой. Японцы захотели его взорвать. Они обвязывались гранатами, влезали на танк и взрывали себя. Человек – на кусочки, а танку ничего. Махнев А.В. – обладатель двух медалей «За боевые заслуги».

После войны он по приказу еще 15 лет служил в танковых войсках, стал мастером по вождению и эксплуатации танков, обучал этому других. Уволился из армии в звании майора запаса. Война оставила в его жизни тяжелый нестираемый след.

В наше время это бойкий, веселый, невысокого роста старичок, полный оптимизма, жизнерадостный. Ему 92 года, а он еще ходит на лыжах. Он уверен в том, что жизнь свою прожил не напрасно. Да и верно, кроме долгой и честной службы в армии он вырастил сына и 2 дочерей, всегда приходил к жене – учительнице в школе для бесед с молодежью, рассказывал

не только о войне, своей службе, но и о их семейной любви и дружбе, начавшихся еще в далеком довоенном 1938 году. Александр Васильевич пишет стихи, разводит пчел, работает в Совете ветеранов Антелевской волости.

После переезда в п. Лукаши вот уже несколько лет он постоянный и почетный гость Лукашевской школы.

ИВАНОВ

Илья,

16 лет, г. Гатчина

ЧТОБ МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ...

Великая Отечественная война принесла много страданий и лишений. Наш народ героически сражался с захватчиком и отстоял свою землю.

Мой прадедущка, **Гнеушев Михаил Иванович**, ушел на фронт с первых дней войны, прошел всю войну. Дома осталась жена с четырьмя маленькими детьми. Прабабушка рассказывала маме, что получала письма – треугольные листочки. В письмах – тяжелые будни войны. В конце войны прабабушке пришло страшное сообщение о том, что ее муж героически погиб. Дошел до Восточной Пруссии, пал смертью храбрых за несколько дней до Победы.

К великому сожалению, все документы и письма украдены. Мы знаем только, что мой прадед похоронен в братской могиле в Восточной Пруссии.

Другой прадедущка – **Лучин Тихон Васильевич** – тоже был на фронте. В одном из боев он спас жизнь своему соседу из деревни. Представляю, как тяжело было прабабушке с маленькими детьми. В самом начале войны родилась бабушка. В это время деревню оккупировали немцы и поселились в их домах, выгнав хозяев на улицу. Прабабушка с грудным ребенком вынуждена бала жить в подвале. Немцы заставляли ее готовить, стирать и за каждое неповиновение били. Тяжело и страшно пришлось жителям деревни. Фашисты ходили по деревне и, если находили мужчин, тут же расстреливали. Прабабушка

всю жизнь помнила эти страшные дни. К счастью, она смогла уберечь детей и дожждаться с войны мужа. В мирное время Тихон Васильевич стал председателем колхоза.

Я очень сожалею, что мало знаю, как трудно пришлось моим родным в годы войны. Прадедушка и прабабушка умерли, их уже ни о чем не расспросишь. Мы должны знать больше о войне и помнить, что все, кого коснулась война, отдали жизнь за нашу счастливую жизнь. Жаль, что очевидцев этих страшных событий становится совсем мало.

ИВАНОВА

Маргарита,

13 лет, г. Гатчина

ПЕРВЫЙ БОЙ

Моей бабушке **Анне Михайловне** было 13 лет, когда началась война. Её отца забрали на фронт, и он погиб в первые же дни войны. Когда её брату исполнилось 18 лет, он тоже ушёл защищать нашу Родину и погиб в первом же бою. Дома остались женщины, старики и дети. На их хрупкие плечи легла вся тяжёлая работа.

Все мужчины на фронте или погибли, женщины — на заводах, в полях. Подростки — на лесозаготовках.

Невыносимо тяжёлый труд. По словам прабабушки, человека, укравшего с поля хоть один колосок, сажали в тюрьму. То же произошло и с девочкой, которая опоздала на работу на лесозаготовках.

Там, где жила бабушка, было много эвакуированных людей из разных городов. Покидая родные дома, люди не знали, что их ждёт дальше, вернутся ли обратно, встретятся ли со своими близкими... Но они верили в нашу Победу!

КИСЛИЦЫН

Игорь,

14 лет, г. Гатчина

ВОСПОМИНАНИЯ СОСЕДКИ

«Эта память, верьте, люди, всей земле нужна. Если мы войну забудем, вновь придёт война».

В моей семье никого не осталось в живых, кто участвовал в Великой Отечественной войне, но кое-что мне рассказала соседка моей прабабушки. «Когда осенью 1941 пришли немцы, она помнила хорошо. Тогда ей было семь лет. Они жили в селе Туак Крымской ресублики». Она приготовила тетрадь, ручки, потому что должна идти в школу, но уже была война. Помнит, что немцы сразу взяли вилы и тыкали сено, искали спрятавшихся. Было очень страшно, так как говорили, что немцы убивают мирных жителей. Все в оккупации работали, выращивали табак, и дети 11–12 лет сидели и складывали табак в ящики, жители по секрету кормили их. В их доме была стенка, за которой дядя, чтобы дети не видели, прятал людей из партизанского отряда. Помнит: стоявшие в селе румыны ходили по домам и просили пищу, они продавали за еду своё мыло.

На какое-то время мать и дочь потеряли друг друга. И для всей семьи был большой праздник, когда они вновь соединились.

КЛЮКВИН

Дмитрий,

16 лет, г. Гатчина

ТРЕБОВАЛАСЬ ДИСЦИПЛИНА

Когда началась война, моей прабабушке было 22 года, а её дочке, т.е. моей бабушке, 2 года. Их, как и многих других людей, угнали в Германию — работать на немцев.

Прабабушка Тася рассказывала много историй о войне, но одна из них мне запомнилась больше всего. Это история о её брате – Саше.

Саша работал на самолёте, доставляя еду на фронт. Однажды, пролетая очередной раз мимо какой-то деревни, он сбросил изголодавшимся людям коробку со сливочным маслом, не доставив её до фронта. За это он попал под военный трибунал и по законам военного времени его расстреляли наши же солдаты.

Сейчас трудно понять, что человеческая жизнь стоит коробки сливочного масла, но тогда было другое дело – всё было для фронта, для солдат, для Победы. От всех требовалась дисциплина.

Мою прабабушку Победа застала в Германии. Она вместе с остальными заложниками немцев пешком шла на Родину. Прабабушка Тася и сейчас жива, ей 91 год.

КОНЕВА

Ксения,

16 лет, г. Гатчина

РАБОТА В ТЫЛУ

Моя бабушка – **Мария Львовна**, 1923г. рождения,- в годы войны сначала жила вместе с мамой в блокадном Ленинграде. Она не любила об этом рассказывать. Видимо, слишком тяжелыми были для нее эти воспоминания. Ее мама работала на заводе, а бабушка закончила курсы радисток и ушла на фронт.

Часть, в которой служила бабушка, располагалась на Пулковских высотах. Несмотря на разрывы бомб, они поддерживали связь между воинскими подразделениями. Девчонкам – по восемнадцать-двадцать лет.

Мамины родители во время войны были маленькими. Им повезло: фашисты не оккупировали их деревню. О войне напоминали редкие бомбежки, плотно закрытые окна в домах, эвакуированные блокадники.

Дедушка, несмотря на юный возраст, работал в колхозе.

Правда, заработанные трудовни записывали его маме. Нелегко им пришлось. Изнурительный труд летом на поле, голод... Зимой женщины вязали варежки, делали ватные носки, кисеты из разной ткани. Все для фронта!

Каждый человек, живший в то время, вложил все свои силы в Победу.

КОРОБОВА

Ирина,

15 лет, г. Гатчина

СТРЕМЛЕНИЕ К ЖИЗНИ

Великая Отечественная война принесла большое горе в русские земли. В течение четырёх лет россияне испытывали на себе очень страшные муки – множество людей погибло, ещё больше осталось без родных и близких. В захваченных городах царил жестокий режим, людей, не согласных с правилами, немцы расстреливали или отправляли в концлагеря. Многие деревни и города были сожжены. Фактически, каждый выживший или погибший россиянин, на мой взгляд, уже является героем, так как ему пришлось пережить ужасы войны, видеть, как умирают люди, испытывать страх за себя, за свою семью и за будущее своего народа. Война оставила свой след в сердце каждого россиянина, её будут помнить ещё много лет, а имена людей, погибших в эти годы, навсегда останутся в истории нашей страны.

Война не обошла стороной и моих предков. Родители моих дедушек и бабушек воевали и пережили войну, но мне и моим родственникам известно не так много об их подвигах. Я бы хотела рассказать про семью моего любимого дедушки. **Смирнов Андрей Петрович**, защищая своих однополчан и свою родину в битве с врагами, сгорел в танке. А мама дедушки, Смирнова Нина Васильевна, как верная и отважная женщина, находясь в тылу, оберегала своих детей и сохраняла дом.

Мой любимый дедушка **Смирнов Виктор Андреевич** родился как раз в начале войны в 1941 году. Сейчас ему уже 69 лет. Живёт он в городе Кингисепп. Он очень позитивный человек.

Ему никогда не бывает грустно. Он вспоминает о том времени, рассказывает только хорошие истории. Когда же немцы вошли к ним в дом, один из них посадил моего дедулю на колени, сыграл на гармошке песню и протянул ему очень вкусные конфеты и банку тушёнки. Дедушка потом говорил, что никогда в жизни больше не ел такие вкусные конфеты. Вспоминает слова немцев (которые потом передала ему мама), что «они никогда в жизни не хотели бы стрелять в людей, но их заставляли».

Мне кажется, что про человека, прошедшего войну, будь то солдат, воюющий на фронтах, или командир, отдающий приказы в тылу, или отчаянный партизан, или мать, которой нужно спасти своих детей от врагов, или про тех же маленьких детей, про каждого из них можно написать целую книгу. У кого-то эта книга была бы наполнена рассказами о боевых действиях и глобальных сражениях. У других это будет история о нелёгкой жизни в городах, захваченных фашистами, у некоторых это будет история о партизанском героизме. Но всех героев этих историй объединяло бы одно — стремление к жизни, свободе народа и их детей и внуков!

КРАСНОВА

Яна

Игоревна,

студентка, д. Миньы

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ И СЛАВЫ

*«Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..»*

Д. Самойлов.

Началось долгожданное лето... И я отправилась, как и всегда, в деревню к бабушке. Небольшой домик на берегу реки Ордеж, поля и луга вокруг... Благодать... Многие бы пожелали насладиться живописными местами, но посчастливилось только мне... Малые Слудицы... Когда я приехала, меня уже ждала бабушка. После недолгих приветствий мы прошли в дом. Тёплым летним вечером за чашкой горячего чая бабушка вспомнила свою молодость. И решила рассказать историю своего одноклассника, **Саши Бородулина**.

Саша родился в Ленинграде. С 1936 года до начала войны жил на станции Новинка. Здесь он учился в школе, здесь вступил в комсомол. Вы спросите, как же моя бабушка и Александр могли учиться в одном классе?! Моя бабушка провела всё детство и юность в деревне Озерешно, а неподалёку деревня Новинка. Саша в школе увлекался спортом и военным делом. За отличную стрельбу его наградили значком «Ворошиловский стрелок».

Началась война, и уже в августе пятнадцатилетний Саша Бородулин просится в партизанский отряд, но ему поручают вести наблюдение за движением фашистских войск. Вскоре он организовал группу из числа своих товарищей для более активной борьбы с врагом. Ребята собирали оружие и прятали его в тайниках. Однажды во время такого налёта он убил немецкого мотоциклиста. Важные документы обнаруженные при нём, были переданы в лес партизанам. Вскоре по доносу предателя Саша был арестован. Его дважды водили на допрос, грозили расстрелом, но он сумел бежать и найти дорогу в партизанский отряд. С первых дней в отряде Саша собирал ценные сведения о численности врагов, расположении пулеметных точек.

21 сентября 1941 года юный партизан разведкал расположение вражеского гарнизона на станции Чёлово, побывал в его штабе. Точные материалы разведки дали возможность отряду полностью уничтожить вражеский гарнизон. В боевой операции Саша уничтожил до десятка фашистов. За смелость и мужество, проявленные в бою, Александр Бородулин в декабре 1941 года был награжден орденом Красного Знамени.

В начале июня 1942 года во время партизанского налета на станцию Чёлово юный разведчик шел в первых рядах. Гитлеровцы неотступно преследовали отряд. В непрерывных боях погибло много партизан, закончились боеприпасы. Тогда было решено выставить заслон и уходить на восток. Только такой шаг мог спасти обессиливший отряд. Саша знал, что в отряде существует неписанный закон — добровольцам не отказывают — и спокойно вышел вперед. Полтора часа Саша сдерживал натиск фашистов. Немцы окружали его. Ещё можно было уйти, но Саша знал: надо как можно дольше задержать противника и дать отряду уйти. Юный партизан стрелял до тех пор, пока не закончились патроны. Последней гранатой Саша подорвал себя и немцев.

Саша Бородулин 28 июня 1942 года героически погиб в этом бою. Он был похоронен на месте гибели, а в июне 1944, после освобождения Новинки был перезахоронен в посёлке Оредеж Лужского района. Именем Саши Бородулина названа улица в посёлке Новинка и теплоход Мурманского теплоходства, а также юный герой был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Священная память о павших... Но как мало мы знаем о людях, сражавшихся с фашистами и павших в борьбе за свободу и независимость нашей родины. Знаем ли мы, помним ли мы о тех, кто жил на нашей земле и кого убила фашистская пуля?

Имена... Имена... Имена... Все молодые, талантливые, жадные до жизни, преданные Родине. Ведь что ни фамилия — то молодая, оборванная войной жизнь. Мой рассказ о нашем земляке Саше Бородулине — чтобы о нем знали, помнили на века. Он погиб смертью храбрых на фронте. Но жизнь его продолжается в его биографии, ставшей близкой.

*«А эти утвержденья лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы...»*

К.Я. Ваншенкин.

КРАСНОПЕРОВА

Юлия,

12 лет, г. Гатчина

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПРАДЕД

Мой прадед, **Степан Васильевич Потапов**, родился в 1909 году в городе Далматове Курганской области. Когда началась война, ему было 32 года, на фронт его призвали в 1942 году. Дома он оставил жену и двоих детей.

Прадед служил в сухопутных войсках и прошел от Москвы до Берлина. Два раза был тяжело ранен. После войны он лежал в Московском госпитале, а в 1946 году вернулся на родину, к семье.

Прадед был награжден орденом Боевого Красного знамени и двумя медалями «За боевые заслуги».

В 1948 году Степан Васильевич умер от ранений и был похоронен в родном городе Далматове.

КРЫЛОВ

Николай,

4 класс, п. Вырица

Мой прадедуська **Тихон Хрюмкин** ушел на войну в июне 1941 года из села Усть-Уза Пензенской области. Он воевал с фашистами за свободу России и СССР. Прадедуська прошел с Советской Армией половину России и Европы.

Когда бабушка была еще ребенком, он часто рассказывал ей о войне. Рассказывал, как тяжело и страшно было солдатам, особенно во время бомбежек вражеских самолетов, и как важно было побороть этот страх и идти в бой, потому что Родине

нужна защита. Прадедущка рассказывал, что война — это не только героизм, это кровь, слезы и горе. Он мечтал о мирном времени. Но, чтобы наступил мир, Советской Армии предстояло пройти много сражений.

На войне прадедущка был два раза ранен, у него есть боевые награды. Окончание войны он встретил в Риге в звании старшего сержанта. После войны прадедущка еще два года служил в армии в Баку.

Когда я родился, прадедущки уже не было в живых. Я знаю о нем только по рассказам бабушки. Она часто вспоминает, как после войны он посадил в нашем дворе березу. Она была для него символом мирной жизни. Эта береза растет и сейчас. Бабушка часто смотрит на нее и вспоминает о своем отце — моем прадедущке.

КУЗОВКИНА

Екатерина,

14 лет, г. Гатчина

ТЯЖЁЛЫЕ ГОДЫ

Родионович участвовал в Великой Отечественной войне. И бабушка мне рассказала, как трудно пришлось в те тяжёлые годы. Солдаты мужественно воевали, не зная отдыха. Жил и тыл: чтобы бить фашистов, нужны патроны и снаряды, истребители и бомбардировщики, танки и зенитки. Россия «ковала победу» общими усилиями всего народа. Вместо ушедших на фронт мужчин к станкам встали их престарелые отцы и матери, жёны и малые дети.

Дедушка рассказывал, что им, подросткам, не достающим до станка, делали специальные подставки, и никаких поблажек — восемнадцать часов у станка, а то и все двадцать. Спали тут же, в цеху, чтобы не тратить время на дорогу домой и обратно. Дед вспоминал, как их завод эвакуировали на Урал: станки поставили прямо на открытом месте под навесы и сразу начали выпускать снаряды. А стены возводили позже.

Наше поколение мало задумывается о прошлом, о великой и страшной войне, которую не просто пережили, а героически выстояли наши солдаты.

КУЛЬКОВА

Антонина

Евгеньевна,

*заведующая Дружногорской
поселковой библиотекой*

РАССКАЗ ОБ ИНТЕРЕСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ — О ХМЕЛЬНИЦКОЙ ЕВГЕНИИ ЛЬВОВНЕ

Хмельницкая
Евгения Львовна.
Фото 1941 г.

Родилась 12 июля 1922 года на Украине. Через несколько месяцев семья переехала в Москву. Отец, Магидин Лев Петрович, работал в Наркомате начальником планово-экономического отдела. Мать, Магидина Софья Борисовна, работала в аптеке.

Отца переводили работать в Забайкалье, в Хабаровск, затем опять в Москву. Десятый класс закончила перед самой войной. Впереди целая жизнь, море мечтаний и планов. Всё оборвалось в одно мгновение. «Война!». Первое желание: вместе с классом уйти на фронт. Но решение семьи: «Будешь поступать учиться дальше!» И она поступает учиться в МИФЛИ на юриста.

На своём курсе была комсоргом. Вместе со студентами дежурили на крышах, сбрасывали зажигалки. Экстерном сдаёт экзамены за два курса института. Уходит в академический отпуск, решает доучиваться после войны. Боль страны стала и её болью. Она хотела быть полезной своему народу, сво-

ей стране в эти тяжёлые годы. Поэтому поступает на курсы операционных сестёр, но на первой же практике теряет сознание и из-за этого ей приходится уйти. В это время отца переводят работать в Пензу, затем в Переславль-Залесский, у него была бронь. Не говоря родителям, Женя подаёт всё-таки заявление на фронт. Её направляют на Ленинградский фронт. Попадает она в зенитно-артиллерийский полк № 189, и начинается новый этап её жизни. Телефонист, командир радиосвязи, комсорг, главный редактор полковой газеты, руководитель самодеятельности и даже заведующая передвижной библиотекой – всё это мог совместить человек сильной воли, грамотный, интеллектуальный. О своих фронтовых друзьях вспоминает с нежностью и любовью. «Особенно мне повезло с командирами. Они были удивительно грамотными, умными и порядочными людьми» – вспоминает Евгения Львовна. Всю войну она была на Ленинградском фронте. Во время прорыва блокады была ранена и попала в госпиталь. Затем возвращается на фронт и попадает в зенитный полк № 522. День Победы встретила на Ленинградском фронте. Имеет боевые награды. Долго её не демобилизовали, предлагали остаться на партийной работе, но хотелось продолжить образование и быть гражданским человеком. Наконец вернулась в Москву и поступила в институт, стала изучать иностранные языки. Вскоре встретила директора школы, которую окончила перед войной, и она предложила Евгении работать у них преподавателем немецкого языка и старшей пионервожатой. Вскоре вышла замуж за Хмельницкого Александра Яковлевича, он был человеком военным, и ей пришлось следовать за ним по местам службы. Когда Александр Яковлевич ушёл в отставку, семья переезжает в Дружную Горку по приглашению отца Евгении Львовны, который работал на стекольном заводе. Приехав в посёлок, она устраивается работать в детский сад и до пенсии работает там. Евгения Львовна имеет двоих детей. Сына, Михаила Александровича, который окончил физико-математическую кафедру педагогического института и в настоящее время проживает с семьёй в Америке. Дочь, Регина Александровна, по образованию музыкант, окончила Консерваторию им. Н.А. Римского-Корсакова и институт

культуры, живёт в Петербурге. У Евгении Львовны – 5 внуков и 2 правнука. Эта удивительная женщина давно вдова и родные живут не рядом, она уже несколько лет не выходит из дома, но при этом ведёт активный образ жизни: много читает, учит наизусть полюбившиеся стихи, ведёт дневник интересных высказываний, пишет воспоминания и стихи, вышивает, ведёт переписку с друзьями. Вокруг неё всегда есть люди, которые интересны ей, а она им. Такой женщиной нельзя не восхищаться и не брать с неё пример.

*«Память, ты слабее год от года,
Ты ли это или кто другой?
Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой»,*

– заканчивает Евгения Львовна рассказ о себе строками из стихотворения Николая Гумилёва.

КУЧЕНКОВА

Лидия,

16 лет, г. Гатчина

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ

В моей семье рассказывать о войне не любят. Мы – молодое поколение и знаем о ней мало, а ведь с каждым годом очевидцев тех страшных событий становится всё меньше и меньше, живут они скромно, часто незаслуженно забытые, иногда и обиженные. Моей семьи, как и всех других, коснулась та страшная война.

Была и отвага, и доблесть – мой прадед воевал на фронте, участвовал в самых кровопролитных боях под Брянском. До Берлина не дошёл, был ранен в Польше и комиссован в тыл. Он с самых первых дней верил в Победу и всегда говорил: «Немцы дойдут до Брянских лесов, и все, дальше не пройдут, Москву немец не возьмет». Так и получилось.

Но также тяжело пришлось и тем, кто не воевал — моим дедушке и бабушке. «Один раз вышла на улицу, дело было осенью 41-го, и вдруг вижу, как какой-то один мотоцикл едет, два человека в чужой форме сидят на нем. Это пришли немцы. И с тех пор в деревне начался ужас... Однажды всех людей согнали на главной площади, фашисты выстраивали детей отдельно, взрослых отдельно. От ужаса никто не плакал, мы четко усвоили урок: заплачешь — расстреляют. Так на наших глазах убили маленькую девочку, которая кричала без остановки. Немец вывел ее из шеренги, чтобы все видели, и пристрелил. Все поняли без переводчика — плакать нельзя. Подростков отобрали, сформировали огромный обоз для отправки в Германию. Среди них была и я. Помню, как днём нас везли, а ночью, когда фрицы засыпали, мы, дети, разворачивали лошадей и ехали назад, к дому. Поэтому нас так и не успели никуда переправить», — вспоминала моя бабушка, которой во время войны было всего 9 лет.

Можем ли мы сейчас, сытые и довольные, избалованные дети, даже представить, что просто бывает так, что нечего есть? Мы могли бы есть лебеду? Прошлогодняя замороженная картошка считалась в то время просто деликатесом. А ведь ещё бомбёжки и холод...

Бабушка рассказывала такой случай: у них в соседнем доме жила солдатка с тремя малолетними детьми. Деревня была оккупирована и разграблена немцами. Жители голодали. Стужа зимой стояла лютая, немцам тоже приходилось несладко. И вот в избу к этой женщине вваливается огромный фриц и протягивает ей свёрток с морожеными яблоками, — «Сеъагтштег, чуагтеп» («Матка, погрей»), — говорит. Хозяйка подумала, что это её угощают и отвечает: «Спасибо, пан, я и не гретье скушаю». Немец за пистолет. Хорошо, что женщина не растерялась, отодвинула занавеску, а с печки смотрят три пары голодных глаз. Фриц забрал свои яблоки и ушёл, а могли бы дети остаться сиротами...

Во время Великой Отечественной войны мой дедушка с семьёй тоже жил под Брянском... Когда началась война, ему не было 14 лет, и в Советскую армию его не призвали по возрасту, хотя он рвался на фронт защищать Родину. Его тоже

депортировали в Германию, но довели только до Белоруссии. Там эшелон попал под бомбёжку, и деду с другом удалось бежать. Была зима, друга тяжело ранило осколком, и прожил он недолго, так что пришлось дедушке одному, без еды, воды, в рваной одежде добираться до родной деревни.

Откуда в них, совсем ещё детях, эта отвага, это понятие патриотизма, родного дома, сила и недетское мужество?.. А мы бы, сегодняшние, смогли?.. Мы бы выстояли? Я часто думаю об этом и очень жалею, что мало расспрашивала у бабушки о войне. Дедушку своего я не знала, он рано умер, я тогда ещё не родилась.

Они сражались и победили, чтобы жили мы. Как бы далеко ни ушло время, какие бы перемены ни произошли, их подвиг никогда не померкнет, будет жить вечно.

ЛАРИОНОВА

Дарья,

3 класс, д. Мины

...Великая Отечественная война 1941–1945 годов — самая суровая война. Мы всегда будем помнить тех, кого уже нет с нами и поздравлять выживших в той войне.

Мой прадедушка воевал, но моему папе он ничего не рассказывал, потому что ему было тяжело вспоминать ту ужасную войну.

Я бы хотела рассказать, что я знаю о блокаде Ленинграда. Она длилась 900 дней. На город были сброшены тысячи авиабомб и снарядов. В городе не было тепла, света, воды, хлеба и других продуктов. Тысячи человек умерли от обстрелов, голода и болезни.

Город Ленинград получил звание героя.

Я хочу пожелать всем ветеранам крепкого здоровья. И низкий поклон им за нашу жизнь!

МАЕВСКАЯ
Анастасия,
14 лет, г. Гатчина

В моей семье воевал мой дед – **Лучком Алексей Евлампиевич**, который подделал себе документы, добавил себе годы и поступил в январе 1942 года в Тамбовское артиллерийское училище. В августе 1942 года он окончил училище и ушел на фронт. Мой дед прошел всю войну и закончил ее в 1945 году в Праге. Он был артиллеристом, был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны и многими медалями. А мой прадед Лучко Евлампий Алексеевич был батальонным комиссаром. Он ушел с первых дней на фронт, прошел почти всю войну и погиб в 1945 г. в Белоруссии. В моей семье сохранились медали, ордена, фотографии моих дедушки и прадедушки. Я горжусь своими дедом и прадедом и помню о них.

МАКСИМОВА
Вероника,
6 класс, г. Гатчина

В НАШИХ СЕРДЦАХ

Тяжёлым испытанием для всего русского народа стала Великая Отечественная война. В военные годы погибло более 20 миллионов советских граждан.

Война оставила отпечаток на каждой семье. В нашей семье воевал отец моей бабушки. Он жил в станице Новодеревянское Краснодарского края. Вместе с прадедом на фронт ушли более двух тысяч его земляков. В первых же сражениях мой прадед был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. После лечения он вернулся в столицу. Ранения были очень тяжёлыми и сильно подорвали его здоровье. Прадедушка с большим трудом передвигался и не мог самостоятельно надеть обувь, но, несмотря на это, в 1942 году его вновь забрали на фронт.

Моя бабушка рассказывала мне, что она, хоть и была очень мала, хорошо запомнила, как забирали на войну её отца, как сильно она кричала, плакала и, чтобы успокоить, её привязали к скамейке.

Через некоторое время пришла телеграмма, что **Василий Корбан** – прадед, пропал без вести. Последние известия о нём были из Ростова-на-Дону. Прабабушка пыталась самостоятельно найти его, но никаких сведений о муже так и не обнаружила. Лишь через много лет, после окончания войны, специальная поисковая группа нашла останки моего прадеда и восстановили историю его гибели. В 1942 году он попал в плен и был отправлен в концлагерь. Так как он был очень болен и не мог работать, его расстреляли.

В 1991 году останки моего прадеда перезахоронены в станице Новодеревянское, здесь же погребены тела ещё 715 станичников, которые погибли в Великой Отечественной войне.

Память о них будет жить в наших сердцах и об их подвигах мы будем с гордостью рассказывать детям!!

МАРУЩАК
Екатерина,
12 лет, г. Гатчина

Пеньков
Михаил Иванович

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ПЕНЬКОВ

В этом году вся Россия будет праздновать 65-летие победы в Великой Отечественной войне. В годы войны все советские люди поднялись на борьбу с врагом. Из семьи моего дедушки – Виктора Ивановича Пенькова, ушли на фронт три брата: Николай воевал на подводной лодке, Михаил был лётчиком, а Борис – танкистом. Я хочу рассказать о Михаиле.

Михаил учился в 1-й школе городе Миллерово. Он был хорошим, дисциплинированным учеником, активным пионером и комсомольцем, увлекался спортом, шахматами, авиамоделизмом, фотоделом, писал стихи. Но больше всего любил авиацию. Стать лётчиком было его заветной мечтой. По путёвке комсомола Михаил поступил в лётное военное училище. Закончил его уже во время войны и тут же был отправлен на фронт. Он летал на штурмовку, бомбил немецкие склады боеприпасов и горючего, танковые колонны, скопление живой силы и техники врага. 150 боевых вылетов сделал Михаил. Он громил фашистов на Смоленщине и Украине, в Белоруссии и Польше. Друзья любили Михаила и гордились им. Из части родителям писали: «От его бомбовых ударов нашла себе могилу на нашей земле не одна сотня гитлеровцев. Он много уничтожил техники врага. Миша не знает усталости в работе. Он не только лучший лётчик, но и лучший агитатор комсомольской организации, весельчак и затейник. Мы благодарим Вас за воспитание такого сына».

5 октября 1944 года Михаил вылетел штурмовать скопище танков и артиллерии врага. Был густой туман, но точными бомбовыми ударами цель поразили. А когда возвращались, на них набросились фашистские истребители. Завязался воздушный бой, самолёт Михаила был сбит.

Похоронен Михаил на русском кладбище в городе Седльце, близ Варшавы. Польские школьники ухаживают за могилой и проводят у памятника торжественные линейки.

В родном городе Миллерово на аллее Славы стоит памятник Михаилу. В школе города висит портрет Михаила. На груди молодого лейтенанта два ордена: Боевого Красного Знамени и орден Красной Звезды.

Посмертно Михаилу Пенькову присвоено звание Героя Советского Союза.

МАШКИН

Анатолий,

4 класс. п. Вырица

Моего дедушку звали **Геннадий Дмитриевич Степанов**.

Когда началась Великая Отечественная война, ему было только пять лет. Жил он вместе с мачехой, двумя старшими сестрами Ниной и Таней. Сестер и мачеху немцы гоняли на работу, а дедушка оставался дома один. Он был очень слаб от голода и плохо ходил. Сестры возили его на санках в поисках еды. Однажды им встретился пьяный полицейский. Полицейский — это русский человек, предатель, который

служил фашистам.

Полицейский навел на детей автомат и сказал, показывая на самого маленького: «Давайте я его застрелю, чтобы не мучился». Дети очень испугались, а полицейский рассмеялся и ушел. После этого случая сестры не брали братишку на улицу.

Во время Второй мировой войны погибло очень много детей. Они умирали от голода и холода в блокадном Ленинграде и в страшных лагерях смерти. Мой дедушка выжил в эти страшные годы, а если бы он погиб, меня бы тоже не было на свете.

Дед прожил трудовую жизнь, окончил Педагогический институт им.А.И.Герцена. Был членом коммунистической партии, имеет медаль «Ветеран труда». Я им очень горжусь!

МИХАЙЛЕНКО

Юля,

12 лет, г. Гатчина

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Мой прадед, **Недземенко Пётр Филиппович**, родился 15 августа 1924 года на Украине, в Винницкой области, Чечельницком районе, в селе Куринёвка.

Он рано потерял родителей и остался со своей старшей сестрой. Когда соседи определили их в детский дом, прадедуске было 5 лет, а его сестре Христе было 12. Детский дом, по достижении возраста, отправил его учиться в Ленинградское военное училище.

По окончании училища мой прадедуска получил звание младшего лейтенанта и политуком ушёл на фронт. Воевал он на втором Белорусском фронте. Восьмого мая 1943 года у него родился сын, мой дед — Недземенко Владимир Петрович.

Дальнейшее развитие событий я не знаю, знаю только, что прадед закончил войну в звании старшего лейтенанта, в Венгрии получил контузию от разорвавшегося рядом снаряда. На сегодняшний день ни деда, ни прадеда уже нет в живых.

О жизни Петра Филипповича в военные годы мне рассказала моя мама.

МИХАЙЛОВА

Елизавета,

11 класс, п. Дивенский

МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ ПАМЯТИ

Прошло уже 65 лет после окончания Великой Отечественной войны. Мы узнаем о ней из рассказов наших ветеранов, из воспоминаний бабушек

и дедушек, которых с каждым днем становится все меньше и меньше. Еще мы смотрим кино, читаем книги, в которых описываются события тех лет. А еще, мы живем в Петербурге, в Ленинграде. Это город, подвиг которого вызывает восхищение, боль, гордость. Я где-то услышала фразу, что у ленинградцев, а, следовательно, и у петербуржцев отношение к войне особое, на генетическом уровне. Это действительно так.

Наверное, в первый раз я услышала о войне, о блокаде, когда мне было еще очень мало лет. Мама 9 мая привела меня на Пискаревское кладбище. Я видела слезы людей, суровые лица и у меня практически не возникало вопросов «почему, зачем?»... Мама только тихо, шепотом, короткими фразами указывала мне: «Смотри, здесь похоронены ленинградцы, погибшие от голода и бомбежек в 41, 42, 43 годах». И мне было понятно абсолютно все на тот момент. Позже я узнала, что в России нет ни одной семьи, которой не коснулась бы война, в которой хоть один человек не погиб в боях, от голода, от бомбежек.

Свой вклад в дело Победы внес абсолютно каждый гражданин нашей огромной страны, начиная с мальчишки, который, стоя на ящике, чтобы хватило роста, делал снаряды или бегал в разведку для партизанского отряда, и, заканчивая генералом и маршалом, благодаря уму, таланту, знаниям, которых Советская армия смогла одержать Великую Победу.

Безусловно, лишения, страдания, тяготы выпали на долю всего народа, но особо хочется сказать о подвиге простого солдата, который замерзал в окопах, горел в танках, недоедал, болел, страдал от ран, но все равно шел вперед. И поддержать его и дать силы для дальнейшей борьбы могли только мысли о далеком доме, о семье, а может, желание отомстить за сожженную деревню, разрушенный дом...

Наверное, с уверенностью можно сказать, что эту войну мы выиграли именно благодаря простому СОВЕТСКОМУ солдату. Не русскому, а именно советскому, потому что бок о бок с русскими солдатами воевали грузины, армяне, таджики, латыши, литовцы, украинцы...

Сколько их, безвестных солдат, до сих пор считается пропавшими без вести! И в скольких домах, в тысячах городов, деревень, кишлаков, аулов, хуторов люди с трепетом хранят

пожелтевшие фотокарточки, с которых им улыбаются не вернувшиеся с войны деды, сыновья, мужья, отцы. И люди до сих пор надеются на чудо, пытаются найти их и ждут. И понимая, что увидеть живыми этих людей надежды остается все меньше и меньше, мечтают отыскать хотя бы их могилы, чтобы приехать, почтить их память, рассказать внукам и правнукам о людях, благодаря которым мы живем, радуемся новому дню, смеемся и плачем, дружим и любим. Ведь правильно говорят, что человек жив, пока жива память о нем.

Но, к великому сожалению и к стыду, в нашей стране до сих пор считаются пропавшими без вести более 2,5 миллионов солдат. И, слава Богу, что находятся люди, которым не безразлична память героев. Их совесть не позволяет им жить спокойно, а заставляет их идти в леса, в поля, на болота, на места бывших сражений и отыскивать останки погибших солдат, по возможности устанавливая их имена, искать родственников, а потом, с почестями придать земле. Я, к сожалению, не помню автора высказывания, которое кажется мне очень точным и правильным: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат».

Невыносимо осознавать, и сердце разрывается от боли, когда представляешь какое огромное количество замечательных, таких разных, смелых сыновей нашей Родины остаются лежать ненайденными в сырой земле, никто не приходит к ним на могилу, никто не может принести им даже букетик полевых цветов, а ведь они погибли за нас. Очень жаль, что работа по поиску неизвестных солдат ведется практически только энтузиастами. Очень здорово, что эту работу ведут, в основном, молодые парни и девушки. Это говорит о том, что молодому поколению небезразлична героическая история Великой страны, в которой им выдалось родиться. Еще это говорит о возрождающемся патриотизме и о широкой душе этих людей.

Хочется надеяться и верить, что в ближайшем будущем на территории нашей страны не останется ни одного неухоженного памятника, ни одного забытого бойца той страшной войны, память о которой навсегда останется в наших сердцах.

МИШИН

Иван,

12 лет, г. Гатчина

*«Забыть тот горький год неблизкий
Мы никогда бы не смогли.
По всей России обелиски,
Как души, рвутся из земли»*

Римма Казакова

В наступившем 2010 году в нашей стране будут отмечать шестьдесят пятую годовщину со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Все дальше мы от той памятной даты. Все меньше становится людей, прошедших войну, которые трудились в тылу для победы, которые могут нам рассказать о войне из первых уст. Тем важнее для нас постараться больше узнать о том страшном времени, узнать об истории своего народа.

Нет в нашей стране семьи, которой бы не коснулась Великая Отечественная война. И наша семья не исключение. У меня на войне воевал мой прадед **Мишин Дмитрий Семенович**. Он был командиром партизанского отряда в Брянской области. В 1943 году его отряд пустил под откос восемь эшелонов с фашистскими танками близ станции Навля. Прадедуська был награжден 8 боевыми орденами и медалями. В июне 1941 года Дмитрия Семеновича смертельно ранил немецкий пулеметчик. Он скончался от потери крови. Прабабушка Мишина Марфа Федоровна осталась с пятью детьми в партизанском лагере. В лесах часто проводили карательные операции. Трудно приходилось нашим партизанам. Дедушка мой, Мишин Анатолий Дмитриевич, был самым маленьким у Марфы Федоровны. Он чудом остался жив! Первый раз – они с прабабушкой горели в сарае, подожженным карателями, их освободили партизаны. Второй раз – немцы устроили прочесывание леса, дедушка отстал от партизан, ему было 6 лет, и на него упала убитая корова, тем самым спасла ему жизнь, так как немцы прошли мимо. Погибло много близких людей. Дедушку нашли вечером, Марфа Федоровна выжила со своими детьми и прожила долго в деревне Колхозники много

трудилась, чтобы вырастить своих детей.

Хочется сделать все, чтобы эта трагедия никогда не повторилась. Мы, по примеру старших, должны любить нашу страну, хорошо учиться, не бояться трудностей и помогать ветеранам. Пусть жизнь каждого на этой Земле будет долгой и счастливой!

МОЛОДЦОВ

Максим,

12 лет, г. Гатчина

ДЕД-ГЕРОЙ

Мой прадедуська **Чегаев Александр Дмитриевич** в 16 лет ушёл на фронт воевать с врагами нашей Родины. Свой нелёгкий путь начал под Сталинградом, освобождал Украину, Белоруссию, дошёл до Берлина. Был дважды ранен, но оставался служить в Советской Армии. Вернулся домой в Сталинграда (Волгоград) в 1945 году. Участвовал в военных парадах на Красной площади в Москве. Как инвалид Отечественной войны, имея множество наград и благодарностей за свою доблестную службу, оставался воином своей страны. Моя семья и я очень гордимся нашим геройским дедом!

МЫНЗАТУ

Наталья,

15 лет, г. Гатчина

ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ

Во время войны город оккупировали немцы. Дом, в котором жили мои родные, — один из лучших домов в городе, поэтому немцы выгнали их из дома и заняли его под свой штаб.

Немцам нужна была рабочая сила, поэтому здоровых молодых людей насильно сажали в поезда и угоняли в Германию. Такая участь чуть не постигла и мою бабушку. Её маме сказали, что её дочь видели в эшелоне, который вскоре отправится в

Германию. Прабабушка поспешила в штаб немцев и сказала, что за ней нужен уход, так как на ноге у неё трофическая язва и ей трудно передвигаться. Как это ни странно, но её пожалели и мою бабушку отпустили. Это один из эпизодов того тяжёлого времени, который так благополучно закончился.

А пережить пришлось и холод, и голод, и все лишения той страшной войны.

НЕЛЮБИНА

Вика,

3 класс, д. Мины

Моя прабабушка Клава умерла, когда мне было 8 лет. Она часто вспоминала войну. Время было тяжёлое. Жили в подвале дома. Там было очень темно и неудобно. Есть было нечего. На весь день давали одну четвертинку хлеба и всего две конфетки на целый месяц. Маленькие дети много работали. Прабабушка воевала всю войну. Она ходила в разведку. В разведку ходили дети. Некоторые погибали. На войне погибло много людей, но наша армия одержала Победу! Война — это страшно. Я бы не хотела, чтобы она когда-нибудь ещё была.

Моей маме рассказывала её бабушка, как в тяжёлые годы войны они росли.

Родилась моя прабабушка в 1923 году. Жили они в деревне Окуловка. В семье у них было 12 детей. Прабабушка была самая старшая и нянчила своих братьев и сестёр. В школу ходили по очереди, нечего было надевать. Был голод. Ели траву, сныть и одуванчики. Моя прабабушка чуть не погибла! Недалеко от неё разорвался снаряд, и её ранило осколками. Она долго лежала в госпитале. Наградили мою прабабушку медалью. Очень страшно было, когда на глазах у детей погибали люди. Фашисты никого не жалели, ни детей, ни взрослых...

Как хорошо, что мы живём в мирное время! Спасибо за это нашим прабабушкам и прадедушкам!

ОСИПОВ

Павел,

15 лет, г. Гатчина

ДВА ДЕДА

Александров Павел Петрович призван в армию в 1938 году. С ноября 1939 года – курсант школы связи в городе Орджоникидзе (Днепропетровская область Украины).

Воевать начал командиром взвода управления танкового полка в звании старший лейтенант. Сражался под Киевом, где был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Лечился в немецком госпитале, после чего отправлен в Германию (город Штеттин) на работы. Когда советские войска вошли в Германию, бежал и пробрался к нашим. После проверки снова зачислен в армию и дошёл до Берлина. Демобилизован (как и весь офицерский состав) в 1946 году. Награждён медалями «За оборону Киева», «За взятие Берлина» и орденами «Отечественной войны 2-степени» и «Красной Звезды».

Осипов Сергей Семёнович воевал в Финскую и в Великой Отечественной войне. Во время Финской войны воевал на флоте моряком. Во время Великой Отечественной войны был артиллеристом. Войну начал в сентябре 1941 года в боях за Гатчину. Воевал до осени 1945 года, награждён медалью «За отвагу».

ПРОВОРОВ

Максим,

14 лет, г. Гатчина

НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ

Линия фронта находилась в ста километрах от деревни Калининской области, где жила моя прабабушка, которой было всего четырнадцать лет, когда началась проклятая война. Все мужчины на фронте, в тылу – женщины, старики и дети. И

холодной зимой, и жарким летом приходилось им работать на лесозаготовках. Труженики тыла, как могли, приближали час освобождения. Нелегко пришлось моей бабуле, но она мужественно выдержала все испытания. Думаю, их вклад в Победу не меньше, чем тех, кто воевал на фронте. И они внесли свою маленькую частичку в великую Победу Советского Союза над фашистской Германией!

ПРОТАСОВ

Федор,

15 лет г. Гатчина

НЕЗРИМАЯ СВЯЗЬ

Мое поколение и Великая Отечественная война. Сейчас только бабушки и дедушки могут нам что-то рассказать об этом великом событии в нашей истории. И обычно это рассказы маленьких детей – ведь, как правило, было им тогда чуть больше трех-четырёх лет. Но родители моего папы знают об этой войне не понаслышке. Правда, встретились они только после войны.

Дедушке моему – **Георгию Михайловичу Протасову**, когда началась война, было 32 года. Он уже отслужил в армии и был лейтенантом запаса. Но война началась для него на Брянском фронте. Он был назначен командиром пулеметного взвода. Умер мой дедушка незадолго до моего рождения, поэтому все военные истории рассказал уже мне папа. Одну из них я помню с раннего детства – как дедушка чудом выжил. Его полк для перегруппировки должен был отступить от линии фронта и ожидать мощного наступления немецкой армии. В качестве заградительного отряда был выбран взвод деда. Они понимали, что обречены, но вдруг через их головы полетели снаряды по нашим отступающим войскам. После двухчасового артобстрела наступило полное затишье. И они поняли, что наступления немцев не будет, а это был заградительный огонь отступающей немецкой армии.

Страшные истории холодили мне сердце еще в детстве — как дед спасал умирающего командира, как убивал немцев, как был контужен, как страшно ему было на этой войне, уже достаточно взрослому человеку.

А бабушке моей — **Нине Ильиничне Афанасьевой**, было еще страшнее. Потому что она оказалась в блокаде Ленинграда, и было ей тогда 13 лет. С ее мамой они остались в огромной комнате около «Ленфильма». Протапливать ее было уже нечем, и они переехали в маленькую комнатку неподалеку. К ним пришла жить и бабушкина сестра со своей грудной дочкой. Так вчетвером они пытались как-то выжить. Сначала умерла сестра, потом ее маленькая дочка, а потом и бабушкина мама. Так бабуля осталась одна. Соседи украли у нее карточки на хлеб, все ценные вещи и даже свидетельство о рождении. И бабушку ждала бы неминуемая смерть от голода и холода, если бы не помощь добрых людей. Ей помогли восстановить метрики, правда, стала она на два года старше, чтобы ее взяли на работу и она получала бы хлеб как работающая (это было на несколько граммов больше). Тяжело ей было, совсем девчонке, строить заградительные укрепления под Ленинградом, рыть окопы. Но она со всем справилась.

Уже после войны они встретились с дедом — он влюбился в молоденькую худенькую блондинку. Несмотря на возраст (бабуле уже далеко за восемьдесят), она остается такой же жизнерадостной и веселой. Только не очень любит вспоминать о той войне.

Другой мой дед — **Геннадий Михайлович Тотменин** — был еще маленький, когда началась война, но рассказывает мне о своем отце — офицере-танкисте, прошедшем всю войну до Берлина. А мне почему-то с детства запомнилась такая история. Дед (тогда мальчишка) как сын офицера ходил в офицерскую столовую (это было в небольшом городке в тылу) и однажды решил выменять омлет на свистульку. Положил он омлет себе в ладошку и пошел на рынок. Тут-то его и увидел знакомый и привел домой. А еще дед рассказывал, что в их городе был военный госпиталь, и они бегали на вокзал встречать эшелоны с ранеными, и как было страшно смотреть на эти замотанные в бинты тела. А потом они бежали в лес и собирали для них

ягоды и грибы.

По-разному приходила та война в жизнь моих предков — они и воевали, и выживали, и помогали в тылу. Но мне из всех рассказов об этой войне запомнилось одно — всем было страшно и жутко, и никто никогда не хотел бы повторения.

ПОЛУНОВА

Валерия

10 лет, д. Батово

Я ВЫРАСТУ — ДЕТЯМ СВОИМ РАССКАЖУ, КАК ПРАДЕДЫ ИХ ЗАЩИЩАЛИ СТРАНУ!

*Я на свете недавно живу
И историю помню по книжкам,
Но зато про большую войну
Я живые рассказы слышу...*

Песня «Прадедушка»

О войне мне рассказывала моя бабушка Рая. Ее папа работал до войны в Ленинграде на Кировском заводе. Когда началась война, рабочие завода домой не уходили, а жили на заводе, собирали танки. Ее папа **Иванов Павел Васильевич** закончил до войны танковое училище, но с завода на фронт не отпускали, и он ушел самовольно. Воевал он на Ленинградском фронте танкистом-механиком. Вернулся домой в октябре 1945 года.

Бабушкин дядя **Иванов Григорий** на фронте был связистом. Он налаживал телефонную связь, и немецкую речь слышал без телефона. Вот так он прополз и прошагал всю войну до Чехословакии. И только там первый раз за все время спал под крышей, а до этого спал в походных условиях — в окопах и землянках. Был три раза ранен, но участвовал в освобождении Берлина и на площади у Рейхстага пел нашу русскую песню «Вася-Василек» на бис три раза.

Филлипов
Иван Васильевич
Фото 1944 г.

Другой бабушкин дядя **Филлипов Иван Васильевич** был летчиком, с первого дня войны воевал на Ленинградском фронте. Горел в самолете, но остался жив. Был ранен в голову и до конца своей жизни носил осколки в голове.

Все бабушкины дяди имели много наград, но никогда их не носили, а хранили в коробочках. И когда у бабушки выросли дети, она просила своих дядюшек показать орден и медали, рассказать о ранениях, но они отмалчивались. Эти награды дети увидели на красных подушечках, когда несли их за гробом.

Бабушка моя родилась в деревне Большое Заречье Вологодского района, у шоссе Кикерино – Выра. Семья Лазаревых – коренные жители. На кладбище похоронены бабушка и дедушка, мама и папа бабушки. Деревня до войны была большая, более ста домов. Их дом стоял на горке. 19 августа 1941 года

сгорело 6 домов при артобстреле, когда наступали фашисты. Жители ушли в лес. Жили там в землянке. Потом всех заставили вернуться в деревню. В марте 1943 года жителей вместе с маленькими детьми фашисты забрали и увели в д. Глумицы, там они были сожжены в сарае.

Деревня Большое Заречье полностью сгорела в 1943 году, после войны там не разрешали строиться. Моя бабушка была ребенком, она пережила пожары, стрельбу, страх, холод и голод. Сейчас бабушка часто болеет, но она всегда веселая, добрая, отзывчивая, вежливая и мой самый большой друг! С 1946 года бабушка живет в д. Даймище. Вместе с бабушкой мы ухаживаем за могилами на кладбище в д. Большое Заречье, где в 1971 году создан небольшой мемориал «Малая Хатынь». Склонил голову над павшими жителями солдат-освободитель.

А кругом – лишь поросшие травой фундаменты да печные трубы. Текст, высеченный на гранитной плите, сообщает: «Здесь была жизнь. Здесь стояла деревня Большое Заречье». Мы храним память о наших близких и родных.

РОМАЙКИН

Артём,

16 лет, г. Гатчина

ЧТО ДЛЯ НАС ВОЙНА?

Что есть война в нашем понимании? 9 мая, парад на Красной площади в Москве? В лучшем случае. Нет, я не прав с самого начала, начинать надо было не с этого, и эту тему вообще не трогать. В подобных вопросах каждый отвечает за себя. Безусловно, грустно слышать, когда человек говорит, что, дескать, чёрт его знает, вроде был у меня дед, вроде даже воевал, но меня это мало интересует. Я, конечно, не вправе осуждать, но подобные вещи наводят на грустные мысли. Грустно оттого, что вроде как каждый решает сам: помнить или забыть, гордиться или нет. Всем хорошо известно, что история – это коллективная память, а какая тут память? Сплошной склероз!

Мне всегда было интересно, почему я живу. Почему я свободен, имею возможность получать знания и живу вполне вольготно, а не работаю на каменоломнях где-нибудь под Дюссельдорфом. Видимо, из-за этого интереса я и увлёкся в своё время военной историей. Ответ на этот вопрос хорошо известен, но мало кто задумывается об этом всерьёз. И знаете, я благодарен тем людям, кто воевал, проливал кровь, погиб или вернулся с войны. Они никогда не видели меня, но благодаря, им я родился и живу...

Эта ужасная война унесла жизни огромного числа людей. Что касается моей семьи, то у нас на фронтах погибло 11 человек. И это только те, о ком я знаю. Наверняка погибших в наше семье гораздо больше, так как про некоторых родственников я просто не спрашивал, или ничего не слышал.

Хочу рассказать о прадедушке с папиной стороны. **Николай Андреевич Сиротенко**, украинец по национальности (интересно, что бы он сказал, узнав, что сейчас творится на Украине?), родом с Харьковщины. Достопочтеннейший, на мой взгляд, был человек. Он был политруком и занимался подготовкой новобранцев для фронта в Сибири (Омск, Канск). Подавал запросы об отправке на фронт с самого начала войны, но ему отвечали отказом (в связи с нехваткой опытных кадров в тылу) вплоть до 1943 года. Дед воевал в составе 2-го Белорусского фронта на территории Померании (ныне Поморское воеводство Польши), форсировал реку Одер, брал Берлин.

Битва за Восточную Померию — это, пожалуй, одно из жесточайших сражений Второй мировой. Немцы, не желавшие отступать за Одер, отчаянно сражались за каждую деревню. Однажды убило командира, и деду пришлось взять командование на себя. Тем не менее, он не растерялся и взял важный стратегический пункт. Он был ранен в ноги на территории Польши и некоторое время лежал в госпитале. Дальше было форсирование Одера, которое так же не далось советским воинам просто.

Судя по рассказам бабушки, при взятии Берлина была полная неразбериха, город брали под вой сирен, а ночью включали прожектора, чтобы внести сумятицу в ряды врага. В Берлине деда ранило в голову и сильно контузило, «блуждающий» осколок остался в голове до конца жизни. Его положили в госпиталь, но худшее было впереди. Хуже ран и осколков оказалась американская тушёнка! Дед так сильно отравился, что 40 дней не приходил в сознание и его вынесли в коридор, как «не жильца». К счастью, организм справился с болезнью, но прадед вернулся в Сибирь, к семье, только осенью 46-го.

У бабушкиной сестры хранится множество орденов и медалей, которыми в своё время был награждён прадед — это ордена: «Красного Знамени», «Красной Звезды», «Отечественной войны 2-й степени»; медали: «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

На самом деле я очень горжусь тем, что и моя семья внесла маленькую лепту в общее дело Победы. Если бы не такие люди, как прадед, как знать, что бы было сейчас с нами?

РОСЛЯКОВ

Станислав,

17 лет, г. Гатчина

НЕИЗГЛАДИМЫЕ ШРАМЫ ВОЙНЫ

*Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей.*

А. Ахматова

Наверно, нет в нашей стране семьи, которую не опалила война. Это чувство сопричастности сохраняется даже в послевоенных поколениях. Для меня семейная военная хроника — это, прежде всего, рассказы моей бабушки, многие из которых, в свою очередь — воспоминания её мамы, моей прабабушки.

Мой прадед, **Фёдор Степанович**, был профессиональный военный, и жизнь семьи нельзя было назвать оседлой. Ехали «куда Родина пошлёт».

В 1934 году, в год рождения бабушки, прадед по призыву правительства «Все на танки!» был направлен в танковое училище в город Орёл. Через 5 лет он, уже в составе танковой бригады командарма Яковлева, принимал непосредственное участие в боях в районе реки Халхин-Гол, отражая нападение японских захватчиков на Монгольскую республику. За эти сражения прадед получил первую награду — орден Красного Знамени. А через год, в 1940 году, прадед сражался уже на другом конце страны против белофиннов.

Начало Великой Отечественной войны прадед встретил в звании капитана.

В семейном альбоме хранится фотография 1941 года. На ней молодая прабабушка, в глазах у неё слёзы, прадед стоит рядом, положив руку ей на плечо, на лице у него боль предстоящей разлуки. Рядом трое их детей. Самой старшей, моей бабушке, 7 лет, её сестре 5 и младшему сыну 3 годика. К началу

войны прабабушке было 28, прадеду 36 лет.

В 1942 году, при штурме г. Калинина танк прадеда «Т-34» налетел на мину. Фёдор Степанович был тяжело ранен в бедро, лечился и после выписки из госпиталя «пересел» на 76-миллиметровое самоходное орудие. Воевал под Воронежем, затем на северо-западе страны, в районе Ладоги. Как-то ему поставили задание переправиться через реку Свирь и, с пятью самоходными орудиями, занять плацдарм. Но что-то напутали с картой и неправильно указали место переправы. Срочно потребовалось принять самостоятельное решение, и прадед нашёл выход. Он распорядился соорудить плоты для самоходок, а, чтобы отвлечь внимание противника, пустил в другом месте плоты с чучелами солдат. Затем удачно форсировал Свирь и захватил плацдарм ценой минимальных потерь. За решение этой боевой задачи Фёдор Степанович был награждён орденом Александра Невского. Есть в его коллекции наград и ордена Отечественной войны 1 и 2 степени.

Прадед прошёл всю войну и вернулся живым. Можно сказать, моей семье повезло, в дом не пришла похоронка. Прабабушке в эвакуации тоже удалось сохранить живыми всех троих детей. В лютые морозы, чтобы добыть детям кусок хлеба, ходила она за десятки километров на работу, часто возвращаясь через лес, чудом спасаясь от диких волков. К концу войны она была истощена до крайности и тяжело заболела. Как счастлива была прабабушка, когда война закончилась, вернулся целым и невредимым муж, стали навёрстывать учёбу дети.

Говорят, время лечит. Но неизгладимые шрамы, которые оставила война в сердцах и душах, не зарубцевались навсегда. Даже сейчас я иногда вижу, как моя бабушка, после еды, машинально сметает в ладонь «хлебушек», чтобы «не пропало ни крошки». И чем дальше уходят в прошлое дни военных лет, тем чаще нужно говорить, помнить, писать и рассказывать потомкам истории тех страшных сороковых. Чтобы помнили, чтобы подобное никогда не повторилось. Во имя мира, во имя жизни.

РУСАК

Виктория,

14 лет, г. Гатчина

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Маленький городок в Белоруссии, в котором жила моя бабушка **Илая**, в 1941–1943 гг. был оккупирован немцами. После освобождения города Красной армией в 1943 г. бабуля пошла в первый класс.

Школа была разгромлена, оборудования и мебели не было. Были только сколочены самодельные столы, скамейки, за которыми сидели ученики. Многие из дома приносили табуретки, потому что не хватало мест. Зимой в классах очень холодно — нечем было топить печи, поэтому ученики приносили из дома дрова, которыми с утра топили печь, и ждали, пока в классах станет хоть немного теплее.

Дети сидели одетые, писали в варежках перьевыми ручками. Чернила, которые делали из сажи, замерзали в чернильницах. Их приходилось отогревать дыханием. Писали на отдельных клочках бумаги, на чистых страницах из книг, использовали обёрточную бумагу...

Учебников не хватало, и некоторые из них выдавали в школе. Нередко доставался один учебник на всю улицу, устанавливали очередь, когда кому им пользоваться.

Бабушка не помнит случая, когда кто-нибудь не выполнил бы домашнее задание из-за отсутствия учебника, а из-за обычной лени и подавно. Дети, голодные, плохо одетые, учились. Все они старались и уважали учителей. Учителя для них были как боги.

РЯТТЕ

Екатерина

Ивановна,

65 лет, п. Терволово

Ларьков
Иван Павлович.
Фото 1945 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

«Я хочу рассказать про своего отца. **Ларьков Иван Павлович** родился 17 января 1922 года в селе Слободские Дубровки Краснослободского района Мордовской АССР.

Призван в армию в 1941 году, с декабря в 69 стрелковый полк. С 1943 года минометчик-рядовой 43 минометной бригады. Воевал на Курской дуге, дошел до Берлина, имеет множество наград. Ранен в ногу в марте 1944 года. Лечился в госпитале в Москве и других городах.

В послевоенное время работал в колхозе трактористом, слесарем на МТС. Вырастил с мамой 6 детей. Переехали жить поближе к детям в Гатчинский район, п. Терволово. Ушел из жизни 16 сентября 1996 года.

9 мая мы все: дети, внуки по нашей давней традиции собираемся в доме отца и матери, просматриваем его фотографии, внуки перечитывают наградные удостоверения, рассматривают награды. Находят друг в друге сходные черты с дедом.

А мы вспоминаем разные истории из его фронтовой жизни, что он рассказывал нам и своим землякам, которые заглядывали частенько зимними вечерами к нам на огонек. Мы, ребяташки, забирались на теплую русскую печь и с интересом слушали эти рассказы. Вот этот эпизод мы слушали с большим волнением.

Однажды домой отца откомендовали в хозяйственную часть, чтоб получить валенки, идти пришлось поздно вечером, получил валенки. Пришлось заночевать в землянке, а когда не-

много рассвело возвращался в часть. Вдруг услышал сзади скрип, приостановился, наклонился и из-под руки посмотрел назад и увидел, как за ним шли два немца.

Он быстро побежал, они за ним, старались догнать. Отец добежал до часового и бросил в немцев гранату. Немцы пытались уйти, но были пойманы.

И еще один эпизод заполнился. После боя солдаты отдыхали в белорусской деревне, спали в избе на полу. Утром пришла хозяйка и спросила: «А вы знаете, какой сегодня день?» Все как бы насторожились. А она поздравила всех со светлым Христовым Воскресением, с Пасхой.

Хочется, чтоб будущее поколение помнило об этой войне, о военных заслугах, о подвигах своих дедов, родственников не только по фильмам, из книг, но и из наших рассказов».

В госпитале.
Фото 1945 г.

САМОХВАЛОВА

Евгения,

16 лет, г. Гатчина

ВОСПОМИНАНИЯ

Сколько книг написано о войне, сколько фильмов снято... А всё равно невозможно представить весь ужас, с которым столкнулись люди в то время.

О войне моя прабабушка, **Анна Дмитриевна Самохвалова**, рассказывать не любила, и мне всегда запрещали её расспрашивать — при воспоминаниях о тех далеких годах слёзы наворачивались ей на глаза и начинало «ухать» сердце, как она объясняла. Поэтому все подробности я знаю от дедушки.

Тогда, в 1941, прабабушке было тридцать два года; она жила в Ленинграде вместе с мужем и двумя сыновьями, один из которых — мой дедушка. Он мечтал стать моряком, а его брат — писателем, и прабабушка, тогда — молодая женщина, делала всё, чтобы мечты её детей осуществились. Но война оборвала все планы.

На фронт отправили прадедушку Тимофея. О нём мне мало известно — знаю, что он трижды был ранен, но с войны вернулся живым.

Обратимся снова к бабе Ане. В то время она работала в тылу и, когда узнала, что её мужа ранили в третий раз, поняла, что, если его убьют, будет винить себя всю жизнь. И молодая женщина пошла в военкомат с требованием взять её на фронт и непременно в основные войска, в «горячую точку». Ей долго отказывали, говорили, что мать двоих детей должна сидеть дома, что на фронте и без неё бойцов хватает, но она настояла на своем. И её взяли. «Взяли, — говорила баба Аня, — только чтоб отстала». И, оставив детей на попечение сестры, уехала воевать. Её назначили радисткой на Ленинградский фронт.

Прабабушка рассказывала, что очень страшно ей было во время отдыха, когда она начинала задумываться о том, что смерть совсем близко. Во время боя думать некогда, убьют — значит, такова судьба. Еще говорила, что страшно было передавать о наступлении — ощущение, что судьба дивизии в твоих руках.

Прабабушка никогда не говорила о том, как уходили из жизни её боевые товарищи, как вскрикивали в последний раз бойцы на линии огня, как бились в агонии больные солдаты... Прабабушка не говорила, но я знаю, знает об этом и вся семья, но никто не упоминает, чтобы не волновать бабу Аню... Ей до самой смерти тяжело давались воспоминания о военных годах.

СВИРЬ

Ксения,

14 лет, г. Гатчина

В ТЫЛУ...

22 июня 1941 г. без объявления войны фашистские войска напали на Советский Союз и начали бомбить наши города и села. Несмотря на героизм наших защитников, в первые же дни войны погибло очень много солдат и мирных жителей.

Защищали Родину и мои родные. Один прадед, **Грошев Андрей Николаевич**, воевал и пропал без вести в 1942 г. А другой прадед, **Пешков Маркел Павлович**, прошел всю войну, участвовал в освобождении Польши от фашистских захватчиков и вернулся домой только в 1947 г.

Мирные жители своим трудом тоже приближали победу как могли. Одна моя прабабушка, Кадышева Прасковья Ефимовна, трудилась на швейной фабрике в городе Алма-Ата — они шили вещи для солдат. Другая прабабушка, Пешкова Галина Ивановна, окончила курсы комбайнера и работала на уборке урожая, заменив ушедших на фронт мужчин.

Великая Отечественная война закончилась 9 мая 1945 г. Победа далась нам тяжело — за время войны погибло больше 20 млн. людей.

СЕЛИВАНОВА

Агния

Феодосиевна,

75 лет, п. Новый Свет

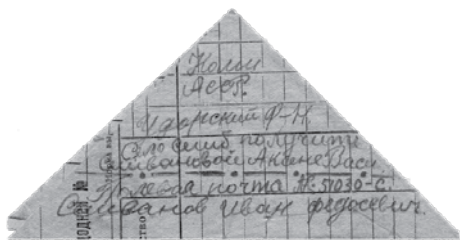
В ПАМЯТЬ О БРАТЕ

Семья Селивановых (Иван второй сверху). Предвоенная фотография

СОХРАНИЛИСЬ ЛИШЬ ПИСЬМА

Селиванов Иван Феодосиевич родился в 1924 году в деревне Селиб Удорского района Коми АССР в семье колхозников — Феодосия Ефремовича Селиванова и Аврамовой Ксении Васильевны. До войны успел окончить школу-семилетку и

работать в колхозе им. С.М. Кирова. Призвали Ивана в армию в конце 1942 года. Сначала было обучение в г. Котельнич Кировской области. А 10 ноября 1943 года семья получила его письмо

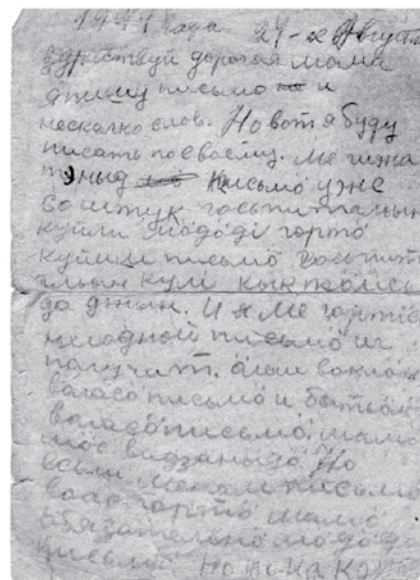
с фронта: «Я трофейщик, собираю винтовки у погибших... Очень страшно: взрываются мины, стреляют, Мы в окопах, но от пули тяжело убежать (спрятаться)...». Затем письма приходили с Украины, он воевал за Киев... Последнее письмо датировано августом 1944 года. Писал, что был ранен, лежал в госпитале, что теперь письма пишет «издалека», то есть они воюют за границей. Больше писем от Ивана не было – пропал без вести

ТЕКСТ НА ПОЧТОВОЙ ОТКРЫТКЕ СЕЛИВАНОВА ИВАНА ФЕОДОСИЕВИЧА

1943 год 9 апреля. Здравствуй, мама. Я пишу письмо, несколько слов. Мама, твоё письмо получил. От брата Алексея получил два письма. Я отцу написал два письма, но пока ответа от него нет. Андрей получил из дома письмо и там написали, что умер мой брат Михаил, мне его очень жалко и даже плакал. Мама пиши письма чаще. Андрей получил уже 4 письма из дома и мне обидно, что мне редко пишете. Мама здесь посылку не принимают. Лучше вышли денег рублей пятьдесят, чтобы купить молока на рынке. Здесь нас кормят: суп, хлеб, сахар, селедка. Пишет ли отец вам письма и присылает ли вам денег. Мама в письме пришли немножко табака. Мой адрес новый: полевая почта №51030-с. Пока.

ТЕКСТ ПИСЬМА СЕЛИВАНОВА ИВАНА ФЕОДОСИЕВИЧА

1944 год 24 августа. Здравствуй, дорогая мама. Я пишу письмо и несколько слов. Но вот я буду писать по-своему. Я

тебе написал писем уже 60 штук. Лежал в госпитале два с половиной месяца. В госпитале написал 3 письма. А я не получил от вас ни одного письма. Получаете ли вы письма от отца. Мама, держишь ли корову? Но если получишь письмо, обязательно напиши. Я жду от тебя письмо. Но пока. Конец.

СЕЛИВЕРСТОВА

Дарья,

16 лет, г. Гатчина

«ВРАГУ НЕ ПОЖЕЛАЕШЬ»

Война – это зло, разрушающее всё: города, деревни, поселки. Она рушит судьбы людей. Она безжалостна ко всему.

По-моему, каждую семью коснулось несчастье. По крайней мере, мою оно не обошло стороной. Бывая летом у бабушки в Брянске, я всегда спрашивала у неё о войне. Она рассказывала часами, и я не могла наслушаться.

Мне кажется, что человек может понять, и в том числе мы, молодежь, весь ужас войны не из учебников и книг, а только тогда, когда услышит живого человека и увидит его глаза. Лично я поняла, что такое война, послушав ветеранов войны, которые к нам приходят в школу перед великим праздником, и мою бабушку.

Ей было всего 13 лет, но пережила она многое. Как гово-

рят, «врагу не пожелаешь». «Жили мы тогда в деревне Салтановка. Было нас в семье семь детей. Помню, был солнечный день, после прополки картошки все пошли домой поесть. Мы с сестрами резвились, отец с мамой говорили о чём-то своём. Вдруг мы услышали крики на улице. Выглянули в окно, а там толпа народу кричит, плачет. Мы спросили, что случилось, и нам ответили: «Война началась!»

Спустя несколько месяцев в нашу деревню пришли немцы. Нас эвакуировали в Курскую область. Жили у чужих людей, много работали на поле, поесть было почти нечего. Картошка была на завтрак, обед и ужин. Но и её не всегда хватало. Все очень хотели есть, поэтому ходили побираться по другим деревням. Кто корку хлеба, кто молока кружку даст.

Когда освободили Брянскую область, вернулись домой. Вместо нашей хаты было одно пепелище. Нам пришлось построить землянку. Питались гнилой картошкой и салом, которые пролежали в земле больше года. Эти ужасы продолжались ещё очень долго. Но наступил момент, такой же переломный, как и четыре года назад. Она кончилась! Кончились эти бесконечные убийства, эти муки, эти слезы и ожидания. Она кончилась! Кончилась война!»

СЛЕПУШНИКОВА

Галина,

16 лет, г. Гатчины

Великая Отечественная война затронула много семей: кто-то ушёл на фронт, кто-то остался трудиться в тылу... И всё во имя Победы.

О жизни моих родственников в войну я знаю немного. Моя бабушка по национальности финка, но вместе с семьёй она достаточно долго проживала в Ленинграде. Её мать, моя прабабушка, была учительницей русского языка, отец – рабочий. Когда пришла страшная весть о войне, и ушёл на фронт отец, бабушке было всего три года.

Блокада Ленинграда, голод. Бабушка потеряла зрение, а её сестра погибла. Через некоторое время перестали приходиться

письма от отца, и вскоре его объявили без вести пропавшим. Семья переправилась по Дороге жизни в Новгород.

Закончилась война, но возвращаться в Ленинград семье запретили из-за отсутствия документов о состоянии отца. Считали, что если он пропал, то, возможно, перешёл на сторону врага. Семье всё же разрешили перебраться ближе к Ленинграду, но не в сам город.

ТАРАНЕНКО

Олег,

16 лет, г. Гатчина

ГЕРОИЧЕСКИЙ ДЕДУШКА

Мой дедушка **Гриша** родился 21 июня 1927 года в селе Гениевка Змиёвского района Харьковской области. Там он провёл своё детство. Когда началась Великая Отечественная война, дедушке было 14 лет. Он помогал партизанам носить снаряды, выносить с поля боя раненых. Дедушка пошёл добровольцем в отряд партизан. В семье было шестеро детей. Четверо погибли, а дедушка и его старший брат выжили и продолжали воевать с фашистами до конца войны.

Мой прадед Харитон тоже воевал и встретил победу над врагом в Берлине. В город Харьков немцы входили два раза, но так и не смогли удержать свои позиции. Именно под Харьковом и Курском погибло много советских воинов, но всё-таки враг был побеждён.

После окончания войны мой дедушка был награждён почётным знаком «Участник Великой Отечественной войны». После войны дедушка учился в вечерней школе и работал слесарем на заводе имени Малышева. Это завод оборонительного значения, он выпускал танки и детали к ним. На заводе испытывали технику и отправляли в Москву. Мой дедушка повышал квалификацию и продолжал работать на этом заводе. Работал мастером участка и с этой должности ушёл на пенсию. Он очень любил свою работу, у него были «золотые руки». Дедушка Гриша – добрый и трудолюбивый. Он неоднократно награждался

почётными грамотами: «Передовик производства», «Лучший работник», «Победитель социалистического соревнования».

Своим трудом дедушка внёс неоценимый вклад в победу над врагом, в восстановление разрушенного города и промышленности в послевоенное время.

ТИТОВА

Людмила,

13 лет, п. Новый Свет

СОЧИНЕНИЕ О МОЕМ ДЕДУШКЕ

Я не видела своего дедушку, но много слышала о нем от мамы.

Звали его **Глеб Львович Николаевский**. Его фотографии хранятся в нашем семейном альбоме. Смотрю на них и как будто вижу дедушку. Это красивый мужчина выше среднего роста. У него продолговатое лицо, васильковые глаза, прямой нос с горбинкой, тонкие губы и волнистые русые волосы.

Родился дедушка в Киеве ещё до революции. Детство он провел на Западной Украине, а потом со своей семьёй переехал в Узбекистан. Окончив школу, Глеб уехал в Ленинград и поступил в электротехнический институт на вечернее отделение. Днём он работал, чтобы не умереть с голода, а вечером учился. Когда молодой человек приехал на каникулы домой, и его мама увидела, какой он худой и измученный, ему пришлось перевестись в Ташкентский институт железнодорожного транспорта.

После окончания института Глеб Львович строил дороги. Именно он руководил строительством автотрассы Москва – Киев. И именно здесь дедушка научился ездить верхом на лошадях и полюбил их.

Глеб Львович прошёл войну от начала до конца. В начале войны он воевал в парашютно-десантных войсках. Уже после войны он пытался найти однополчан-десантников, но безуспешно. В конце войны дедушка воевал в инженерных войсках, восстанавливал мосты и дороги, которые были разрушены. Войну он закончил в Чехословакии. У него есть ордена и много медалей. Дедушка был ветераном Военно-воздушных и дорожных войск.

После войны Глеб Львович преподавал в Ташкентском ирригационном институте на военной кафедре. Студенты его звали «князем» за благородство и порядочность. После того как дедушка демобилизовался из армии, он работал инженером-экспертом в дирекции строящихся дорог, мостов и гражданских сооружений.

Дедушка очень любил цветы, особенно розы. Во дворе дома, где он жил, он создал розарий. В нем было более тридцати видов роз, которые цвели и благоухали с весны и до осени.

Моего дедушку любили и до сих пор помнят, потому что он был порядочным и честным человеком. Я горжусь своим дедом! И хочу хоть немного быть похожей на него.

ТОЙКА

Руслана,

14 лет, г. Гатчина

ПОМНЮ О НИХ

Мой прадедушка – **Иван Михайлович Штефан** – с первых дней войны ушел на фронт. Воевал в танковых войсках, танкист. Во время боя мой прадедушка был ранен, но после госпиталя продолжал воевать, и дошел до Берлина. Прадедушка Иван Михайлович имел много наград, но самая главная награда – орден Красной Звезды. Прабабушка – Антонина Тихоновна Штефан во время Великой Отечественной войны вместе с сыном Володей находилась в эвакуации в городе Курган-Тюбе, в Таджикистане. Так как мужчины, кроме ста-

риков и детей, были на фронте, всю тяжелую работу в тылу приходилось выполнять женщинам. Вот и моя прабабушка работала на заготовке зерна, которое привозили с полей, сушили и отправляли на мельницы, чтобы потом переправить муку на фронт в Москву и осажденный Ленинград. Всю работу женщины выполняли вручную, особенно тяжело приходилось, когда надо было загружать мешки с мукой в железнодорожные вагоны, но никто не жаловался, все знали, что испеченный из этой муки хлеб будут есть на фронте их мужья, отцы, сыновья. Я горжусь своими прадедушкой и прабабушкой и помню о них.

УВАРОВА

Анна,

12 лет, п. Высокоключевой

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И НАША СЕМЬЯ

Всё, о чём я сейчас расскажу, поведали мне мои родные — бабушки и дедушки. Я очень им за это благодарна, моя память сохранит эти истории для следующих поколений.

Мой дедушка по маме, **Георгий Борисович Уваров**, в день начала войны находился на даче в посёлке Высокоключевой. Было воскресенье, собралась вся семья. Собирались ехать купаться, когда узнали о войне. Все работающие и военнообязанные сразу уехали в город. Дедушка с его мамой Софьей Григорьевной ещё остались в Суйде.

Дедушке было тогда 11 лет. В первые дни прилетали немецкие бомбардировщики, но не с целью что-либо уничтожить, а с целью запугать. 23 августа дедушка со своей мамой уехали на последнем поезде из Ленинграда, потом уже железная дорога была перерезана. Ехали они в Такмак (Киргизия). Там Софья Григорьевна работала год на строительстве железной дороги Карталы-Акмолинск, а дедушка ходил там в школу. В пятом

классе он учился в восьми школах (приходилось из-за работы мамы всё время менять места).

В 1943 году Софью Григорьевну переводят в Ленинград. Дедушка застрял на полпути около Балогого в Бежецке из-за отсутствия документов. Не успели оформить пропуск, разрешение на въезд в Ленинград. В Бежецке он жил сначала под лодкой, потом познакомился с местным парнем и жил у него. Потом, уже в 1944 году, за ним приехала мать с документами и забрала в Ленинград, где они и были до конца войны.

Бабушка по маме 22 июня 1941 года была дома в Стругах. Они сидели за поздним завтраком и разговаривали, когда объявили войну. Её папа и дядя — командиры Красной армии тут же встали из-за стола, надели форму и уехали по месту службы. Дядя Михаил в Псков, а отец в Таллин. Оставшиеся стали обсуждать, как готовиться к войне. Получив опыт ещё в Первой мировой войне, стали рыть землянку.

В конце августа 1941 года их эвакуировали. Бабушке было 9 лет, её мама, сестра мамы с дочкой Зоенькой (1 месяц). Ехали в вагонах для свиней, оборудованных двухэтажными нарами. Так путешествовали целый месяц. Осели в Горьковской области, в глухой деревне. Они искали такое место, где можно было жить, работать, учиться и поставить на ноги месячного ребёнка. У них не было ни одежды, ни обуви, только летнее. Приходилось очень трудно, бабушка заболела дизентерией и чудом выжила. В 1944 году освободили Струги и семья вернулась в родные края. Все дома были сожжены, так что пришлось жить в землянке.

Второй моей бабушке (по отцу) было 6 лет, когда началась война. В то злополучное воскресенье они отдыхали на заливе. Её отец работал на Чкаловском заводе. Однако он не воевал, так как во время Финской войны попал в газовую атаку и был после этого болен. С последним поездом они уехали в Новосибирск, там прожили 5 лет, жили в частном доме у хозяев. Бабушка училась там три года (с 8 лет). Жили на одной улице с лётчиком Покрышкиным, трижды Героем Советского Союза. Вернулись в 1946 году.

Дедушка по отцу всю войну был в Ленинграде. Его отец работал на заводе имени Егорова. Дедушке было тогда 8 лет, во

время блокады он жил на заводе с отцом. Помогал скидывать с крыш зажигательные бомбы, лишился пальцев на руке.

Моим родным в то страшное время было по 8, 10 лет, они были совсем ещё детьми.

Вместе со старшими они трудились по мере своих сил, учились, дружили, ждали дня Победы.

ШАРКУНОВ

Даниил,

3 класс, д. Мины

ВETERАНЫ

Моя прабабушка **Казикова Анна Михайловна** воевала в городе Ленинград с 17 июля 1942 года по 9 мая 1945 года. Она походила службу в четвёртом полку аэростатов в составе действующей армии. Прабабушка рассказывала, что было очень опасно и трудно. Фашисты бомбили Ленинград, и после каждой бомбёжки здания превращались в горящие развалины. Прабабушка защищала город – она водила над городом аэростаты.

Наши прабабушки и прадедушки защищали Родину. Им было очень трудно. Они несли большие потери. Но они победили! Мы им бесконечно благодарны за их подвиг.

ФЕДОРОВА

Дарья,

15 лет, г. Гатчина

ОНИ МОГЛИ БЫ ЖИТЬ

У меня почти не осталось родственников, которые знали что-то подробное об этой войне. Но по рассказам моих бабушки и дедушки я поняла, что эта война ужасна. Ветеранов, прошедших её, осталось совсем немного. С каждым годом их становится все меньше, и уже почти никто не может рассказать,

как все это было.

Многие люди потеряли своих родных и близких. Мы должны были победить, и мы победили. Война – это судьбы миллионов людей, которые слились воедино, чтобы отстоять свою Родину. Для меня Великая Отечественная война – это великое проявление мужества и чести.

Я восхищаюсь людьми, которые выжили в таких тяжелых условиях, не утратив волю и дух, я восхищаюсь и людьми, которые отдавали свои жизни за РОДИНУ!

Мой прадедушка **Николай Павлович Воскресенский** тоже был участником Великой Отечественной войны. А служил он в 221 дивизии, в звании был подполковник. Он получил тяжелое ранение в ногу в самый последний день войны. Это ранение очень отразилось на его здоровье. Пять лет по госпиталям и клиникам. Просто чудом удалось спасти ноги. И еще, после трехдневного окружения, стоя по грудь в болоте, в холодной воде, мой прадедушка очень сильно простудился. Но все же он и его рота смогли выбраться из окружения. Даже в мирное время эти болезни не давали ему покоя. Он мог бы жить и радоваться жизни, детям, внукам, но его не стало.

Это ужасная война прошла своей костлявой рукой смерти по многим семьям. Для меня война – это не просто сражения, а это судьбы тысяч, миллионов людей, которые должны были сложиться иначе...

ФЕДОРОВА

Мария,

заведующая

Жабинской сельской библиотекой

«ЕСТЬ В ПАМЯТИ МГНОВЕНИЯ ВОЙНЫ...»

*«Нам, ветеранам, и доньне,
Доньне быть на той войне.
Война окончилась в Берлине,
Но не окончилась во мне»*

Николай Доризо

Время несется стремительно, и ничто не может его остановить. В этом году наша страна отмечает 65-ю годовщину великой Победы. Мы преклоняемся перед теми, кто отстоял Родину в кровопролитных боях, кто перенес ужасы блокады и концлагерей, голодал, мерз, но делал все возможное и невозможное для победы. Мы удивляемся выносливости и крепости духа наших ветеранов, их великолепной памяти.

Корнеев
Владимир Дмитриевич
(в центре). Фото 1946 г.

Вместо этого два месяца учащиеся строили оборонительные сооружения. Так для семнадцатилетнего Володи Корнеева началась война. Враг наступал, и однажды группу учащихся по тревоге отправили из Гатчины через Пушкин в Ленинград. Разместили в здании школы на Невском пр., 22/24. В конце августа 1941 года ребят отправили на строительство оборонительных сооружений

к заводам «Ермак» и «Красная звезда». Через полтора месяца перебросили во Всеволожский район, в деревню Щеглово. Условия жизни были тяжелыми, и многие ребята заболели. Их отправили в Ленинград, по пути они попали под бомбежку. В первую блокадную зиму из 150 юных гатчинцев 45 умерли от голода и болезней. Был среди них и односельчанин Володи Семен Михайлов, умерший в начале февраля 1942 года.

Все это потрясло Володю, ему было

очень тяжело. Он решил пробираться к родным. А жители Жабино в первые же дни войны под руководством председателя колхоза Петра Васильева угнали колхозный скот в Вологодскую область. По воспоминаниям ныне покойной жительницы Жабино Марии Бутенко в деревне остались только те, кто не мог эвакуироваться: не было лошадей и подвод. Многие уехали в Ленинград, надеясь, что в город врага не пустят. Кто же мог подумать, что ленинградцы окажутся в блокадном кольце. Встретив односельчан, Володя узнал, что мать эвакуировалась. Жабинцы Евдокия Гаврилова, Зинаида Павлова, Семен и Ольга Корнеевы тоже решили уехать из Ленинграда и добраться до своих родных. Но у Володи Корнеева не было паспорта — он остался то ли в Гатчине, то ли в школе, где были размещены учащиеся ФЗУ. Добирались долго: сначала через Ладожское озеро, потом погрузились в эшелон и ехали до Череповца. Дальше где пешком, где на попутных доехали до деревни Слуда в Устюжанском районе Вологодской области, где и были размещены жители Жабино. И в июле 1942 восемнадцатилетний Володя наконец нашел мать.

Деревня, где жили жабинцы, была довольно большой — 150 дворов. Володе выписали временный паспорт (пришлось соврать, что старый потерял), и он вышел на работу. Через некоторое время его призвали в армию, но еще дважды давали отсрочку.

25 октября 1942 года началась боевая жизнь Владимира Корнеева. Из Вологды призывников отправили в Архангельск, где они попали в артиллерийскую часть. В 12-м артиллерийском полку Владимир получил профессию наводчика гаубичного орудия и был направлен в Новгородскую область в 8-ю армию Волховского фронта под командованием генерала Ф.Н. Старикова, в полк 1225.

Боевое крещение Владимир Дмитриевич получил в одном из важнейших сражений Великой Отечественной войны. 12 января 1943 года начался прорыв блокады, в котором участвовали две

армии Волховского фронта (8-я и 2-я ударная) и 67-я армия Ленинградского фронта. Артиллеристы почти не понесли потерь, так как находились в 3 км от переднего края и обеспечивали артподготовку, а пехота лишилась большинства личного состава: в живых остались 7–8 человек из роты. Армии готовились к этому наступлению целый месяц, среди личного состава проводились учения, и бой был выигран, 8-я армия получила звание гвардейской, а всех участников сражения наградили медалью «За отвагу». Владимир получил звание младшего сержанта.

В последующие месяцы войска с переменным успехом отстаивали занятые позиции, но в целом ситуация менялась мало. Лето 1943 года – переломный момент в войне. С 5 июля по 20 августа армия вела непрерывную стрельбу, помогала штурмовая авиация. И вдруг 20 августа пришел приказ прекратить артобстрелы. Оказалось, это был стратегический ход командования: в это время проходило знаменитое Курское танковое сражение, и надо было оттянуть на себя силы противника, ослабить их.

В 8-й армии стали готовиться к параду для получения гвардейского знамени. Потом из деревни Путилово на берегу Ладожского озера передислоцировались на другой фланг фронта. Остановились на станции Гряды Новгородской области. Наконец получили долгожданное знамя.

14 января 1944 года началась мощная артподготовка и на шестой день достигли Новгорода (прошли 25 км). Город был полностью разрушен.

Под деревней Б.Вяжицы простояли целый месяц. Затем провали оборону противника и вышли на дорогу Ленинград – Псков.

15 февраля 1944 года Волховский фронт был аннулирован, армии были приданы Ленинградскому фронту. Красные Струги, Пушкинские Горы, Остров – армия продвигалась на юг, вдоль Чудского и Псковского озер. Обогнули их, взяли Тарту. Маршбросок влево на 100 км, оказались на 3-м Прибалтийском фронте. Взяли Ригу (в октябре 1944 г.), перебазировались на 1-й Прибалтийский фронт. Далее по железной дороге продвигались по направлению к Германии: Рига, Вильнюс, Белосток. Добрались до 2-го Белорусского фронта. Взяли города Острод, Аленштейн, Кенигсберг, Данциг (Гданьск). Вышли к Балтийскому

морю. Получили новые машины марки Studebeker, поехали на 1-й Белорусский фронт.

Дошел Владимир Дмитриевич до самого Берлина, участвовал во многих сражениях, ни разу не был ранен или контужен. Награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», многочисленными благодарностями Верховного Главнокомандующего тов. Сталина.

Закончил военную службу Владимир Дмитриевич в 1947 году в звании старшего сержанта. Вернулся домой, проработал 5 лет в пожарной части № 17 в Ленинграде, затем в родном колхозе водителем до выхода на заслуженный отдых.

ХАРЛАМОВА

Юлия,

15 лет, г. Гатчина

ВЫЖИВАНИЕ

Мою бабушку (вернее, прабабушку) зовут **Тамара Матвеевна Баша**. Она родилась в Ленинграде 6 июня 1927 года. К моменту начала Великой Отечественной войны ей было 14 лет. Бабушка вместе со своей семьёй – мамой, папой и тремя сестрами – жила в Ленинграде в одной комнате по адресу ул. Курская, д. 4.

До начала войны бабушкин папа (Баша Матвей Иванович) работал на комбинате им. Петра Анисимова. На момент начала войны ему уже было 52 года, и в армию его не взяли, а призвали на работу в Боткинские бараки (больницу). Там он разгружал раненых и выполнял другие работы при больнице. Но в ноябре 1941 года больница попала под обстрел. В помещение, где в то время находился бабушкин папа, попал снаряд, взрывной волной пробил стену и выбросило его на улицу. Он был контужен, на носилках его принесли домой. После этого он начал сильно болеть, длительное время не ходил и не вставал, а лежал дома. Бабушкина мама и все дети за ним ухаживали. К концу декабря папа немного отошёл и стал понемногу ходить, но на работу

он вернуться уже не смог. Он помогал дома — колот дрова, а также подрабатывал тем, что из досок колотил гробы, которые в то тяжёлое время «пользовались спросом», т.к. людей умирало очень много. За счёт этого и жили.

В конце декабря 1941 г. — в первых числах января 1942 года папа опять попал под бомбёжку, снова был контужен. После этого слёг окончательно и уже не оправился. Умер 10 января 1942 года. Похоронен 16 января 1942 года в братской могиле на Волковском кладбище в Ленинграде.

Бабушкина мама (Баша Прасковья Максимовна) с 1937 года — инвалид (заболевание сердца), поэтому не могла работать, а была дома «на хозяйстве». Забот по дому было много (больной муж, четверо детей, уборка, стирка, готовка).

Самая старшая сестра — Антонина (Тоня). Родилась в феврале 1926 года. С начала войны работала токарем на заводе и делала снаряды для фронта. Но в ноябре 1941 года в дом, где жила бабушкина семья, попала болванка от снаряда, которая ранила Тоню в бедро. В результате ранения она долгое время не могла ходить.

Моя бабушка (ей тогда было 14 лет) во всём помогала своей маме по дому. Она также ходила отovarивать карточки, за водой, за дровами.

Самые младшие сестры — Валя (10 лет) и Вера (9 лет) в то время были ещё маленькими, находились дома с мамой.

Во время войны на каждого человека полагалась продовольственная карточка. На одну карточку в месяц на одного человека давали хлеб. Но с тяжёлой ситуацией в Ленинграде в то время хлеба давали меньше нормы.

С ноября 1942 года на иждивенцев (дети и неработающие родственники) давали по 125 г. хлеба, рабочим — 250 грамм. Также полагались и другие продукты (крупа, мясо и др.), но в течение ноября — декабря 1941 года, (до открытия Дороги Жизни) кроме хлеба, не давали ничего. Когда открыли Дорогу Жизни, хлеба стали давать уже по 500 грамм на человека.

С водой в блокадном городе было очень плохо. Её практически не было. Жители брали воду в близлежащих каналах, реках. Потом её отстаивали и кипятили. Только после этого употребляли в пищу.

Учитывая, что канализация в городе не работала, и все стоки уходили в водоёмы города, можно только догадываться какого качества была та вода.

В феврале 1942 года бабушкину семью, как потерявшую кормильца, отправили в эвакуацию.

Бабушкина семья в числе других эвакуированных была отправлена с Финляндского вокзала на поезде в сторону Тихвина. После того, как они добрались до последней возможной станции, их отправили на машинах по Ладожскому озеру в г. Тихвин. Всего отправилось около 50 машин. Часть из них до конца не доехала, провалившись под лёд. Моя бабушка и её семья всё это видели, но им повезло, и они благополучно добрались до города.

В Тихвине их покормили, дали отдохнуть. Всё это время их бомбили немцы. Семье снова повезло, они добрались живыми. Пробыв некоторое время в Тихвине, (т.к в первую очередь отправляли составы с военными), бабушкина семья отправилась дальше — на поезде по Северной дороге. Добрались до города Иваново, там дали распоряжение от их поезда на каждой попутной станции отцеплять по вагону.

Их вагон отцепили в городе Шуе Ивановской области. В результате в апреле 1942 года семья оказалась в Шую.

Поступило распоряжение: в каждый колхоз направить по семье. В результате семью отвезли в «Беликовский» колхоз Палехского района.

Там они получили малюсенькую комнату, в которой жили. Сначала постель грели на печке, а потом клали на пол, т.к для кровати места не хватало.

Тоня пошла работать в колхоз, бабушка — в детский сад, её мама — ночным сторожем. Младшие дети находились при старших, в зависимости от того, кто оставался дома.

Паёк от колхоза по тем временам дали очень хороший. Ежедневно на человека давали: — 1 кг. муки, 1 кг. картошки, 1 литр молока. Когда забивали скотину, то также давали по 100 грамм мяса на человека.

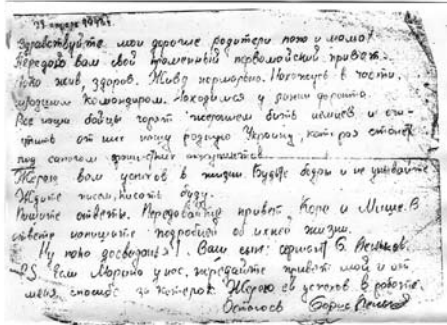
В феврале 1943 года Тоня уехала на учёбу в ФЗУ (фабрично-заводское училище) во Владимир. Так как у неё уже была специальность токаря, в 1944 году её направили на завод «Арсенал».

Остальные находились в эвакуации до августа 1945 года.

ШАРАПЕНКОВ

Эдуард,

13 лет, г. Гатчина

ВОСПОМИНАНИЯ

Когда началась война, моему дедушке было 18 лет. Почти сразу его призвали на фронт. Началась тяжелая фронтовая жизнь. Дедушке приходилось жить в землянках. Однажды во время бомбежки снаряд попал в землянку. Солдаты в панике

пытались выбраться из нее, но ничего не получалось. Тогда товарищи стали прощаться друг с другом, но снаряд не разорвался. Мой дедушка чудом остался жив. Сейчас он живет в деревне Воскресенское и старается не вспоминать о тех страшных событиях.

ШЛЯМИНА

Диана,

17 лет, д. Батово

Я родилась в 1992 году в городе Воронеже. А с 2001 года живу в деревне Батово. Здесь живёт моя бабушка **Гарбузова (Рощина) Мария Ефимовна**. Она проработала на птицефабрике «Заводская» птичницей с 1970 по 1985 год. Родилась она 1 октября 1923 года в городе Смоленске. Годы её юности совпали с суровыми испытаниями для нашей Родины. Бабушка делилась со мной своими воспоминаниями о Великой Отечественной войне. Мне захотелось узнать, как в те военные годы жили солдаты, кто воевал за Родину с оружием в руках. С каждым днём ста-

новится всё меньше и меньше ветеранов Великой Отечественной войны. Об одном из них я хочу рассказать.

Кто знаток родной природы?

Кто кудесник всех лесов?

Кто прожил большие годы?

Кто служить еще готов?

Кто пример для молодых?

Кто по дереву ваятель?

Кто напишет быстро стих?

Кто любимый наш приятель?

Кто ударник по работе?

Кто сведет тебя в грибы?

Кто расскажет об охоте?

Кто чай сварит из травы?

Кто поймает вас на пленку?

Кто запишет птичий гам?

Кто придумает землянку?

Кто кочует по ночам?

Кто радушно нас встречает многочисленных друзей?

Всех обильно угощает кто с Тamarою своей?

Кто утрет любому нос, если он на лыжи встанет?

Кто да кто – вот в чем вопрос!

Для ответа миг настанет.

Ответ мой прост – мои скрижали наверно это подсказали:

Герой стихов – Давыдов мой

Товарищ всем нам дорогой!!!

Этот удивительный человек – **Давыдов Борис Федорович** – жил в деревне Батово. Родился он в д.Грязно 14 марта 1924 года. В семье было четверо детей – Борис Фёдорович и три его сестры: Люба, Женя и Лида. Потом отец перевёз семью в Лампово. Служил отец Бориса Федоровича в первой летной школе. Считал, что служить в армии почет, но, к сожалению, рано погиб.

Борис окончил Дружногорскую школу. В

1939 году поступил на работу – помощником топографа – «ходил с ногой». Студентка-топограф научила его, до всякого дела интересующегося. Он был освобождён от армии по зрению – «белый билет», но всё равно воевать пошёл добровольцем в 1944 году – с момента прорыва блокады Ленинграда. Вот как это было: в 1944 году Борис Фёдорович поехал устраиваться на работу, на почту, но патруль его задержал и отправил в военкомат. Он начал воевать в г.Гатчине. Однажды приехал генерал и сказал старшине о солдате Давыдове: «Грамотный рядовой – руководил ротой, дать звание сержанта», – и он стал помощником старшины, заодно служил писарем.

Однажды Борису Федоровичу дали увольнение на три дня, за участие и победу в лыжных гонках, чтобы он встретился с семьёй. Борис Фёдорович на лыжах дошёл до д. Лампово. Младшая сестрёнка Лида училась тогда в 8 классе в Дружной Горке. Завуч школы, которая преподавала географию, позвала Бориса Фёдоровича к себе в кабинет. Он пришёл в школу в гимнастёрке и с автоматом. Поезда ходили редко, поэтому если удавалось, доезжал на подножке попутного поезда. Все удивились, он на лыжах в обратную дорогу дошёл до Ленинграда!

В дальнейшем он служил в 189-й Кингисеппской Краснознамённой дивизии, 880 полк. Когда освобождали г. Кингисепп, при минометном обстреле у железнодорожного полотна на Псков взорвавшаяся мина оглушила Бориса Фёдоровича. Он ослеп на правый глаз и оглох на правое ухо. Но все же Борис Федорович – командир роты автоматчиков прошагал с оружием в руках через Нарву, Таллин, Ригу. Далее были желтые пески Монголии, ехал с Японией воевать, но его вернули в Берлин. С будущей женой Тамарой Георгиевной он познакомился в 1944 году в Германии, где она служила поваром в строевой дивизии. После войны Тамара Георгиевна работала на заводе «Дружная Горка» вымеряльщицей. Хорошая женщина, прекрасная хозяйка всегда была рада гостям в доме, встречая их пирогами. К сожалению, она уже умерла.

Борис Федорович в 1965 году устроился работать кочегаром птицефабрики «Заводская». Из Лампово приезжал на мотоцикле «Ява». Потом получили квартиру и переехали жить в Батово.

Борис Федорович награжден наградами: орден Славы 2 степени, «За победу над Германией в 1945 году», «Победитель Соцсоревнований» в 1977 году и другими.

Борис Федорович рассказывал нам о своих родственниках. Сестра его матери Высоцкая Прасковья Филипповна всю блокаду прожила в Ленинграде, умерла после прорыва блокады, когда дали хлеба больше, то ее ослабленный организм не выдержал. Сергей Александрович Высоцкий, двоюродный брат, родился в 1931 году, сейчас живет в Москве. Он писал:

*«Я родился на свет мечтателем
И мечтателем я умру,
Может, буду потом писателем,
Может нет, но свое найду..»*

Рос Сергей Александрович в д. Лампово, окончил школу в Дружной Горке. Сейчас он известный писатель, был главным редактором журнала «Огонек». Часто посещал родные места, в некоторых его произведениях события происходят в знакомых нам окрестностях, а герои напоминают здешних жителей.

Борис Федорович увлекался выжиганием по дереву. У него в квартире все шкафчики украшены сюжетами из жизни леса, знатоком и большим любителем которого он был. Так получилось, что своих детей у Бориса Федоровича не было, но он делился своим талантом и умением с теми, кому по нраву это нелегкое, но такое красивое ремесло. Его работы по дереву экспонировались в музеях городов Гатчины, Ивангорода, Санкт-Петербурга. Часть его работ и книг о природе хранится в Батовской библиотеке.

Он писал замечательные стихи о природе, выступал перед школьниками. Блокнот со стихами, гимнастёрка, пилотка и медали Бориса Федоровича хранятся теперь в музее-усадебке «Рождествено». Общение с ним радовало сердца людей. Это был светлый и добрый человек. Земляки Бориса Федоровича гордятся им и помнят о нем. У него было много друзей. Один из них, поэт А. Ранин, писал о нем так:

*«И нередко в болотах ночует,
Видно там эликсир для него.
Лес духовно Бориса врачует,
Родники исцеляют его».*

Кто только ни бывал в этой однокомнатной маленькой квартире на первом этаже! Каждый житель деревни Батово знал эту квартиру-музей. Сидя в центре комнаты у круглого стола, можно было увидеть картины самые разные — медведи, журавли, тетерева, Мазай и зайцы, сцены из русских сказок и сказок А.С. Пушкина. Слушать было интересно, потому что к каждой картине у него своя присказка.

14 марта этого года Борису Федоровичу исполнилось бы 86 лет, он умер 23 декабря 2003 года. В Батовской библиотеке хранится память о добром, жизнерадостном человеке, интересном читателе.

ЯКУНИН

Глеб,

8 класс, г. Гатчина

БУДУ ПОМНИТЬ

Я позвонил бабушке и спросил его о моих родственниках, которые участвовали в Великой Отечественной войне.

Вот их имена: **Дервянко Семён Ильич, Демченко Иван Семёнович, Назаренко Ольга Семёновна.**

Дервянко Семён Ильич прошёл войну рядовым с первого дня до последнего, без ранений. Повезло, счастливый случай.

Демченко Иван Семёнович был командиром танковой пехоты. Сражался на Курской Дуге. Потерял при этом руку.

Назаренко Ольга Семёновна в 15 лет отправлена в Германию на принудительные работы.

Вечером, когда вернулся домой папа, он рассказал про своего деда, который был участником двух войн.

В Первой мировой он служил в егерском полку его Величества Николая, а во Второй — рядовым в пехотном полку. Не один раз был ранен, попал в плен. К сожалению, по возвращении из плена попал в советский лагерь, где отбывал срок из-за того, что оказался военнопленным. Вернулся в 1948 году, женился и имел 8 детей. А звали его **Якунин Григорий Михайлович.**

**“ЦВЕТУТ НЕЗАБУДКИ
У МРАМОРНЫХ ПЛИТ...”**

АЛЕКСАНДРОВ (Подольский)

Сергей,

58 лет, п. Сиверский

член ЛИТО «Сиверское братство»

ГЕРОЯМ БАЛТИКИ

За стальным бортом ни звука
И, закутавшись во тьму,
Прилегла на грунте «Щука»
С дифферентом на корму.
Погибаем незаметно,
Глубина нас приняла,
Сорок два холодных метра
Цвета мутного стекла.
Напрочь сорвана антенна,
В кубрике воды по грудь
И балластную цистерну
Не удастся мне продуть.
Курс на карте засекречен,
Не найти так просто нас.
Что там – утро или вечер –
На поверхности сейчас?
За массивной крышкой люка
Притаилась темнота,
Полчаса не слышно стуков
Из центрального поста.
Звон в ушах звучит сильнее
И ещё трудней дышать,
Форменка уже не греет,
Тусклый свет моргнул опять.
До конца верны присяге,
Нами выполнен приказ.
Всё. Нет места на бумаге,
Отомстите же за нас!

Ветер Балтики крепчает,
Чайки плачут в вышине,
Гребни бережно качают
Бескозырку на волне.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО. ИЮНЬ

Гитаре над Бугом не спится,
Разносится пение струн.
Восток багровеет зарницей.
Воскресное утро. Июнь.
Украшен гриф шёлковым бантом,
Ремень жёлтой кожи потёрт.
Как ласково руки сержанта
Берут за аккордом аккорд.
В далёкой рязанской сторонке,
Где липы так пышно цветут,
Быть может услышит девчонка,
О чём эти струны поют?..
Но глухо рокочут моторы,
С треноги глядит пулемёт,
И режут колючку сапёры,
Готовя для танков проход.
И утром в снарядной воронке,
Обмотанный грязным бинтом,
Он имя той славной девчонки
Шепнёт окровавленным ртом.
С собой его смерть повенчала
В одной из жестоких атак,
И вскрикнет прощально гитара,
Попавши под танковый трак.
Всё стихло. Лишь с неба струится
Неясная белая лунь.
На западе сполох зарницы.
Воскресное утро. Июнь.

БАЧУРОВ

Денис,

4 класс, п. Сиверский

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

У меня есть очень интересная книга о Великой Отечественной войне «Оружие Победы».

Эта книга о войне и об оружии, с которым воевали русские солдаты. Ведь за 1418 дней Великой Отечественной войны жизнь советских солдат и матросов зависела от брони и оружия, разных боевых машин, от мужества и мастерства их экипажей и расчетов. Но самым главным оружием русского солдата во все времена оставались вера и молитва.

Именно сила духа русского народа и благословление церкви помогли выстоять и победить в этой войне. Кто, как не Бог дал силу воли и сопротивляемости солдату, кто дал талант инженеру и невероятную работоспособность рабочему, ковавшему оружие победы, кто дал талант полководцу, сумевшему наконец-то находить единственно правильные победные решения.

В непростой обстановке первых дней войны Сталин не нашел в себе сил обратиться к народу, сделав лишь спустя десять дней. А митрополит Сергей не колебался – в первый же день войны, в воскресенье, в день памяти всех святых – он благословил всех православных на защиту священных границ нашей Родины, настойчиво, напоминая им о долге следовать примеру святых вождей русского народа – Александра Невского и Дмитрия Донского.

На более чем 300 миллионов собранных церковью рублей было построено 40 танков Т-34-85. В книге описываются и мужество нашего народа, и милосердие медсестер. Здесь описаны случаи, как именно в страшной смертельной ситуации человек вспоминал Бога и просил помощи. Как чудом не только выстояли под Сталинградом, но и победили, как отстояли Ленинград и Москву, как громили фашистов под Курском и Киевом,

Варшавой и Берлином.

В этой страшной войне Советский Союз потерял 27 миллионов человеческих жизней. Но с Божьей помощью победа была за нами. Пасха в 1945 году совпала с днём памяти великомученика Георгия Победоносца – 6 мая. Он и является святым покровителем нашего полководца Георгия Жукова (верующего человека). 9 мая закончилась война. Парад Победы был назначен на 24 июня – День Святой Троицы.

Вот и вывод. Все происходит по Божьей воле.

Мне очень понравилась эта книга, в ней написано много достоверной информации.

ВАЛЬКОВА

Ирина,

8 класс, п. Сиверский

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ

*Опять жара, опять июнь,
На фото старом, пожелтевшем
Стоит старик седой, как лунь,
И провожает сына в спешке.*

*Они прощаются навек,
А говорят лишь: «До свиданья!»
Не знают, сколько еще лет
Продлятся тяжкие страданья.*

*Мальчишка рыжий, конопатый,
Десятиклассник-выпускник,
В шинели серой, с автоматом
Уже в грузовике сидит.*

*Мелькают города и хаты,
Дорога будет нелегка,
А он смеется, забывая,
Что рядом с ним идет война.*

Как вдруг приказ: «Всем окопаться,
Над нами мессеримитт кружит».
Все парни в первый раз боятся,
Ну а потом решают жить!

Берут винтовки, автоматы,
Гранаты, мины, пулемет,
И не мальчишки, а солдаты
Бьют немцев так, что сердце жмет!

И вот мальчишка рыжеватый
В последний... первый бой идет
Старик-отец сидит у хаты,
Еще надеясь, сына ждет.

Уж наши дни, жара, июнь
И неизвестная могила,
Гвоздики алые цветут,
Страна героя не забыла!!!

ВИНОКУРОВА

Светлана,

61 год, п. Сиверский

член ЛИТО «Сиверское братство»

ТЫ В БЛОКАДУ БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ

Ты в блокаду был мальчишкой,
Ведь родился в тридцать пятом, по весне.
Твой отец погиб на финской,
На чужой, заснеженной войне.

Трудно было слёзы замерзали
В голубых мальчишеских глазах,
И краюха хлеба часто снилась
В маминых натруженных руках.

Страшные гремели артобстрелы,
И погибших нам не сосчитать.
Как ты выжил, даже Бог не ведал –
Самому сегодня не понять.

Но душа мальчишки не сгорела,
Обрела надежду, веру вновь.
В сердце у него любовь воскресла
К жизни сильная и верная любовь.

ТИШИНА.

Памяти моряков, погибших на *Вороньей горе*, станция *Можайская*.

Тишина на *Вороньей горе*, тишина.
Здесь на этой земле грохотала война.
И снаряды летели на город родной.
Всё пылало вокруг...
Но стоял город мой!
Помнить будем всегда моряков и солдат,
Что тебя отстояли, родной Ленинград.
Мы цветы к их могилам с любовью несём,
Поминальные свечи сегодня зажжём...
Тишина на *Вороньей горе*,
Тишина.

ПЕСНЯ «ЗАПИСКА ИЗ СОЛДАТСКОГО МЕДАЛЬОНА»

Посвящается *Толчину Николаю Гавриловичу*, без вести пропавшему в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.)

Стихи поэта **Сергея Александрова (Подольского)**
Музыка композитора **Евгения Пестрикова**.

Над серым утренним болотом
Так низко облака скользят.
А на стволе у пулемёта
Шипели капельки дождя.

*С болота резко пахнет тиной,
Туман, не разглядеть руки,
Шинель и каска в рыжей глине,
В болотной жиже сапоги.
Воды давно уж нет во фляге,
ловлю я жадно капли ртом
Приказ один – Назад ни шагу!
Напрасно помощи здесь ждём.
Ведём бои мы на плацдарме,
Что полит кровью и свинцом,
Под знаменем Второй ударной
За плотным вражеским кольцом.
Ракета вновь след дымный чертит,
Сейчас поднимутся опять!
А в восемнадцать лет, поверьте.
Так не хотелось умирать.
Лежать нам здесь в могиле братской
(Как эта истина проста),
Не заслужив звезды солдатской
И православного креста.
Родным, вестей так долго ждавшим,
Придёт по почте полевой
Три слова: «Без вести пропавший»
О всех, кто вместе был со мной.
Шинели серые так близко,
Туман скрывает их по грудь...
Мою посмертную записку,
Прошу, найдите кто-нибудь.*

ГАЖЁВ

*Борис
Наумович,*

*73 года, п. Сиверский
житель блокадного Ленинграда,
доктор медицинских наук, профессор,
академик Международной Академии
наук экологии и безопасности жизне-
деятельности.*

ОБЕЛИСКИ НА МАРУХСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Посвящается памяти погибших защитников Марухского перевала, успешно отразивших все атаки превосходящих сил противника из элитной горнострелковой дивизии Вермахта «Эдельвейс»

*На Марухском горном перевале
галдят туристы, пьют вино.
И обелиски рядом... Что ж такого?
Война закончилась давно.
А здесь в далеком сорок третьем
для вражеских стрелков преградой стал
заснеженный в горах Кавказа
Марухский этот перевал.*

*К чужому морю за горами
рвались альпийские стрелки,
обученные, сильные ребята,
в горах уверенны, надежны и крепки.*

*Они прогулки легкой ожидали:
три тыщи метров – это ж ерунда.
По горным тропам весело шагали,
победу предвкушая, как всегда.*

*Уже пьянила скорая победа,
у них без шнапса головы хмельны.
Разбить бы этих русских до обеда.
Известно немцам – силы не равны.*

*Да, это так, да, русских меньше,
и меньше опыта у них,
но не было неравенства в той схватке,
поскольку каждый дрался за троих.*

*Грузины, русские, армяне,
украинцы, евреи – весь народ
представлен был на горном перевале
в военный этот сорок третий год.*

*Они в бою патронов не жалели,
сражались до последнего конца.
Снега и скалы кровью здесь алели,
и бились в унисон солдат сердца.*

*Да, на Марухском перевале
была цена победы велика,
но память о бойцах погибших,
как эти горы, высока.*

*Нет, не пустили немцев к морю,
и в Закавказье им не быть.
На наши горные вершины
не получилось восходить.*

*И эдельвейс, цветок удачи,
стрелкам альпийским не помог.
Сполна здесь получили сдачи
от тех, кто Родину берег.*

*Сидят туристы на морене,
поют, хохочут, пьют вино.
А обелиски? Это память о том,
что было здесь на так уж и давно.*

*Не грех, что пьют и что смеются,
им помянуть бы надо тех ребят,
которые в горах погибли
и здесь порой забытые лежат.*

*Суров Кавказ, безмолвны гор вершины...
они уж точно в памяти хранят
поток свинца и снежные лавины,
из боя не вернувшихся солдат.*

*ГЕРАСИМОВА
Татьяна,
7 класс, п. Дивенский*

ЭХО ВОЙНЫ

*«И пусть не думают, что мертвые не слышат,
когда о них потомки говорят»*

Н. Майоров

Впервые о Великой Отечественной войне я узнала, когда была совсем маленькой. О ней мне рассказывала моя бабушка, потом, позднее я читала книги о войне, смотрела фильмы. Но, наверное, самый глубокий след в моей душе оставил рассказ о концлагере, который находился во время войны в нашем поселке Дивенский. Страшно представить себе, что несколько десятков лет назад по этой самой дороге, по которой я хожу в школу, шли немцы, ехали вражеские танки. Я ходила смотреть то место, где находится концлагерь. Сейчас ничто не напоминает о нем. Трудно представить, что здесь был лагерь,

обнесенный колючей проволокой, часовые с автоматами на вышке, а внутри узники – обтянутые кожей скелеты, обмотанные тряпьем. Пошатываясь от голода, они каждый день выходили на работу, а кто не мог идти, того избивали и бросали на нары.

Сейчас мы не знаем, что такое голод. А тогда люди ели ба-ланду, искали картофельные очистки. Хлеб считался сказочным богатством. Когда наступала весна, женщины пекли лепешки из травы, смешанной с опилками.

Очень страшно было услышать о том, что одну девушку, находившуюся в лагере, за попытку к бегству, закопали заживо в землю, и о том, как она кричала: «Люди, кто останется жив, скажите, что я Катя из Пустыньки!». Об этом невозможно даже говорить. Я думаю: «Сколько же лет было этой девушке? Наверное, она была старше меня на какие-то пять лет. Она совсем не успела пожить на нашей земле. Она больше никогда не увидит зеленой травы, солнца, белоствольных берез у дома. По воспоминаниям очевидцев, каждый день из лагеря выезжала телега с мертвецами (по 10–15 человек) и гроыхала в сторону кладбища, где умерших скидывали в окопы, вырытые на краю кладбища. К сожалению, точного места захоронения не известно.

Каждый год 9 мая мы (школьники и ветераны) ходим на могилу Неизвестного солдата и отдаем дань памяти всем погибшим. Обычно этот день выдается теплым и солнечным. И, стоя у обелиска, думаешь, сколько же жизней унесла эта проклятая война.

Я очень хочу, чтобы вражеская нога никогда не топтала мою родную землю, и чтобы над нашей головой всегда было ясное небо. Пусть всегда на земле будет мир!

ГРИНЕНКО

Жанета

Александровна,

п. Елизаветино

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

*Я помню ночи звон в ушах,
как на заливе в камышах,
и цифры на ладошке «кто за кем»,
в пульсирующем кулаке.*

*Я помню ночи звон в ушах
и жуть рассказов о мышах,
что хлеб съедят, забудешь номер,
что кто-то в очереди помер.*

*Я помню ночи звон в ушах,
и, как я в кулачок дышал,
в котором карточки держал,
и не заметил, как разжал.*

*Я помню ночи звон в ушах
и каждый, как последний шаг,
с которым нес домою весть,
что месяц хлеба нам не есть.*

*Я помню ночи звон в ушах
и, что я просто не дышал,
при мысли о пятерке ртов,
где каждый черта съесть готов.*

*Я помню ночи звон в ушах,
и, как взметнулась ввысь душа,
в тех восемнадцати квадратах,
которым все мы были рады.*

*Я помню ночи звон в ушах,
когда пустой кулак разжал,
меня схватила крепко мать,
чтоб тотчас небу не отдать.*

ЖИВОДРОВА

Зинаида

Ивановна,

69 лет, п. Рождествено

член ЛИТО «Сиверское братство»

У МЕМОРИАЛА

*Я в Москве, у Святого огня,
И ничуть не смущает меня,
То, что слезы текут по щекам,
Вытираю их просто руками,
Представляю весь ужас, войну,
И бойцов, отстоявших страну.
Где-то в Польше, средь высоток и рвов,
Окончил войну в 45-ом майор Живодров.
Похоронен он в городе Лиссы,
Что там? Крест? Обелиск?
В Рождествене столько узников пало!
Склонив голову у мемориала,
Как у могилы Неизвестного Солдата,
В Москве я стояла когда-то.
Я несу полевые цветы –
Как будто, отец,
Похоронен ЗДЕСЬ ТЫ!*

ЗАСЕДАТЕЛЕВА

Анна,

14 лет, г. Гатчина

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ И СЛАВЫ

(по прочитанному стихотворению о Великой Отечественной войне
Иосифа Уткина «Затишье»)

*«Он душу младую в объятиях нес...»
(М.Лермонтов)*

*Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.
Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.*

*Вслед за песней выстрел треснет,
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.
Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...*

Хочу рассказать о своих впечатлениях о недавно прочитанном и выученном мной стихотворении Иосифа Уткина «Затишье».

Как это не печально, но все же нельзя промолчать и не сказать ещё раз, что война – самое последнее дело на земле. Из-за войны гибнут невинные люди, гибнут те, которые не имеют никакого отношения к ней.

В стихотворении Иосифа Уткина «Затишье» описана всего одна минута войны, но эта минута позволяет понять, что значит война. В этом стихотворении как раз и говорится о том, что погибали самые простые люди.

В начале стихотворения «Затишье» говорится о том, что вдалеке поет девушка, она мечтает о том, чтобы война поскорей закончилась, и ее семья и любимые остались живы. Но вдруг:

*«Вслед за песней выстрел треснет –
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны».*

Зачем? Зачем убивать девушку, зачем вообще убивать кого-то? Каждый имеет право на жизнь, и почему кто-то в праве

лишать другого жизни? На эти вопросы нет логичного объяснения, на них никто не может ответить ещё с давних времен.

В конце стихотворения прозвучат такие слова:

*«Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...»*

Эти слова напоминают мне ещё раз обо всей ненужности войны, о ее ужасах, о боли, о страданиях...

А сколько было таких «лермонтовских ангелов», которые не удержали душу в руках! И виноваты в этом не ангелы, а люди, злые люди...

В заключение хочу добавить, что это стихотворение, может, и не самое известное о войне, но оно очень затронуло мою душу и оставило там след...

ЗНАМЕНСКАЯ

Кристина,

6 класс, п. Пудость

ВETERАН! НЕ НАДО ПЛАКАТЬ.

*О чем мы думаем в тиши
У холма могилы братской?
С грустью мы стоим, молчим.
Ветеран, не надо плакать.*

*Про войну мы много знаем:
Всех ее крыло коснулось.
Всем героям нашим слава!
Память тем, кто не вернулся.*

*Защищали, как могли,
И сквозь битвы прогрызаясь,
Уберечь страну смогли,
«До последнего» сражаясь.
И фашисту не достались
Города, поля, леса.
Вы Державу отстояли,
Уничтожили врага!*

*Ваши раны, кровь и смерти,
Ваше громкое «Ура!»
Будут помнить наши дети,
Не забудем никогда!*

*Даже тех, кто не вернулся,
Будем помнить мы всегда.
Всех и каждого коснулась
Та проклятая война!*

*О чем мы думаем в тиши
У обелиска в День Победы?
О том, чтоб не было войны,
Чтоб голубое было небо.*

*Ветеран! Не надо плакать!
Не терзайся, не кляни.
Лет прошло уже немало,
За погибших поживи!*

НЕ ИГРАЙТЕ В ВОЙНУ!

*Играют мальчики в войну.
Стреляют пистолетами,
А я играть так не хочу,
Не нравится мне это.*

*Я много книжек прочитала
И много видела в кино,
Как много жизней пожирала
Войны фашистское нутро.*

*Кровью землю пропитала
Кровожадная «страда».
Сколько жизней отобрала
Ненавистная война.*

*Горе, слезы, плач и стоны,
Искалеченные судьбы –
Это все приносят войны!
Не играйте в эти игры.*

ИЗ РАССКАЗОВ БАБУШКИ ЕЛЕНА

*Из заданья возвращался
Партизанский командир.
Он дорогой пыльной, грязной
Возвращался в темный лес.
А навстречу девочка в рваных башмаках,
Той дорогой пыльною заплаканная шла.
«Ты откуда, милая? Слезы на лице.
Кто тебя обидел? Мама твоя где?»*

*Посмотрела девочка, громко зарыдала,
Тонкими ручонками слезы вытирала:
«Там за этим лесом домик мой стоял,
Там я с мамой, папой весело жила.
Вот однажды папа воевать ушел,
А враг пришел проклятый,
Домик мой поджег.
Мамочку родную беспощадно бил,
А потом под утро
В сердце подстрелил.
Он хотел у мамочки тайну разузнать,
Где отряды прячутся красных партизан.
Не сказала милая, муки приняла.
Я успела выскочить. Убежала я.»
Слезы покатались из детских глаз ее,
Сердце командира кровью облилось.
«Ты не бойся, Неженка»,
И коня позвал.*

*На коне скакали целый день они,
Потом засверкали яркие огни.
Так осталась девочка в отряде партизан;
Звали ее «Неженка», как командир прозвал.
Годы пролетели, кончилась война.
А Неженка-Елена?!
Выросла она. Народились дети, внуки подросли,
О славном командире рассказывала им.
И, с грустью вспоминая, русского бойца,
Себя порой ругая, что адрес не взяла,
Но помнит и гордится, что в стране родной,
Что бы не случилось – защитники с тобой.*

ЗНАМЕНСКАЯ

Элона,

7 класс, п. Пудость

ЛЕНИНГРАДУ

*Вспомним тихо Ленинград,
Время то далекое,
Когда под грохот канонад
Судьба была нелегкая.
Когда сражались как один,
И старики, и дети,
И не было совсем еды.
А были только смерти.
Кусочек хлеба на три дня
Делили, как умели.
И клей столярный был – еда.
Как жить они хотели!
А мерзли как в пустой квартире?
Сожгли, что можно, уж давно,
И мерзли старики, грудные...
Но победили все равно.
Не сдался гордый Ленинград,
Выстоял блокаду,*

*И много жизней потерял
И Жизнь была наградой.
Вспомним тихо Ленинград,
Время то далекое,
Когда под грохот канонад
Была судьба нелегкою.
Мы низко в пояс поклонимся
Тем, кто не выжил и живой.
И знайте, вами мы гордимся,
Мы с вами сердцем и душой.*

ИСАЕВ

Егор

Васильевич,

74 года, п. Пудомяги

Я БЫЛ НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ

*Отшумели суровые годы,
Отгремела большая война.
Молодым очень трудно поверить
Какой она страшной была.*

*Им неведомы были землянки,
Ни голод, ни боли до слез.
Из книг и кино только знали,
Что советский народ перенес.*

*Заплыли, заросли все окопы,
Что служили защитой бойцам.
Также стали кладбищем вечным
Нашим братьям, друзьям и отцам.*

*Вот на Малой, где гибли матросы
И взлетала земля в небеса,
Где осколками скошены сосны,
Поднялись домов корпуса.*

*Здесь растут очень чахлые травы.
Видны ямы, окопы кругом.
Гибельны были сюда переправы
На помощь бойцам под огнем.*

*Пусть про Малую Землю все знают,
Про Цемесскую бухту, вагон,
И погибших не забывают.
Вода здесь горела огнем.*

*Благодарны потомки им вечно
За победу над страшным врагом
И мы будем любить безусловно
Свою землю и все что кругом.*

*Перед вами, живыми клянемся:
Вечно помнить погибших в боях.
К своим правнукам с просьбой вернемся
Быть защитой в российских делах.*

1978 г.

КИСЕЛОВА

Лариса,

42 года, п. Сиверский

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ СОЛДАТА

Ветеранам Великой Отечественной войны

*Им бы годы вернуть молодые,
Хоть на миг повернуть время вспять,
Чтобы в жизни заботы другие...
Но их боль ни за что не унять.*

*Их судьба: ее поступь несладка,
Разделила на тех... и живых,
Что отдали себя без остатка
За Россию в полях боевых.*

*В той войне, что гнала от границы,
Где под натиском вражеских сил
Родились те Слова под столицей,
Что как «отчество» каждый носил.*

*Со знаменами и орденами
Шел к победе простой человек...
Никакими большими делами
Нам наш долг не отдать им вовек.*

*Неужели случится когда-то,
Что останется только в Огне
Светлый образ родного солдата,
Защитившего жизнь на земле?*

КОНДРАТЬЕВА

Анна,

10 класс, п. Пудость

НАХОДКА В ЛЕСУ

*Чуть шелестит листок березовый,
И не слышны шаги мои.
Красивый чистый подберезовик
Склониться просит до земли.*

*Я наклонюсь к земле,
Траву рукой расправлю
И вздрогну: рядом у ствола,
Покрыта пылью, а не славой,
Погибшего солдата каска прилегла.*

*Я каску подниму, смахну травинки,
Вот след от пули роковой.
Наверно, здесь упал он, у тропинки.
Отсюда не вернулся он домой.*

*И дети без солдата повзрослели,
И внуки старятся уже,
А память о солдате сохранилась
На том последнем рубеже.*

*Я перед каской на колени
В притихшем опускаюсь лесу,
И осторожно, как святыню,
В музей я каску отнесу.*

У СОЛДАТСКОЙ МОГИЛЫ

*Над солдатской могилой березка росла,
Ветер листья ее колыхал, как тогда...
Когда здесь полыхала война,
Под березкой солдат умирал.*

*У него на плече ружье со штыком,
На руках его алая кровь,
И никто в тот момент не подумал о том,
Что не сможет подняться он вновь...*

*Это будет потом: санитары придут,
Над собой он услышит: «Живой!»
На носилки уложат, в санбат унесут,
Отвоюют у смерти лихой...*

*Много лет промелькнуло и зим пронеслось.
Вновь стоит под березкой солдат.
Поклониться погибшим ему довелось,
Что упали здесь вечность назад.*

*И цветы на могиле солдатской цветут,
И детишки застыли в строю.
Молодые солдаты салют отдают...
И горячие слезы текут...*

КУЛЬКОВА

Валерия,

4 класс, п. Дружная Горка

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Больше не вспоминайте эти слова:

Сражение, битва и война.

Иначе все начнется снова,

Или превратится в сюжет нового сна...

Счастливо надо жить,

Да воспоминания мешают.

Может попытаться их забыть?

Нет, об этом вспоминают.

ЗАВЕТНОЕ ПИСЬМО

В маленькой деревушке жила баба Галя. Муж ее служил и воевал, но она никому о нем не рассказывала, потому что он так и не вернулся с фронта.

Однажды к ней пришли ребяташки, которые учились в деревенской школе. Им нужна была какая-нибудь информация для школьной стенгазеты о солдатах, которые воевали.

— Так у вас есть что-нибудь? А то нам еще шестнадцать домов обходить, — спросил Петя (самый старший из них).

Баба Галя задумалась. Она не знала, рассказывать или нет. Но все-таки решила сказать:

— Наверное есть, я сейчас посмотрю, — и полезла в свой огромный шкаф.

— Извините, но вы не могли бы побыстрее?! — спросил Ваня.

— Да-да. Нам до заката успеть надо, — поддакивала Даша.

Бабе Гале это не понравилось, но все-таки она показала маленькую фотографию своего мужа. Он был в очень красивой форме и фуражке.

— А что это за треугольник, там сзади? — спросила Даша.

— Раньше не было конвертов, поэтому придумали так складывать письма, — ответила баба Галя.

— А вы можете нам его прочитать? — спросил Петя.

— Хорошо слушайте: «Здравствуй, моя дорогая! За меня не беспокойся, все хорошо. Конечно, мне бывает страшно, но я сразу вспоминаю о тебе, и у меня на душе птички поют и бабочки летают! Еды дают немного, но я уже привык. Вот недавно портки порвались... С любовью, муж».

— Хорошее письмо... — прошептала Даша.

— А кроме письма есть еще что-нибудь? — спросил Петя у бабы Гали.

— Да, вот несколько медалей. Только я вам их не отдам, можете сфотографировать, — с улыбкой сказала баба Галя.

— Огромное спасибо! — поблагодарил Иван.

— На здоровье, у вас еще все впереди. — прошептала баба Галя.

После того, как все ушли, баба Галя долго рассматривала все медали. Вдруг по ее щекам покатились слезы. Она понимала, что война сделала с ее мужем, и то, что его уже нет в живых.

КУШНЕР

Александра,

5 класс, п. Сиверский

Отзыв о книге Елены Ильиной «Четвертая высота»

Книгу «Четвертая высота» написала Елена Ильина. Эта повесть рассказывает о Гуле Королёвой — героине Великой Отечественной войны, о её детстве, школьных годах, о её юности. Интересно было читать о том, как Гуля побывала в Артеке, как снималась в кино, как она воспитывала, «вырабатывала» свой характер, преодолевая свои высоты.

«Несколько месяцев боролась Гуля с географией, историей, алгеброй, а главное с собой». «И больше всего мне хочется участвовать в каком-то трудном, серьёзном деле, хочется бороться, встречаться с разными людьми, ездить и ходить по нашей стране» — так говорила Гуля.

Я понимаю, что эта книга так названа потому, что главная высота в короткой Гулиной жизни — четвёртая, последняя, самая героическая, самая благородная — она отдала свою жизнь за Родину, за будущее.

Автор произведения хочет нам сказать, что мы должны любить Родину так же, как Гуля, быть такими же стойкими и выносливыми,

Мне хочется хоть немножко быть похожей на героиню повести, быть такой же сильной. Мужественной, обладать силой воли и жизненной энергией.

МИТЮШКИНА

Надежда,

19 лет, п. Пудомяги

ОТЗЫВ О ПОВЕСТИ В.В. БЫКОВА «ОБЕЛИСК»

Василь Владимирович Быков стал участником войны в семнадцать лет. Было военное училище, был фронт. Поэтому писатель не на словах, знает, что такое война. Василь Владимирович был ранен, его имя даже осталось на одной из братских могил тех лет, так как он значился без вести пропавшим.

Его повесть звучит как реквием тем учителям, которые разделили все горести и тревоги, и даже смерть вместе со своими учениками. А именно в повести «Обелиск» писатель обращением к минувшим и военным годам не исчерпывает содержание произведения. Он стремится рассмотреть судьбы тех, кто погиб в войну, и тех, кто выжил, но продолжает чувствовать себя бойцом. Бойцом за справедливость, за восстановление имен и подвига погибших. Ведь если наше поколение будет помнить, будет осознавать жертвенность героев войны, будет чтить и уважать их подвиг, то уже хотя бы поэтому можно сказать, что они погибли не зря.

В повести автор рассказывает об учителе и его учениках, погибших во время войны. Один из его учеников — Павел Ми-

клашевич, чудом спасшийся в те дни арестов и казней, чуть ли не всю оставшуюся жизнь потратил на то, чтобы имя Мороза было запечатлено на обелиске над именами пятерых погибших учеников.

Мороз был простым учителем, когда началась война. В произведении ведется спор Ксендзова и бывшего комиссара Ткачука в день похорон Миклашевича, который, как и Мороз, стал учителем в сельской школе, и уже одним этим доказал свою верность памяти Алексея Ивановича.

Возможно, кто-нибудь из скептически настроенных читателей, как и Ксендзов, спросит: а собственно, был ли подвиг? Ведь учитель Мороз за войну не убил ни одного фашиста? Это, во-первых. Кроме того, он работал при оккупантах, учил, как и до войны, ребят в школе. Несправедливость подобного сомнения очевидна. Ведь учитель явился к гитлеровцам, когда те арестовали его пятерых учеников, и потребовал прихода его, Мороза. В этом и есть подвиг.

Правда, в самой повести автор не дает однозначного «да-нет» на этот вопрос. Он хочет, чтобы читатель сам почувствовал все то, что чувствует он к этому событию, он не навязывает свое мнение. Он просто вводит две позиции: Ксендзова и Ткачука. Ксендзов как раз убежден, что подвига не было, что учитель Мороз не герой. Но уже в конце повести лично мне становится ясно, что он, скорее всего, начал осознавать героизм учителя Мороза. Комиссар же Ткачук знает большее: он проник в нравственную сторону поступка Мороза «Не будем учить мы — будут оболванивать они» — вот принцип, который ясен учителю, который понятен и Ткачуку, присланному из партизанского отряда. Оба они познали истину: борьба за души подростков продолжается и во время оккупации.

Борьбу эту учитель Мороз вел до самого последнего своего часа.

Повесть Быкова заставляет читателя задумываться о том, что мир не должен забывать ужасы войны, разруху, страдания и смерть миллионов. Будь это великий военачальник, который вел отчаянное сопротивление с гитлеровцами, или обычный сельский учитель, до конца своих дней посвятивший себя своему делу и главное детям.

ОЖОГИНА

Мария,

16 лет, п. Тайцы

ЛИНА (рассказ блокадницы)

*Война – жесточе нету слова,
Война – печальней нету слова,
Война – святее нету слова
В тоске и славе этих лет,
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.*

А. Твардовский

«27 января, две тысячи десятый год. Пустой класс. Дети давно разошлись по домам, из-за чего в школе стало по-особенному пусто. За тонущим в сумерках окном валит крупный снег, а единственный фонарь, уныло опустив оранжевую голову, грациозно кружит в воздухе снежинки. Тишина. Я смотрю в окно и думаю о том времени, когда всем людям сразу пришлось пережить страшное потрясение. О том, когда смех смешивался с криками ужаса, радость победы с горем поражения. Я думала о войне.

...С тех пор прошло ровно 65 лет. Воспоминания о войне и о блокаде Ленинграда, кажется, надолго врезались в память. К началу войны мне было три года.

Сейчас, холодной снежной зимой, мне все чаще вспоминается августовский день, когда меня, еще совсем маленькую, с огромными белыми бантами и в ситцевом платье, взял на руки и поднял высоко-высоко к небу тогда еще плохо знакомый мне человек. От него пахло морем и ментоловым одеколоном. Прислонив в своей щеке, человек произнес низким баритоном одну единственную фразу, которая сейчас так часто всплывает в

памяти – «Жди меня, и я вернусь». Позже я узнала, это был мой отец. В те годы я не понимала значение этого слова так же, как и не понимала значение слова война. Сейчас эти слова для меня антонимы. Отец – война. Родное, близкое, теплое, и противоположность этому – ужасающая, всеобъемлющая и пугающая Война. «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» – писал когда-то Симонов. Эти строки для меня стали символом пережитых мною детских потрясений, единственной памятью.

Сибирь. Ленинград. Волосово. За время войны моей семье приходилось часто менять место жительства. Наверное, самым ярким и одновременно самым страшным воспоминанием из детства стала эвакуация в Ораниенбаум. Помню большой старый поезд, на котором нас перевозили, людей в солдатских обмундированиях, которые, что-то выкрикивая, торопили всех садящихся на поезд. Со мной были мама и тётя. Тогда, в сорок третьем, они, обессилевшие от голода, с трудом сели в «теплушку» (солдаты называли так эвакуационные поезда). Вокруг пели детдомовские дети, затягивая «Голова обвязана, кровь на рукаве...», когда им наконец удавалось выпросить у кого-нибудь кусочек сахара. Каждый в жизни по-своему проходит школу воспитания музыкальных способностей. Так моими первыми «учителями» стали фашистские самолеты в небе. Кажется, я бы даже сейчас отличила тембр наших самолетов от гула немецких... Проезжая станцию Дно, мы вновь услышали знакомый звук – нервный рев немецкого «Мессершмитта». Спустя несколько секунд в голубом небе начали взрываться бомбы, облака покрылись густым серым дымом, а где-то за мелькнувшим мимо окна лесом вспыхнул пожар. Долгое время бомбардировка не прекращалась. Только через некоторое время, как потом мне рассказывала мама, пассажиры «Юнкера-87» поняли, что фашисты бомбили поезд. Даже через толстые оконные стекла доносился оглушительный рев бомб. В такие моменты я со страхом прятала голову за мамино плечо, а на глазах у меня наворачивались слезы. Чем дальше уезжал поезд, чем больше в небе появлялось самолетов. Ударяли зенитные пушки, звенели пулеметы, слышался рев моторов в небе и пронзительный, нарастающий визг бомб. Только теперь, кроме фашистских, сквозь серые облака можно было различить и наши, советские самолеты. На глазах

пассажиров разворачивался настоящий бой в небе. Я запомнила все: и черно-белые петли в воздухе, и звук падающих бомб, и испуганное лицо матери. Сейчас прошло уже много лет. Но даже сегодня, услышав поблизости гул самолета, я невольно вздрагиваю — слишком жива память войны.

В тот вечер воспоминания долго не покидали меня. Казалось, это ужасное слово «война» стало настоящим путеводителем в прошлое: очертания матери я вспоминала лишь, переплетая их с военными действиями, себя, маленькую, — по ощущениям, возникшим из-за страшного события.

Хлеб. Сейчас запах свежей выпечки каждое утро четко различается на моей маленькой кухне. А ведь тогда было по-другому. В сорок пятом, почти через год после снятия блокады и через несколько месяцев после окончания войны, я пошла в первый класс. Запах гвоздик, темно-синяя форма, доброе лицо учителя, а вместе с тем изможденные голодом лица моих одноклассников — таким мне запомнился первый класс после блокадных лет. После прорыва блокады, наконец, повысили норму хлеба. Поэтому я очень часто вспоминаю одно солнечное ноябрьское утро, когда учитель отвел нас на хлебокомбинат. Помню, как с нескрываемой радостью достал он из кармана желтую карточку и обменял её на свежий, только что вынутый из печи ароматный хлеб. Лица моих одноклассников вмиг расплылись в широкой улыбке, и они начали втягивать разносшийся по всему комбинату запах свежей выпечки. В то утро все вернулись в класс необыкновенно счастливыми. Как будто по дуновению волшебной палочки именно в тот момент пошел первый снег, который весело заискрился на ярком ноябрьском солнце. Дети уселись поближе к окну, разделили хлеб, и, опуская свежие ломтики в песок, ели. Тогда для нас не было лучшего угощения. Это было наше, детское, счастье.

Общее счастье, счастье и детей, и взрослых, и стариков, наступило к моменту нашего приезда в Ленинград в сорок четвертом году. 27 января вечером был салют на Неве. Синее небо вспыхнуло тысячью разноцветных ракет. Гремели пушки. Тогда слезы горя смешались со слезами радости. То еще не был салют полной победы, но то была искренняя радость ленинградцев за свой город. Да, тогда я еще этого не понимала,

но сейчас, спустя, столько лет, я, кажется, способна почувствовать все то же самое, что чувствовали те люди, уверенные, что город их больше не будет подвержен оккупации.

Война... Знаю, что многим людям удалось в полной мере понять, что же это такое. И матери, и отцу, рано ушедшему от нас на фронт, и дедушке, тому самому человеку, который учил меня самому необычному музыкальному искусству — искусству отличать звук фашистских самолетов от звука наших, советских, и солдату, спасшему меня от мины, которую я когда-то случайно взяла в руки, приняв за обыкновенную жестяную банку... Да, никто не забыт, ничто не забыто.

В этот день, 27 января, мне каждый раз хочется выключить в квартире свет, зажечь свечу и поставить её на подоконник. Каждый раз я думаю о тех, кто пережил те девятьсот дней блокады. В то страшное время в Ленинграде не оставалось ни голубей, ни воробьев, ни кошек, ни даже крыс... А люди не покидали родной город. Им приходилось выживать, а ведь они еще и работали! На Кировском, легендарном заводе, сходили с конвейера танки. На заводе «Арсенал» на конвейер ложились снаряды. Работали все заводы блокадного города... 12-14-летние дети падали в цехах от усталости после смены. У них не было сил дойти до дома. Но они знали только одно — они работают для Победы! Умерших родных, близких и соседей жители просто отвозили в ямы, выкопанные за городом. Это была та территория блокады, которая жила отдельно от эмоций. Сейчас там Пискаревское мемориальное кладбище.

Теперь я уже многое знаю о войне. Как-то дедушка рассказал мне о Шостаковиче. В самый тяжелый из дней Блокады он написал свою легендарную Ленинградскую Симфонию. И умирающие, теряющие сознание от голода жители пришли, чтобы в насмерть промёрзшем зале послушать её. В зале из ртов слушателей шёл пар, но музыканты были великолепны в своих чёрных костюмах и фраках, мешками сидящих на их отошавших телах. Они замёрзшими, посинелыми руками доиграли свою Симфонию Победы. И зрители дарили им не цветы, а те сто двадцать пять грамм блокадного хлеба пополам с лебедой и сосновой корой, который получили в тот день сами. Эта запись в прямом эфире транслировалась по радио. Услышавшие

эту трансляцию немцы впадали в шоковый ступор.

Сейчас каждое слово, каждое напоминание о войне, о блокаде для меня свято, каждая могила погибшего тогда заставляет сердце сжиматься, а на глазах выступают слезы... В отличие от всех поминаний — на могилы жертвам блокады не ставят традиционную стопку с водкой. Туда кладут только хлеб. Победа города над блокадой, самая трагическая в войне, является и самой значительной в ней. Это была победа безоружного человеческого Духа над вооруженным врагом. В нашем языке еще нет слов, определяющих деяние города во время блокады. Ибо в истории человечества еще не было такой войны и не было такого массового духовного противостояния.

Так думала я в тот вечер. А хлопья снега продолжали ложиться на землю...»

ОЖОГИНА

Мария,

16 лет, п. Тайцы

ПИСЬМО МАТЕРИ

*В годы далёкие, сороковые,
Когда дым улетал в синь небес
Шли бомбежки в те дни роковые
Пушек, танков стоял ужасающий лес.
Наступали мы, бомбы ревели,
Дикий рев отдавался в ушах!..
Мы всё шли, трое суток не ели,
Даже пятна белели в глазах..
Вот сидишь ты в окопе холодном,
Вспоминаешь про милую мать...
Понимаешь, что в миг тот свободный
Не успел ей письмо дописать.
Будет ждать старушка ответа
И на почту ходить босиком.
Только писем все нету и нету,
Я потом напишу, я потом...*

*Вот вернусь и тогда погуляем,
Я сгоню с чердака голубей,
Я вернусь, я вернусь, обещаю,
Только, пуля, меня не убей!
Знаешь, мама, как эта чужбина
Надоела до боли в груди!
Вот уже мы стоим у Берлина,
И прошу я тебя, подожди!
Будут зори и будут рассветы,
Будет синь голубая небес...
Будет лето, да! Будет лето,
И березовый, милый мне лес!
Будет счастье и будет веселье,
Звонкий смех придет в нашу Русь!
Но когда-нибудь, днем весенним
Закрадется вдруг в сердце к нам грусть...
Грусть по тем, кого потеряли,
Кого беспощадно сгубила война.
Но я вернусь к тебе, вернусь... обещаю!
Только ты обязательно жди меня.*

ПИРОГОВА (Кириллова)

Евгения

Антоновна,

п. Войковицы

Родилась 21 марта 1938 года в пос. Непово, Кингисеппского района Ленинградской области. Во время войны дом, где мы жили, сгорел и после эвакуации вернулись в д. Копаницы, где проживала с 1945 по 1969 гг. После окончания Ленинградского сельхозинститута переехала в пос. Войковицы.

О МАМОЧКЕ МОЕЙ

Я не помню ни числа, ни года,
Только помню языки огня.
С запада неслись рассказы грома,
А ведь это – началась война.
Все бежали в лес, а вслед стреляли...
Бешеным и яростным огнем,
Вся земля горела под ногами,
А от дыма в горле свился ком,
А когда вернулись мы из леса,
Не было завода, ни избы...
Я в свои всего четыре года
Испытала ужасы войны.
А потом всех нас куда-то гнали,
Под холодным, проливным дождем,
Будто скот в вагоны затолкали,
Слышен был вокруг и плач, и стон...
И три года нас война носила:
По окопам, и по лагерям...
Смерть как-будто по пятам ходила.
Даже днем, не то что по ночам.
А домой вернулись мы зимою,
Поселили нас в холодный дом.
Не было ни рам, плиты, ни пола,
В окна вставили мешки с песком.
А еще я помню – есть хотелось,
Хоть пришлось сидеть мне на печи,
Чтобы не замерзнуть – песни пела,
И пекла из глины калачи.
Испытала вкус гнилой картошки,
И, как Бога, ждала мать весны,
Чтоб из лебеды испечь лепешки,
Да сварить бы из крапивы щи.
В праздник мать поставила нам с братом,
Чугуночек каши, отрубей.
Отвернется и уйдет. заплачет...
Брат мне скажет: «Женька, не робей!»
Хоть в те годы брат втройне был старше,
Но делил со мною наравне
И остаток оставлял для младшей.
«Женька, ты растешь, тебе вдвойне!»

Отчего мать плакала всегда?
Тяжело ей было, да и знала:
Нас растить придется без отца.
Но однажды, помню: мать вбежала
Со счастливым взглядом на лице,
Обняла нас и поцеловала:
«Дети, радуйтесь, конец войне!»
И с тех пор не видела я больше
Материнских слез, хотя всегда
Говорила мне:
«Ох, не из легких вдовья жизнь, как горькая трава!»
Вдовья жизнь, как горькая трава,
Не заешь ее и не запьешь,
Лишь одна в душе, одна отрада:
«Ради жизни на земле живешь!»

Февраль 1987 г.

ПЕТРОВА (Козлова)
Екатерина
Михайловна,
78 лет, п. Дружная Горка

ВОЙНА

Был черным 41-й год,
Фашист войну на нас обрушил.
Поработить хотел он наш народ,
Он наше счастье, мирный труд нарушил.

Бомбил он наши города и села
И кровь народная лилась рекой.
Стояли насмерть родины герои
Под Брестом, Ленинградом и Москвой.

И старики, и дети фронту помогали,
Чтобы своим трудом приблизить день победы,
Чтобы земля горела у фашистов под ногами,
Чтоб не было покоя мироедам.

Был каждый шаг к победе дорог,
Война всегда несет с собою смерть.
Есть подвиги, величие которых
Не сразу удастся разглядеть.

А сколько жизней юных и прекрасных,
Войне Россия наша отдала.
За то, чтоб наше солнце не погасло,
За то, чтоб наша родина жила.

Страну освободили от фашистов.
И одного теперь мы лишь хотим,
Чтоб никогда не повторились
Освенцим, Бухенвальд, Хатынь.

Закончилась война, ликуют люди,
Солдаты возвращаются домой,
Но никогда войну мы не забудем
И не вернем родных, принявших смертный бой.

Желаем мира мы на всей планете,
Чтоб вдов и сирот не было нигде.
И пусть повсюду людям солнце светит,
Победы будем добывать в труде.

УЗНИКАМ

Ночь начинается, вагон качается,
Мне исполняется кошмарный сон.
Страна любимая все удаляется,
Везут в Германию наш эшелон.

Прощайте улицы родного города,
Прощайте милые отец и мать.
Везут в Германию на муки голода,
Везут в Германию нас пропадать.

Там поместили нас в барак за проволокой,
А надзиратели и там и тут.
А за спиной своей я слышу окрики:
«Рус швайне арбайтен алес капут».

Нас били палками, нас били плетками.
Погибли тысячи наших людей.
Морили голодом, жгли в крематориях,
А пепел шел на удобрение полей.

Все пережили мы, даже не верится,
Что мы могли такое пережить.
Ведь были мы детьми, а детства у нас не было
И до Победы все хотели мы дожить.

И в ночь победную мне исполняется,
Такой чудесный, долгожданный сон —
Страна любимая всё приближается,
В Россию из Германии вернулся эшелон.

Песня (на мотив «Мурки»)

Эмма этой ночью
Мерзла на вокзале,
Ганс едет в Россию
Вот уже звонки.
Привези мне, Гансик,
Все, что заказала
И черные ботинки,
И черные чулки.
Ганс прошел на танке
Сразу пол-России.
Поручения Эммы
Просто пустяки.
В первой же деревне,
У первой русской снял он
Черные ботинки
И черные чулки.

Много Ганс наградил,
Шлет домой посылки:
Шубы, самовары,
Валенки, платки,
Сало и подушки,
Хлеб и одеяла,
И черные ботинки,
И черные чулки.

Но конец приходит
Всякому разбою.
И фашиста-гада
Кокнули стрелки.
Отдал Ганс-грабитель
Вместе с головою
Черные ботинки
И черные чулки.

ПОПОВА

Екатерина,

4 класс, п. Сиверский

ОТЗЫВ О КНИГЕ Н.А. ХОДЗЫ «ДОРОГА ЖИЗНИ».

В преддверии праздника Победы, я прочитала книгу Нисона Александровича Ходзы «Дорога жизни». Она заинтересовала меня, прежде всего, потому, что Дорога жизни проходила около Ленинграда, а значит совсем рядом с Сиверской. Мне стало любопытно, почему она так называлась? Прочитав книгу, я узнала, что Дорога жизни спасла Ленинград от голодной смерти.

В 1941 году фашистские захватчики напали на мирный русский народ. Ленинград был одним из тех, кто подвергся нападению. И был взят в блокадное кольцо. Со всех сторон Ленинград обстреливали и бомбили днём и ночью. Запасы продовольствия кончались. Ленинградцы умирали от голода. За кольцом блокады много деревень и городов. Там есть мука, мясо, масло. Но как их доставить в окруженный врагами Ленинград? Только одна дорога связывала блокированный город с Большой землёй. Эта дорога шла по водам Ладожского озера, от небольшого посёлка Кобона до местечка Осиновец на левом берегу Ладоги. Общая площадь дороги составляла 125 км. Это было расстояние между жизнью и смертью. Страшным и опасным был этот путь.

Немецкие бомбардировщики и вражеская артиллерия ни на минуту не оставляли Дорогу жизни без внимания, прекрасно понимая, что это единственный путь спасения для ленинградцев. Каждый рейс в Ленинград был связан с огромным риском для жизни, но никто ни разу не повернул назад. Когда Ладога замёрзла и лёд сковал её воды, продовольствие доставляли на санях, боясь, что тяжёлые грузовики проломают лёд и уйдут под воду. Передвигались очень медленно, ночами, в лютый мороз, без света, в полной темноте, чтобы не заметил враг. Голодный город с великой надеждой ждал своих героев, которые, отдавая свои жизни, с негибимой волей везли по Дороге жизни

продовольствие. Благодаря им Ленинград выстоял и перенес жестокую блокаду. Для меня это пример огромного мужества и преданности своей Родине и своему народу. Дорога жизни – это один большой памятник всем тем, кто в годы блокады, не жалея себя, спас город от страшной участи. Низкий поклон до земли героям, не отчаявшимся и выстоявшим в годы блокады Ленинграда!

Эта книга никого не оставит равнодушным. В ней много фотодокументов, рассказов об отдельных людях, героически погибших при Дороге жизни. Такую книгу необходимо прочитать, хотя бы для того, чтобы знать, помнить и гордиться тем, что наш народ вынес на своих плечах и не сломался. Не сдался на милость врагу.

ПЕСТРИКОВ

Евгений

Борисович,

44 года, п. Сиверский

член ЛИТО «Сиверское братство»,

ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА

Как память давно отшумевшей войны

Стоит обелиск горделиво.

А ветер гуляет по гребню волны

Над серой водою залива.

Во вражьем кольце выживал Ленинград,

Не встав на колени, бесстрашно.

В блокадный прорыв направляет Кронштадт

Свои корабельные башни.

Брусчатка хранит грохот их каблучков,

Оркестр корабельный играет.

Бригада прорыва – отряд моряков –

Свои корабли покидает.

*Возмездье суровое скоро грядёт
За голод, страданья, пожары.
Морская пехота – серьёзный народ –
В окопах готова к удару.*

*На ватник сменили матросский бушлат,
Смешны интендантов придирки.
У сердца любовно ребята хранят
Родные свои бескозырки.*

*Бушует орудий басистый раскат,
Земля ходуном под ногами.
В затык папиросы в окопах смолят,
Прижавшись к брустверу щеками.*

*Но время! Ракета, чертя дымный след,
Звездой догоревшей упала.
Дойду ли сегодня? А может и нет...
Что нынче судьба нагадала?*

*Надев бескозырки, плюя на Устав,
Под бешеный стук пулемёта,
Надёжно в зубах ленты с якорем сжав,
Рванулась залёгшая рота.*

*В атаку! О прочем и думать не смей!
Полундра! Наш клич легендарный!
Недаром прозвали нас «чёрная смерть»
На Ханко, в Керчи и Полярном!*

*Мы ярость свою всю подарим врагу,
В траншеи чужие врываясь...
А сзади остался мой друг на снегу,
В кровавый сугроб зарываясь.*

*Его после боя, братишки, найдём,
Он другом нам был настоящим.
Лежит, припорошенный свежим снежком,
Сигнальщик с эсминца «Гремящий».*

*Мальчишки так любят игрушки войны
И падают наземь красиво...
А ветер гуляет по гребню волны
Над серой водою залива.*

СИНИЦЫН
Георгий,
8 класс, п. Сиверский

*Салют победный каждый год нарядней,
Вот только душу охватывает дрожь:
Круг ветеранов не становится парадней,
И многих в этом круге не найдешь.*

*Становятся историей солдаты,
Катюши, танки, дзоты, лагеря,
Паек блокадный и штрафбаты,
Становится историей война.*

*Уходят понемногу ветераны,
Прожив достойно путь земной,
Залечивая века раны,
Оставленные черною войной.*

*А нам в наследство остается
Земная радость и счастье бытия.
Перед могилами священными клянемся
Все приумножить, вас благодаря.*

*И вечным памятником будет
Победный и умывшийся в грозах
День, выстраданный, долгожданный,
Праздник, со слезами на глазах.*

СОВЕТНИКОВА

Дарья,

7 класс, п. Сиверский

ЧИТАЯ КНИГИ О ВОЙНЕ....

Читая книги о войне,
Я вспоминаю Деда.
Он тоже был на той войне
И дожил до Победы!

И биография страны
Сплелась с его судьбою,
И годы юности навек
Украдены войною.

Мальчишкой он на фронт ушёл,
Чтобы с врагами биться.
И храбр был он, и силен,
Чтоб мы могли родиться!

ХМЕЛЬНИЦКАЯ

Евгения

Львовна,

88 лет, п. Дружная Горка

МАМЕ (Ленинградский фронт, 1943 год)

Я в бой иду. Прощай! До встречи скорой,
Не нужно, мама, тосковать.
Я выдержу, я устою, не опозорю,
С Победой будете встречать!

Я вспоминаю песни все твои от колыбели
И помню голос твой душевный и простой.
У дома помню три пушистых ели,
Скворечник над высокою сосной.

Я помню все, ничто не позабыто,
Но Родина зовет, и я иду на этот клич!

МАМЕ (с фронта 1942 год)

Тебя здесь нет! Но ты как-будто рядом.
С глазами ясными и чистою душой
И снова я с горячим нежным взглядом
Вся зачарована стою перед тобой.

И хочется, чтоб чудо совершилось,
Чтоб снова услышала голос твой,
Чтобы, как прежде, улыбаясь, я склонилась
На грудь твою усталой головой.

Чтоб перед новым тягостным прощаньем,
Идя на клич зовущих в битву труб,
Я на губах своих почуяла б дыханье
Твоих горячих материнских губ.

Родная! Сквозь грозы и ненастья
Несу я, как святыню, как кумир,
Твою любовь бессмертную, как счастье,
Мою любовь, огромную, как мир.

И в тучах пыли грозного похода
Несу твой образ, пламенно любя.
Я в бой иду за жизнь, за честь народа,
А это значит, мама, что и за тебя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШВИЛО

Инна

Стефановна,

жительница п. Терволово

ВETERАНЫ

В день Победы и внуки, и деда,
Мы – один Победивший народ!
Только вас под знамена Победы,
Ветераны, все меньше встает!
Вас, кто слышит в грозе грохот боя,
Видит отблеск пожарищ в заре,
Тех, кому соловьиной весной
Сняться сны о военной поре.
Ваша память – истории корни,
Ваша жизнь – это слава страны
Вы, как сталь закаляется в горне,
Закалились в горниле войны.
И сегодня вы наша опора,
Наш не сломленный в тяготах дух,
Те, чье мужество двигает горы,
Те, в чьем сердце огонь не потух.
В вашей стойкости черпаем силы
И, как прежде, не можем понять:
Как сумели, родные, смогли вы
Все простить, все снести, все принять.
Я прошу – не спешите солдаты
Встать в небесного воинства строй!
Чтоб добытая вами когда-то
Оставалась Победа живой.

О ВОЙНЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА.....	5
Четыре года по команде «к бою».....	6
«Мы родом не из детства – из войны...»	27
Блокадных дней суровые страницы	78
СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ СОЛДАТА-ПОБЕДИТЕЛЯ	102
ЦВЕТУТ НЕЗАБУДКИ У МРАМОРНЫХ ПЛИТ...	209

Куратор проекта: Е.Л. Бабий.

Составители: С.А. Топорикова,
О.Л. Соколова,
Л.Н. Вавулина.

"СКВОЗЬ ГОДЫ ПАМЯТИ И СУДЬБЫ ПОКОЛЕНИЙ"

**65-летию Великой Победы
посвящается**

ООО «Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-Петербург, Клинский проспект 25
Телефон: 777-05-17

Подписано в печать 4.06.2010 г.
Тираж 145 экз.